

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 5 (110). Август, 2010

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Дориакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ

доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ

доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ

доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ

доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ

доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН

доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ

доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНИЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА

доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА

доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ

доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ

ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ

доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии

«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ

доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)

В. А. АЧКАСОВ

доктор политических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА

доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН

кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ

кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ

доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ

доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА

доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА

доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ

кандидат исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)

З. К. ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ

доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

Nº 5 (110). August, 2010

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,
Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrusu.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV

Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV

Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV

Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

N. MEL'NIKOV

Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY

Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN

Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY

Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA

Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA

Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA

Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV

Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH

the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV

Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
«Social Sciences & Humanities»**V. AKULOV**

Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. ACHKASOV

Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN

Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV

Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV

Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA

Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKII

Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA

Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA

Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV

Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV

Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

Z. TARLANOV

Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV

Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Пашков А. М.

Фольклорная и этнографическая деятельность петрашевца А. П. Баласогло в петрозаводской ссылке 8

Takala Irina R.

Finnish factor in the establishment of autonomous Karelia 17

Шахнович М. М.

Каменные кресты Карелии 27

ПЕДАГОГИКА

Якиманская И. С.

Концепция личностно ориентированного образования 36

ФИЛОЛОГИЯ

Патроева Н. В.

Обособленные предложно-падежные обороты в поэтической речи: структура, семантика, экспрессивный потенциал 41

Абрамова И. Е.

Языковая социализация в условиях искусственного билингвизма 50

Колесова Л. Н., Неёлов Е. М.

Традиции школы профессора И. П. Лупановой 55

Шарапенкова Н. Г.

«Глаз», «взгляд», «око» как главные мотивы романа «Москва» Андрея Белого (к 130-летию со дня рождения писателя) 58

Бабалык М. Г.

Апокриф «Беседа трех святителей» в списках книжника-старообрядца И. С. Мяндина 63

ФИЛОСОФИЯ

Виноградов А. И.

Г. В. Плеханов о субъектах истории: «Искушение трансцендентным» 70

ЭКОНОМИКА

Римашевская Н. М.

Социальная политика сбережения народа 75

Мигранова Л. А.

Проблемы заработной платы и трудовая мотивация 83

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Чернов С. Н., Бурцев В. И.

Современное состояние административно-правовых концепций обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации 90

Оленина Т. Ю.

Административно-правовой режим учреждения начального профессионального образования 96

РЕЦЕНЗИИ

Савельева Л. В.

Рец. на кн.: И. А. Кюршунова. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. 99

Муравьев А. О., Суни Л. В.

Рец. на кн.: Saarela Tauno. Suomalainen komunismi ja vallankumous 1923–1930. Historiallisia tutkimuksia 239. 101

Падисов С. Г.

Рец. на кн.: Акулов В. Б. Теория экономической организации: Учебное пособие 103

Понырко Н. В.

Рец. на кн.: Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин 105

ПАМЯТЬ

Зайцева Н. Г.

Педагогу и ученому посвящается (Памяти М. И. Муллонен) 107

Научная информация 109

Информация для авторов 112

Contents 113

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Учредитель: ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 20.08.2010. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 120 экз.) Изд. № 172.

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ЖУРНАЛА**
Профессор,
доктор технических наук
A. B. Воронин

ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

10 июля 1940 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «Об открытии Карело-Финского государственного университета», который был создан на базе Карельского государственного педагогического института с сохранением в его составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, биологического и геолого-гидрографического. 2 сентября 1940 года 711 студентов приступили к занятиям. 7 сентября состоялось торжественное открытие университета.

Сегодня Петрозаводский государственный университет является крупнейшим вузом на Европейском Севере России. В 2009 году университет вошел в двадцатку лучших классических университетов Национального рейтинга российских вузов и занял 1-е место по критерию «Интернационализация», 6-е место в номинации «Бренд». За 70 лет в стенах университета подготовлено более 60 000 специалистов высшей квалификации. В настоящее время в состав университета входят 85 кафедр, 17 факультетов, среди них формирующие гуманитарное образование в нашем вузе: исторический, политических и социальных наук, прибалтийско-финской филологии и культуры, филологический, экономический, юридический. Эти факультеты, а также общеуниверситетские кафедры: иностранных языков, культурологии, педагогики и психологии, философии – претворяют в жизнь идеи гуманизации и гуманитаризации, совершенствуют университетское образование, готовят научные кадры. Продолжает свою работу Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций: 10.01.01 Русская литература и 10.01.09 Фольклористика, а также Совет по защите кандидатских диссертаций: 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки). Не только в России, но и за рубежом известны исследования наших ученых по лингвофольклористике, этнолингвистике, русской диалектологии, исторической поэтике, компаративистике, изучению античных и христианских традиций в русской литературе, работы о творчестве Пушкина, Достоевского, фольклоре, научной фантастике, детской литературе. Именно в нашем университете находится единственный в России факультет прибалтийско-финской филологии и культуры, ставший своеобразным центром развития образования и науки народов Карелии и Финляндии. Научная деятельность профессорско-преподавательского состава перечисленных выше факультетов и кафедр направлена на изучение не только Карелии, но и Европейского Севера России, Финляндии и Скандинавских стран. Ежегодно выполняется более 300 научных проектов, проводится около 80 конференций и семинаров разного уровня, издаются десятки научных монографий, учебников и учебных пособий. Развитие и приумножение интеллектуального потенциала общества через подготовку специалистов, обладающих высокими гражданскими и нравственными качествами, было и остается главной целью ПетрГУ.

От всей души поздравляю с юбилеем университета и желаю новых научных достижений!

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
pashkov@psu.karelia.ru

ФОЛЬКЛОРНАЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРАШЕВЦА А. П. БАЛАСОГЛО В ПЕТРОЗАВОДСКОЙ ССЫЛКЕ

Статья посвящена вкладу петрашевца А. П. Баласогло в изучение фольклора и этнографии народов Карелии в годы его петрозаводской ссылки. Сделана попытка реконструировать содержание исчезнувшего архива А. П. Баласогло, собранного им в годы ссылки.

Ключевые слова: А. П. Баласогло, политическая ссылка, Олонецкая губерния, Петрозаводск, фольклор, этнография

В конце ноября 1849 года в Петрозаводск был сослан петрашевец Александр Пантелеимонович Баласогло (1813–1893)¹. Он родился в Херсоне в семье обрусевшего грека, служившего офицером на Черноморском флоте. В четыре года мальчик выучился читать. О своих детских увлечениях он вспоминал позднее: «Самою первую книгою, какая мне попалась в руки, была география, в которой довольно подробно описывались жизнь, занятия, наряды, нравы и обычаи разных народов... Эта книга решила направление всей моей жизни. Я до того был пленен природою этих стран и всеми чудесами образа жизни этих народов, что только и думал всю свою последующую жизнь, как бы мне побывать в этих волшебных местах и описать их еще полнее и ярче, чем как я читал. ...От этого я загорел желанием вступить на службу во флот, добраться до Петербурга и оттуда на первом кругосветном корабле отправиться в дальние вояжи».

В 1826 году Баласогло поступил гардемарином на флот и участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов. Весной 1829 года он был переведен мичманом на Балтийский флот. Молодой офицер надеялся попасть в дальнее морское путешествие, но его мечтам не суждено было сбыться. Прослужив шесть лет в Балтийском флоте, Баласогло вышел в отставку в декабре 1835 года в чине лейтенанта. Еще осенью 1834 года он стал посещать вольнослушателем лекции в Петербургском университете, но весной 1835 года вынужден был оставить университет из-за нехватки времени. Выйдя в отставку, Баласогло служил мелким чиновником в разных столичных учреждениях. В 1841 году он устроился на службу в архив Министерства иностранных дел, где получил в 1845 году чин надворного советника. В 1845 году Баласогло стал активным участником кружка М. В. Петрашевского². Он был в числе первых посетителей дома Петрашевского и вскоре стал одним из самых близких его друзей.

Б. Ф. Егоров считает Баласогло представителем так называемых «мирных» петрашевцев,

противостоявших сторонникам революционных изменений в России. По мнению этого исследователя, хотя Баласогло и был «нечетким мыслителем», он выступал против буржуазного либерализма с социалистических позиций [24; 64].

22 апреля 1849 года Баласогло был арестован жандармами и помещен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В начале мая он написал обширные показания, известные также как «Исповедь». В ней он откровенно рассказал о своей жизни и многочисленных обидах и несправедливостях, которые ему пришлось вынести. В заключение исповеди Баласогло охарактеризовал себя как «действительно христианина», «самого радикального утописта», «коммуниста», фурьеиста и сторонника «участия в делах правления выборных людей от народа». Но в то же время он отметил: «...убежден, что Россия без монарха не может просуществовать и ныне, и весьма, весьма надолго вперед ни единого часа». Во время следствия Баласогло старался выгородить как себя, так и других арестованных, хотя и признавал, что осуждал многих высокопоставленных чиновников.

Петрашевцев судила специальная военно-судная комиссия. Из 25 «зачинщиков» Баласогло был признан наименее «виновным». Николай I относительно Баласогло повелел: «По освобождении из крепости определить его на службу в Олонецкую губернию, как за дерзость против своих начальников он, во всяком случае, подлежит ответственности и здесь оставаться не может». 9 ноября 1849 года его освободили из заключения, и вскоре, 25 ноября, он был выслан на службу в Петрозаводск.

По прибытии в Петрозаводск А. П. Баласогло с 3 апреля 1850 года был определен на службу в штат Олонецкого губернского правления. Уже находясь в Петрозаводске, он мог узнать о расправе над петрашевцами, о том, как 22 декабря 1849 года 21 осужденный был доставлен на Семеновский плац, где им зачитали приговор о расстреле, затем была инсценирована подготовка

к расстрелу, в последний момент казнь была отменена и осужденным был зачитан более мягкий приговор. Подробное описание этого жестокого спектакля было помещено в газете «Русский инвалид» и перепечатано в ряде других газет. Естественно, что состояние Баласогло в первые месяцы ссылки было ужасным. Посетившая его в феврале 1850 года жена писала управляющему III отделением Дубельту: «Во время моего пребывания у мужа в Петрозаводске я нашла его здоровье совершенно расстроенным. Он жалуется на беспрестанные головные боли, сильное расслабление нерв и как бы притупление умственных способностей в такой степени, что он более получаса не может заниматься даже чтением».

Вероятно, Баласогло тяготился пребыванием в Петрозаводске в качестве поднадзорного и стремился хотя бы на время покинуть город. Губернатор Н. Е. Писарев поручил ему сбор статистических материалов. Летом 1850 года Баласогло совершил трехмесячную поездку по Олонецкой губернии, из которой привез большой фольклорный, этнографический и статистический материал. О содержании собранных им материалов можно судить по «Донесению А. П. Баласогло олонецкому губернатору Н. Е. Писареву по поводу собранных им в Олонецкой губернии статистических и этнографических сведений», датированному 18 января 1851 года, которое было впервые опубликовано В. Г. Базановым [22; 174–175], [23; 36–37]. Приведем это донесение:

«Будучи не в силах по расстроенному состоянию своего здоровья продолжать изложение статистических и этнографических сведений, собранных мною в поездку по Олонецкой губернии, имею честь, в исполнение словесного приказания Вашего Благородия, представить вам все имеющиеся у меня материалы. Сверх уже представленных мною В_{ашему} Б_{лагородию} 79 народных песен здесь находятся:

1. и 2. Собрание по алфавиту слов карельского и чудского языков.
 3. Собрание по алфавиту местных русских народных слов Олонецкой губернии.
 4. Две народные сказки.
 5. и 6. Две тетради. Одна в отдельных листках моих кратких черновых заметок по всем пунктам данной мне В_{ашим} Б_{лагородием} инструкции.
 7. Несколько листов пословиц и загадок, доставленных мне разными лицами, сверх множества других пословиц, размещенных в двух тетрадях, NN 5 и 6.
 8. Семь несшитых тетрадей, в листах, статистических ведомостей по городам и окрестным селениям Пудожа и Каргополя, доставленных мне местными начальствами.
 9. Семнадцать тетрадей и бумаг в листах разных исторических и статистических сведений, доставленных мне местными начальствами, преимущественно по Петрозаводскому и Повенецкому уездам.
 10. Три ведомости растений Олонецкой губернии, преимущественно собранных аптеками Петрозаводска, Конч-озера и Пудожа, составленным по моей просьбе медиками, аптекарями и фельдшарами этих трех мест.
 11. Двадцать шесть листов разных старинных актов относительно города Каргополя, добровольно уступленных мне учителем Каргопольского уездного училища г. Смирновым и
 12. Краткое описание Марциальных вод, составленное и тоже добровольно мне отданное г. Кершиком...»
- Перечень материалов, собранных Баласогло, позволяет сделать вывод, что он действительно собрал обширный материал по лингвистике, фольклору, статистике, ботанике и истории Олонецкой губернии. Кроме того, В. Г. Базанов сообщил данные еще о нескольких произведениях Баласогло: «Записка о географических сведениях по Каргопольскому уезду», датированная 14 июня 1850 года, записка «О ловле жемчуга в реке Повенчанке» от 7 августа 1850 года и черновик под названием «Речения», состоящий из 13 карельских слов и выражений с переводом на русский язык.
- В середине января 1851 года шеф жандармов граф А. Ф. Орлов секретно запросил олонецкого губернатора Писарева «о поведении и образе мыслей Баласогло, равно о том, заслуживает ли он облегчения участия». От ответа Писарева во многом зависела судьба А. П. Баласогло. Губернатор ответил 27 января: «...честь имею донести, что надворный советник Баласогло ведет себя хорошо, образа своих мыслей старается не обнаруживать, точно так же, как и другие, но, по некоторым случаям и общему характеру его знакомств, я не могу поручиться пред Вашим сиятельством за его благонадежность. Служить и что-нибудь делать он, по-видимому, не желает. Я хотел доставить ему занятие по собственному его выбору – он попросил меня командировать его для собрания статистических сведений – я исполнил его желание, он был очень доволен, благодарил, обещал исполнить все, что было поручено, и порученного не выполнил, отзываясь болезнью, которая, однако, не препятствует ему ходить в гости и на вечера и танцевать усердно. Поэтому я не смею доложить В_{ашему} С_{иятельству}, чтобы он заслуживал в настоящее время какое-либо смягчение участия». Таким образом, мнение губернатора Писарева о краеведческих изысканиях Баласогло было отрицательным.
- Действительно, находясь в крайне угнетенном моральном состоянии, подвергаясь нападкам Писарева, Баласогло не мог заниматься научными изысканиями. Когда надежды на скорое освобождение из ссылки были совсем утрачены, а нервная система еще больше вышла из строя, он решил на отчаянный шаг. Вечером 27 мая 1851 года он пришел на петрозаводскую гауптвахту и заявил караульным солдатам, что ему

известна «одна важная государственная тайна» и потому он требует отправить его в Петербург «как можно поспешнее для личного объяснения» с Николаем I, «без чего он не может ручаться за собственную жизнь». Он был немедленно доставлен на квартиру командира местного гарнизонного батальона полковника Юрасова. Туда же по требованию Баласогло прибыли несколько видных городских чиновников (по его словам – «особы, которых я привык ценить и уважать, что и останется во мне навек, в воспоминание о Петрозаводске»), включая вице-губернатора М. М. Большева (губернатора в тот момент в городе не было), горного начальника Н. Ф. Бутенева и еще 9 человек.

В их присутствии ссылочный заявил, что, «будучи в полном рассудке и не в болезненном состоянии», намерен открыть Николаю I «важную государственную тайну, а именно верховную измену генерал-лейтенанта Леонтия Васильевича Дубельта... и потому убедительнейше просит и требует священным именем Его величества оказать ему милость, отправить его в сию же минуту прямо в Петербург, прямо в Зимний или другой дворец, где находится Его величество, где бы он мог успеть лично объяснить эту тайну или самому Его величеству, или, в случае его отсутствия из столицы, государю наследнику Александру Николаевичу». Кроме того, он подчеркнул: «...чтобы из этого дела не было шума где бы то ни было, потому что Баласогло никогда нигде не бывал бунтовщиком или мстительным человеком, а взял эти меры единственно по безграничной своей преданности в волю Божию, законам государства, вере и добре нравственности». Собравшиеся чиновники предложили Баласогло изложить все сказанное им письменно, на что тот «первоначально отвечал, что, будучи в сильнейшем внутреннем волнении, он не в силах писать... однако же впоследствии... изъявил желание написать своеручно от себя объяснение, что и было ему позволено».

После этого два врача провели медицинское освидетельствование Баласогло. В составленном ими акте имеется уникальное описание внешности ссылочного: «...он имеет от руки 37 лет, телосложения он худощавого, лица бледного, с заметным болезненным выражением, но особенную болезнь не объявлял, а явно только сильная нервная раздражительность». В итоге врачи сделали вывод: «На все вопросы, сделанные ему, отвечал совершенно соответственно, связно и понятливо, но также видны были внутреннее беспокойство и раздражительность. Поэтому в настояще время только заключить следует, что он находится в сильном душевном волнении и нервном расстройстве, а явного расстройства умственным его способностям в настояще время не заметно».

Тогда же, в ночь с 27 на 28 мая, были опечатаны вещи Баласогло. Он жил вместе с другим ссылочным В. М. Белозерским. Из описи имуще-

ства видно, что у Баласогло было довольно много книг, так как в описи упомянуты «чемодан белой кожи с книгами и бельем», «ящик с книгами, шляпою и другими», а также большая коллекция камней, собранных, возможно, во время поездки по губернии летом 1850 года («горной породы каменья: в куле, чемодане и двух ящиках»).

На следующий день, 28 мая, Баласогло в сопровождении жандармского поручика был отправлен в Петербург и 31 мая сдан в Министерство внутренних дел. Вице-губернатор Большев отправил 29 мая, то есть вдогонку арестанту, его секретную характеристику: «...надворный советник Баласогло во все время бытности его в Петрозаводске вел себя примерно хорошо, был всегда постоянно скромен, и не только ни в чем предосудительном не замечен, но даже приличным поведением своим и благонравием успел приобрести здесь общее к себе расположение». Видно, что эта характеристика была более благоприятна для Баласогло, чем отзыв Писарева.

1 июня 1851 года Баласогло был вновь заключен в Петропавловскую крепость, откуда через месяц, после нервного припадка, переведен в лечебницу для душевнобольных, а в ноябре отправлен под секретный надзор в Николаев. Больше он в Олонецкой губернии никогда не был, хотя прожил очень долго и умер в Николаеве в январе 1893 года.

Итоги краеведческой деятельности Баласогло в Петрозаводске в силу ряда причин были довольно скромными. Отсутствие систематического образования, расшатанное здоровье, неустойчивая психика, придики губернатора не позволили ему серьезно заняться изучением края, ставшего местом его изгнания. Во время поездки по Олонецкой губернии летом 1850 года он сумел собрать множество разнородных материалов, но неизвестно почти ни одной его рукописной работы, созданной на основе этих материалов, не говоря уже о публикациях. Можно сказать, что во время ссылки это был морально и физически сломленный человек.

Остается неясной судьба петрозаводского архива Баласогло. Известно, что часть его имущества была выдана Белозерскому в августе 1851 года. Сам Баласогло по приезде в Николаев обратился к Л. В. Дубельту за содействием в высылке ему оставшихся в Петрозаводске вещей. В мае 1852 года Дубельт обратился с аналогичной просьбой к новому олонецкому губернатору князю Ю. А. Долгорукову. Вскоре, в конце июля, вещи Баласогло были выданы по доверенности В. М. Белозерскому. Вероятно, ему же достались и рукописи. Затем архив Баласогло оказался в распоряжении учителя петрозаводской гимназии Ф. И. Дозе.

Выпускник этой гимназии 1855 года К. М. Петров, известный как один из самых активных краеведов Олонецкого края второй половины XIX века³, вспоминал позднее: «В 50-х годах чиновник особых поручений при губернаторе

Баласогло записал и собрал весьма многое. Все его собрание, когда Баласогло сошел с ума, досталось учителю гимназии Ф. И. Дозе. Очень жаль, что собрание Баласогло утратилось в целом; но по частям оно сохранилось в трудах олонецких гимназистов. Дозе был человек образованный, любил свой предмет преподавания, любил учеников своих и многих из них направил на путь изучения края во всех отношениях. Так, мне он дал записанные Баласогло заплачки по покойникам и вследствие этого явились два ученических сочинения – «Заплачки и причитания» и «Похороны и поминки в Олонецкой губернии». Товарищу моему Бобровскому достались свадебные песни и явилось тоже гимназическое сочинение «Свадебные обряды в Заонежье». Клементьев написал «Поговорки о городах и племенах Олонецкого края». Все ученические сочинения впоследствии были переделаны и напечатаны или в «Русском дневнике», издававшемся Мельниковым, или в местной газете» [13; 83].

Действительно, в 1858 году К. М. Петров поместил в журнале «Лучи» очерк «Заплачки в Олонецкой губернии», перепечатанный затем в газете «Олонецкие губернские ведомости» [12] (далее – «ОГВ»). Несколько народных преданий о панах, кладах и чертях, собранных в основном в деревне Мегра (Мегорский погост) Лодейнопольского уезда, были помещены им в газете «Русский дневник» [10]. В очерке «Панское озеро» он привел два предания о нападении «панов» на Мегру и их гибели в озере, в одном случае от чуда, а в другом – от хитрости местных крестьян. Предания «Бочка с золотом» и «Коровы» посвящены чертям, жившим в небольшом озере вблизи Мегры. В статье «Присловья в Олонецкой губернии» были перечислены обидные прозвища жителей разных городов и сел Олонецкой губернии и сделана попытка объяснить их происхождение [11]. Но все эти публикации были лишь основаны на материалах Баласогло и подверглись двойной переработке сначала петрозаводскими гимназистами и Дозе, а затем Петровым. Таким образом, Петрова можно считать первым исследователем научной деятельности Баласогло, оценившим его вклад в фольклорно-этнографическое изучение Олонецкого края.

Существует одна публикация из собрания Баласогло, подвергшаяся минимальному редактированию. В 1856 году – первой половине 1857 года неофициальную часть газеты «ОГВ», где помещались все краеведческие материалы, реадектировал Дозе. В мае–июне 1857 года наверняка по инициативе Дозе и незадолго до его отъезда из Петрозаводска в газете под рубрикой «Этнографические материалы» была помещена статья «Предания о панах в Олонецкой губернии» [15]. Она имела подзаголовок «Извлечено из бумаг А. П. Баласогло».

В начале данной публикации сделана попытка обрисовать географию преданий о «панах»: «Во

всей губернии более или менее, исключая, может быть, только небольшое пространство западной ее части, т. е. Олонецкого уезда, со смежными отрывками Петрозаводского и Лодейнопольского, существуют почти на каждом шагу предания о так называемых «панах»; сильнее всего эти предания уцелели во всем Заонежье, с прилегающими к нему частями Пудожского и Повенецкого уездов». Затем автор очерка попытался охарактеризовать основных персонажей преданий: «Паны ни народ, ни сословие, ни род, ни племя, а просто – чужие люди, приходившие обращать крестьян в свою веру. Они приходили почти что во всякую деревню артелями, жгли дома, храмы Божии, убивали народ, грабили и уходили восвояси... В иных местах они и жили; у них были тут и ворота, и городки, и дома, и даже свои церкви. Но теперь ничего не осталось: как ушли, так все и побросали в воду».

Далее автор очерка изложил методику своей работы, заключавшуюся в сборе преданий о «панах» и их сопоставлении между собой и с данными письменных источников, и сформулировал задачу своего исследования: «...в настоящем очерке я ограничусь рассказом нескольких известных мне преданий, из которых можно, однако, вывести некоторые характеристические черты набегов панов и впечатления, оставленного ими на жителей». Эта фраза может считаться ключевой для выявления автора рассматриваемого очерка. Из нее ясно, что это не пересказ, а публикация рукописи Баласогло.

Из преданий видно, что «паны» часто строили себе дома, откуда делали частые и внезапные набеги на окрестности. В качестве конкретных примеров Баласогло привел предания о жилищах «панов» в окрестностях деревни Горка (два замка с огромными воротами) и на «Столовой горе» у Путкозера, к югу от Шунгского погоста, называемой местными жителями «Город» и «Панская гора». Можно добавить, что во время поездки по губернии летом 1850 года Баласогло действительно посетил деревню Горка 16–18 июня и побывал там на свадьбе в доме крестьянина Мелехова [22; 173], [23; 36]⁴. Поэтому можно предположить, что предания о «панах», приведенные в очерке, были собраны самим Баласогло.

В публикации отмечалось, что кроме Заонежья предания о «панах» распространены в Пудожском, Каргопольском и Повенецком уездах. Так, в окрестностях Пудожа, у деревни Журавицы, «видны теперь еще остатки древнего строения, имеющего вид «анбарушки», т. е. малого анбара», которые народ считал остатками панского замка. В очерке сообщается, что «30 лет тому назад (около 1820 года. – А. П.) близ мыса «Кунявский нос», выдающегося в Водлу, один крестьянин нашел в земле две вещи: род блюдца, но неизвестно, из какого металла, и золотую чашку; эти вещи относят к животу (имуществу. – А. П.) одного пана, жившего тут».

Вторую группу преданий, выделенную Баласогло, составляют предания о набегах «панов». Среди них вновь выделены заонежские предания, так как, по мнению краеведа, именно в Заонежье «паны» «оставили более по себе воспоминаний». Баласогло подробно пересказал предание о нападении «панов» на Кижский погост. По преданию, в старину Кижская церковь во имя Спаса стояла севернее, там, где «теперь», то есть в середине XIX века, находилась часовня Святого Духа. Во время праздника Покрова Богородицы «паны» напали на Кипи, приплыв из Повенца. Народ укрылся в храме, но «паны» ворвались и туда, «начали резать народ и стрелять в него». Две стрелы попали в икону («образ Спаса»), и в этот момент случилось чудо — «на панов нашла темень», то есть они ослепли, «стали резать друг друга и легли все на месте». Отметины от стрел, писал краевед, «видны на образе до сих пор». После такого осквернения церковь была оставлена и вскоре сгорела от молнии. Новая церковь была возведена южнее, где в кустах таинственным образом был найден «образ Спаса» из сгоревшего храма. Таким образом, по мнению Баласогло, «часовня, церковь и образ, существующий до сих пор, служат памятниками нападения панов в южном крае Заонежья».

Действие еще одного предания, приведенного в очерке, развернулось у деревни Сигова, южнее Шуньги. Живший там на хуторе крестьянин бежал от «панов» зимой на остров, но был пойман и ограблен. Баласогло сделал точную привязку этого предания к местности, сообщая, что сейчас там находится «двор крестьянина Федотова». При этом публикатор очерка (вероятно, Дозе) добавил к последней фразе ценное примечание: «Записано в 1849 году». Хотя здесь допущена неточность, так как поездка Баласогло состоялась летом 1850 года, но для Дозе, приехавшего в Петрозаводск только в 1853 году, это было свежее предание, то есть он узнал о нем от других людей, а не из документов, и ошибка в один год здесь вполне допустима. Это примечание вновь подтверждает, что очерк «Предания о панах в Олонецкой губернии» является публикацией рукописи Баласогло.

В очерке Баласогло подробно пересказано предание об осаде «панами» монастыря, находившегося на месте Шальского погоста в Пудожском уезде. «Паны» долго не могли взять монастырь. Начались переговоры, на которых нападавшие требовали от защитников монастыря «принять их веру». Во время переговоров «к порогу едва державшегося монастыря» подбежала лисица. Монахи погнались за ней, и зверь «ульнулся в матицу» (то есть провалился в прорубь, сделанную для ловли рыбы). Там у нее примерз хвост. Монахи поймали лисицу и подарили одному из «панов», давая этим понять, что «Бог не оставит их и что сами паны могут, подобно этому зверю, заморозить себе хвост». После этого «паны» отошли от монастыря. Вскоре

общими силами местных жителей удалось загнать «панов» на соседнюю гору, и там «Бог напустил на врагов имени своего “темень” (слепоту), и они перебили друг друга». Это место получило название «Немецкая гора».

Это предание основано на реальных фактах. До Смуты действительно существовал Шальский монастырь [25; 5–7]. В январе 1613 года «паны» совершили набег от Каргополя на Шальский погост [3; 194], и монастырь был разорен. В предании, приведенном Баласогло, бросаются в глаза две параллели: с известной русской сказкой из сборника А. Н. Афанасьева «Лисичка-сестричка и волк» [7] и с легендой о «белгородском киселе» из «Повести временных лет» [14; 286–287].

В завершение очерка автор сделал два вывода: о «существовании в Олонецком крае панов» и о том, что они пришли сюда «единственно для грабежей». Кроме того, предания содержат сведения о местах проживания, набегах и численности «панов», а также о том, «в какое время и в каких пределах бродили и проживали в Олонецком крае паны». Общий вывод Баласогло достаточно осторожен: «Так как олонецкий народ не знает никаких других враждебных народов в исторические времена, как только одних панов, то можно понимать под этим словом не отдельный народ или племя, а просто сброд людей из поляков, литвы, татар, черкасов, казаков и шведов».

Итак, очерк Баласогло «Предания о панах в Олонецкой губернии», опубликованный Дозе в газете «ОГВ» в мае–июне 1857 года, является первой в краеведческой историографии попыткой собрать и обобщить широко бытовавшие среди населения Олонецкой губернии предания о «панах», типологизировать содержавшиеся в них сведения и очертить ареал их распространения. Баласогло пытался привлечь к анализу преданий вещественные памятники (постройки, вещи из кладов, иконы, поклонные кресты и т. д.). При этом автор совсем не использовал письменные источники. Он плохо знал не только историю края, но и труды по отечественной истории. В очерке нет обычных для такого рода работ отсылок к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, к публикациям Археографической комиссии. Поэтому анализ преданий довольно поверхностен, а выводы автора откровенно слабы.

Основная ценность очерка Баласогло — в богатом фактическом материале. Он собрал и пересказал много преданий, четко привязав их к конкретной местности, хотя не указал, от кого именно предания были записаны. Фактически Баласогло провел первую в истории регионального краеведения фольклорную экспедицию. По упомянутым в тексте очерка населенным пунктам можно даже восстановить маршрут этой поездки: Заонежье (Горка, Сигова, Шуньга, Кипи), окрестности Повенца (Пергуба, Лумбуши), Сегозерье (Карельская Масельга, Паданы, Сельга), Выгозерье (Вожма-салма, Выгозеро, Койкини-

цы), Пудожье (Шала, Песчаное, Пудож, река Водла) и Каргополье (Воробьево, Позднышево).

Обращение Баласогло к такому жанру, как сбор и публикация исторических преданий, не было случайным. Корни этого явления лежат в социокультурной обстановке 1840-х годов, когда обращение к проявлениям народной жизни, важнейшим из которых был фольклор, стало приемом идейной борьбы между сторонниками теории «официальной народности», славянофилами и революционными демократами. Вероятнее всего, Баласогло находился под влиянием идей В. Г. Белинского, который, в свою очередь, был поклонником идей немецкого философа И. Г. Гердера. Впрочем, в тексте рассматриваемого очерка не упоминается ни один ученый или исследователь.

Неслучайным является и интерес Баласогло к преданиям о «панах». Нашествие отрядов литовцев, русских и украинских казаков и других участников гражданской войны в России на Русский Север в 1612–1615 годах имело тяжелейшие последствия, а «паны» как обобщенный образ опасных и беспощадных врагов стали составной частью картины мира северорусского крестьянства, не знавшего со времени заселения края в XIV веке до начала XX века никаких иных иноземных нашествий [29]. По этой причине, а также в силу развитой фольклорной традиции предания о «панах» были необычайно широко распространены по всему Русскому Северу. Можно предположить, что интерес к этим преданиям был частично обусловлен достаточно сложным положением Польши в составе России в XIX веке. В 1830–1831 годах произошло польское восстание. Многие участники польского национально-освободительного движения высыпались в отдаленные местности России, в частности в Олонецкую губернию. Поэтому можно считать вполне вероятными факты контактов Баласогло с польскими ссылочными. В последующие годы публикация Баласогло, посвященная преданиям о «панах», неоднократно использовалась в трудах как дореволюционных краеведов [4; 16], так и исследователей советского периода [26; 55, 57–58], [27; 79–82].

Кроме преданий о «панах» Дозе сделал в «ОГВ» еще две публикации «Из бумаг А. П. Б.», то есть из архива А. П. Баласогло. Это были две былины («старины»): «Старина о Василье» [19] и «Старина о Соловье Будимировиче» [20], что стало первой публикацией былин Олонецкого края. Она оказала определенное влияние на формирование собирательских интересов известного исследователя былин П. Н. Рыбникова. Сам он вспоминал: «В течение 1859 года из разговоров с петрозаводскими старожилами я узнал, что в сельском населении Олонецкой губернии сохранилось много любопытнейших и древних обычаяев, поверий, преданий, былин и песен. В подтверждение этим рассказам указывали на исторические и этнографические данные, напечатанные в местных гу-

бернских ведомостях, между прочим на две былины о богатырях – Соловье Будимировиче и Василье-пьянице» [16; 48]. Эти публикации записей Баласогло, сделанные Дозе, дали основание Петрову утверждать, что «Дозе, а не П. Н. Рыбников пробудил дремавшую Олонецкую губернию» [13; 83]. Однако сам Рыбников предостерегал от преувеличения роли и значения трудов его предшественников в области собирания русского фольклора Олонецкого края. В апреле 1861 года он писал П. А. Бессонову: «Возьмите в соображение, что здесь любителей бывало много, – и начальников горных заводов, и губернаторов: все они собирали, а что явилось в свет? Одна старина в Губернских ведомостях» [5; 239]. Поэтому можно согласиться с мнением И. А. Разумовой: «В целом же фольклорные записи предшественников Рыбникова были единичны и носили эпизодический характер. Однако заслуги этих людей в пробуждении интереса к фольклору среди местной интеллигенции, в стремлении сохранить памятники духовной культуры неоспоримы» [32; 22]⁵. Обе старины, записанные Баласогло, были включены Рыбниковым в свое собрание былин [18; 520–522 (текст), 566 (комментарий)].

Еще одна работа Баласогло дошла до нас в переработанном виде как сочинение, написанное в 1856 году на основе рукописи ссылочного краеведа гимназистом А. Клементьевым под руководством учителя Дозе. Алексей Клементьев окончил олонецкую губернскую гимназию в Петрозаводске в 1857 году и вскоре умер. В 1873 году его сочинение «Народные поговорки о городах и племенах Олонецкого края» было опубликовано в газете «ОГВ» [6] Петровым, который в 1861–1874 годах был в этой гимназии преподавателем русского языка.

В сочинении Клементьева высказана мысль об Олонецком крае как о заповеднике архаики: «Наш край чрезвычайно любопытный: в нем сохранилось много русской старины в языке, в обычаях, в исторических былинах, преданиях и даже памятниках, рассеянных повсюду».

Много места в сочинении уделено характеристике крупнейшего прибалтийско-финского этноса, проживавшего в Олонецком крае, – карел. Материалы, собранные Баласогло в деревне Карельская Масельга Повенецкого уезда, позволяют автору сочинения отметить бытование сильных языческих пережитков среди сегозерских карел: «На севере между корелами долго сохранялись следы язычества; христианство и сношения с русскими быстро уничтожили сознательное язычество; но оно перешло в предания, в суеверные обряды, которые строго соблюдаются по местам людьми невежественными, не понимающими, к счастью, их смысла. Особенно ревностно исполняются и хранятся эти обычай старухами». В качестве примера таких пережитков описан обряд «прощения», распространенный «в карельских деревнях Повенецкого уезда». Обряд совершается женщиной, у которой произошла неприятность, связанная с водой

(расплескала ведро, поскольку знулась и ушиблась, вымочила платье и т. д.), и которая считает это наказанием водяного («водяника») за какое-то свое прегрешение. Поэтому она просит прощения у «хозяина» и бросает на этом месте в воду монету, небольшой моток ниток, яркий лоскут или что-либо иное, в зависимости от тяжести «карьи» водяного. Такой же обычай существовал и в отношении лешего («лесовика»), если происшедшее случилось в лесу. Если болезнь или боль застала женщину дома, то причиной этого считается прегрешение перед бытовыми предметами и прощения просят у стола, печки, веретена, рукомойника, хлева и т. д. Вслед за Баласогло Клементьев отметил, что «мужчины, хотя и не изъяты совершенно от этих суеверий, но, будучи умнее, или, по крайней мере, бывалее женщин, не часто поддаются искушению “прощаться”».

Баласогло можно считать одним из первых российских исследователей карел, во всяком случае – первым российским исследователем северских карел, а его поездку в Северозерье летом 1850 года – первой фольклорно-этнографической экспедицией в этот регион.

Среди прозвищ жителей отдельных городов Олонецкого края большое место в сочинении занимают поговорки о жителях Пудожа: «Из городов самую горькую долю приписывают народные поговорки Пудоже, называя пудожан “балахонниками”. Про бедность Пудожа есть несколько поговорок; так, например: “Горе горькое, победная Пудога! Пофунтово хлеб покупают! Голоднее деревни!” Другая: “Наша голодная Пудога!” Третья: “В нашей Пудоже можно умереть голодной смертью!” О жителях Лодейного поля приведена только одна поговорка: “Дурные свойства лодейнопольцев выражены в прозвище “Лодейное поле – злодейное поле”». Можно отметить, что Баласогло, вероятно, не посещал Лодейного Поля во время поездки летом 1850 года, но проезжал этот город в ноябре 1849 года по пути из Петербурга в ссылку.

Итак, материалы Баласогло, которые легли в основу сочинения Клементьева, могут быть выделены из него с известной долей вероятности. Они могут углубить имеющиеся представления о краеведческой деятельности Баласогло. Его интересовали проблемы самоидентификации русского крестьянства Олонецкого края, что проявилось в собирании крестьянских анекдотов, прозвищ жителей отдельных поселений. Особое значение имеют его фольклорно-этнографические материалы о карелах. Таким образом, это был разносторонний, хотя и поверхностный исследователь. Кроме того, данная публикация позволяет подтвердить предположения о маршруте поездки Баласогло. На основе анализа сочинения Клементьева можно прийти к интересному выводу о том, что оригинальные краеведческие материалы, собранные конкретным исследователем в конце XVIII – первой половине XIX века, затем неоднократно использовались

в публикациях в местной печати, подготовленных другими краеведами, особенно в «ОГВ». Это дает возможность выявлять в поздних публикациях слои, восходящие к более ранним текстам, а если текст не дошел до наших дней, отчасти восстановить его содержание. В таких случаях возможно применять методику, аналогичную методике исследования летописных сводов, разработанную А. А. Шахматовым. Причем для успеха подобных реконструкций огромное значение имеет знание истории краеведения каждого конкретного региона.

Известна публикация трех сказок из собрания Баласогло, сделанная известным этнографом С. В. Максимовым⁶ в 1897 году в журнале «Живая старина». Максимов опубликовал сказки «О царе и портном» и «О царь-девице», записанные в Сенногубском погосте в Заонежье, и второй вариант («другой рассказ») сказки «О царь-девице», записанный в Вой-Наволоке [17; 112–123]⁷. Известный этнограф высоко оценил собирательскую деятельность ссыльного краеведа, сравнивая его с Рыбниковым: «За десять лет до Рыбникова занимался в Олонецком крае собиранием материалов песенного народного творчества с не менее замечательным успехом некто Баласогло. По крайней случайности он так же, как Рыбников, – истинный пионер этого дела в той местности (северо-восточной части губернии, в Заонежье), которую справедливо почитают сокровищницей эпической поэзии, был сослан сюда и также принят был на службу... и был человеком выдающихся способностей и широкого образования... Несчастный Баласогло испытаний ссылкой не выдержал – сошел с ума, но успев оставить крупные следы работ, исполненных с любовью тщательно. При полном отсутствии в то время руководящих указаний опыта и научной разработки предмета этот собиратель умел сам разобраться, и при этом в своих записях он сохранил оттенки новгородского наречия с обозначением ударений, затребованных олонецким говором и законами былинного стихотворного размера... Разбивать исследования на специальности с исключительно погонею за одною избранною, как привелось сделать это тому же Рыбникову, а в особенности Гильфердингу по отношению к былинам и Барсову – к причитаньям, Баласогло не нашел нужным. Ему все казалось драгоценностью, достойной памяти. Судя по остаткам этого сборника, случайно доставшимся мне в Москве, им по возможности преследовались все роды песенного творчества, записывались все обломки древнего народного эпоса, еще сохранившиеся в Заонежье». Значение деятельности Баласогло Максимов видел в том, что он был «первым пробившим тропу туда, где последующие и задние успели приобрести широкую известность и вполне заслуженную славу». Высокая оценка, данная Баласогло Максимовым, позволяет считать его видным фольклористом – предшественником П. Н. Рыбникова,

А. Ф. Гильфердинга и Е. В. Барсова, сделавшим первые конкретные шаги в открытии богатейшего русского фольклора Заонежья.

Таким образом, на основе изучения краеведческого наследия Баласогло можно сделать вывод, что это был деятельный и разносторонний исследователь. Именно он летом 1850 года осуществил первую фольклорно-этнографическую экспедицию по Олонецкому краю, в ходе которой собрал большой материал. Баласогло одним из первых стал записывать былины («старины») Олонецкого края, и именно его записи впервые были опубликованы, он первым собрал комплекс преданий о «панах» и попытался объяснить феномен их бытования, ему принадлежит инициатива сбора материалов о прозвищах местных жителей, то есть о самоидентификации местного крестьянского населения. Следует отметить, что он был первым российским исследователем, совершившим поездку к сегозерским карелам и собравшим фольклорно-этнографические материалы о них. К недостаткам краеведческого наследия Баласогло следует отнести отсутствие

у него хорошего образования и поверхностность наблюдений. Несмотря на то что архив Баласогло не дошел до наших дней, его частично можно восстановить по публикациям других авторов, подготовленных на основе рукописей Баласогло. В условиях николаевского режима Баласогло, будучи ссылочным, не смог полностью раскрыть свой потенциал, хотя и стремился к этому. Другой причиной, помешавшей его краеведческой деятельности, было тяжелое состояние его нервной системы. Однако даже в этих условиях можно проследить влияние его трудов на краеведческую деятельность Дозе, Рыбникова, Петрова, Барсова, Максимова и других местных и общероссийских исследователей, сумевших добиться большего в изучении Олонецкого края.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, совместный конкурс РГНФ – академии Финляндии 2010 г., проект № 10-01-00631а/ф «Народ, разделенный границей».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Биографические сведения о А. П. Баласогло см.: [23; 27–28], [24; по указателю имен], [33; 113–218], [34; 145–146].
- ² Об обществе петрашевцев и роли в нем А. П. Баласогло см. [4; 7].
- ³ Подробнее о К. М. Петрове см. [30; 351–374].
- ⁴ У В. Г. Базанова крестьянин назван «Меликов», но это явно результат неверного прочтения рукописи. В деревне Горка до революции жили зажиточные крестьяне, позднее купцы Мелеховы. Вероятно, именно у них на свадьбе и побывал А. П. Баласогло. В Горке до сих пор сохранился большой двухэтажный деревянный «Мелеховский дом» (сведения автора статьи, собранные летом 2001 года).
- ⁵ Впервые вопрос о записях былин, сделанных А. П. Баласогло, и их влиянии на П. Н. Рыбникова рассмотрен в работе [31; 44–47].
- ⁶ Биографические сведения и литературу о С. В. Максимове см. [28; 485–488].
- ⁷ Рукопись текста сказок хранится в Архиве русского географического общества в Санкт-Петербурге.

ИСТОЧНИКИ

1. Б а л а с о г л о А. П. Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев / Под ред. В. Е. Евграфова. М.: Политиздат, 1953. С. 520–557.
2. Б а р с о в Е. В. Чудские памятники и предания о панах // ПКОГ на 1867 год. Петрозаводск, 1867. Отд. 3. С. 113–130.
3. Б е л о з е р с к и й В. М. Каргополь. Исторический очерк // ПКОГ на 1858 год. Петрозаводск, 1858. С. 167–203.
4. Д е л о А. П. Баласогло // Дело петрашевцев. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 13–154.
5. Извлечения из писем П. Н. Рыбникова // Песни, собранные Рыбниковым. Т. 3. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 231–250.
6. К л е м е н тьев А. Народные поговорки о городах и племенах Олонецкого края // ОГВ. 1873. № 13.
7. Л и с и ч к а-сестричка и волк // Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957. С. 3–9.
8. М а к с и м о в С. В. Замечания по поводу издания народных сказок // Живая старина. 1897. Вып. 1. Отд. 1. С. 48–56.
9. М и т р о п о ль с к и й П. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Вып. 3. Петрозаводск: Губерн. тип., 1894. С. 243–255 (перепечатано из ОГВ. № 70, 71, 73, 75).
10. П е т р о в К. М. Народные предания Олонецкой губернии // Русский дневник. 1859. № 93 (перепечатано в ОГВ, 1860. № 1, 2, 27, 28).
11. П е т р о в К. М. Присловья в Олонецкой губернии // Русский дневник. 1859. № 119 (перепечатано в ОГВ. 1860. № 33).
12. П е т р о в К. М. Заплакчи в Олонецкой губернии // ОГВ. 1863. № 3–4.
13. П е т р о в К. М. Провинциальные писатели и статистики // Северный вестник. 1887. № 4. С. 82–86.
14. Повесть временных лет. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 406 с.
15. Предания о панах в Олонецкой губернии (извлечено из бумаг А. П. Б.) // ОГВ. 1857. № 20, 22, 23.
16. Рыбников П. Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 47–83.
17. Сказки. Приложения к заметке С. В. Максимова «Замечания по поводу издания народных сказок» // Живая старина. 1897. Вып. 1. Отд. 2. С. 112–123.
18. Соловей Будимирович // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 2. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 520–522 (текст), 566 (комментарий).
19. Старина о Василье // ОГВ. 1856. № 13.
20. Старина о Соловье Будимировиче // ОГВ. 1857. № 30–32.
21. Эпизод из истории нашего народоведения // Труд. 1890. Т. 6. № 8. С. 156 (автор: М. С-кий).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

22. Базанов В. Г. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск: Карелия, 1955. 310 с.
23. Базанов В. Г. Поззия русского Севера. Петрозаводск: Карелия, 1980. 288 с.
24. Егоров Б. Ф. Петрашевцы. Л.: Наука, 1988. 234 с.
25. Костин А. Г. Православная Пудога. Петрозаводск, 1994. 47 с.
26. Криничная Н. А. Северные предания. Л., 1978. 256 с.
27. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
28. Лебедев Ю. В. Максимов Сергей Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 485–488.
29. Пашков А. М. Предания о «панах» как источник по истории Смутного времени на Русском Севере // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тезисы докладов и сообщений. М.: РГГУ, 1991. С. 199–200.
30. Пашков А. М. К. М. Петров – исследователь Вытегорского края // Вытегра. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 351–374.
31. Разумова А. П. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко. М.; Л.: АН СССР, 1954. 143 с.
32. Разумова И. А. П. Н. Рыбников // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 5–43.
33. Тхоржевский С. С. Искатель истины // Тхоржевский С. С. Портреты первом. М.: Книга, 1986. С. 113–218.
34. Тхоржевский С. С. Баласогло Александр Пантелеимонович // Русские писатели 1800–1917 гг. Биографический словарь. Т. 1. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 145–146.

IRINA R. TAKALA

PhD, Associate Professor, Docent, Head of the Department
of Nordic history
irina.takala@onego.ru

FINNISH FACTOR IN THE ESTABLISHMENT OF AUTONOMOUS KARELIA

The paper analyses the influence of various Finnish political forces on national mobilisation of eastern Karelians and evaluates the so-called Finnish factor (politics of white Finland and Red Finns) in the establishment and development of Karelian autonomy.

Ключевые слова: Karelia, Finland, autonomy, Karelian Labour Commune, KASSR, Soviet Karelia, Red Finns

Recently, studies of the peculiarities of Bolshevik nationalities policy received a new impetus due to the publication of Terry Martin's *The Affirmative Action Empire* [19], in which he suggested a model that encompassed and generally explained variations and contradictions in Soviet nationalities policy of the 1920s and 1930s. At the same time, it is clear that a better understanding and explanation of all contradictions of the nationalities policy in the USSR demands further accumulation and interpretation of empirical evidence and a careful examination of the interaction between the historical, social and cultural experiences of various ethnic groups, on the one hand, and state policies aimed at them, on the other. The conception of modernisation of the Soviet leadership implied a transition to unification of nations and to the ultimate victory of internationalism through the growth of local nationalism and nation-building. It was implemented in very different manners in various regions of the former Russian Empire, changed with the course of time under the influence of domestic and foreign political factors, and had a number of local peculiarities. The establishment of autonomous Karelia is a very relevant example for the study of this subject.

In Soviet historiography, the establishment of the Karelian Labour Commune (KTK) in the summer of 1920 was traditionally viewed as the victory of the nationalities policy of the Soviet power, which gave the right of self-determination to nations of Russia, and as the historical choice of Karelian people themselves [42], [44]. It is notable that in contemporary Russian historical writing these reasons are still referred to in order to refute the views of those Finnish and Russian historians who explain the establishment of the Karelian Labour Commune as driven by primarily military, strategic and foreign-policy considerations [33; 426], [57; 6–14]. While overstating the level of nationalist consciousness among Karelians, Soviet historians almost completely ignored the so-called Finnish factor in the establishment and development of autonomous Karelia. Only recently has Russian historiography begun to address this phenomenon serious-

ly [28], [39], [37], [52], [55], with very contradictory assessments of the role of the Finns in Soviet Karelia during the 1920s and the first half of the 1930s. At the same time, a number of works were published in the West, which examined the peculiarities of the development of Soviet Karelia during the first two decades of Soviet rule [13], [14], [17], [25], [36], approached this subject in various manners. For some authors, the birth of autonomous Karelia was primarily a national experiment organised by Red Finns and initially supported by the Soviet leadership, which very soon revealed fundamental contradictions between the Russian centre and national periphery (Markku Kangaspuro). Others wrote of "national economic" experiment, seeing Karelia under the Red Finnish leadership as a "double periphery" to both the Soviet centre and Finland (Nick Baron). Others put emphasis on political and military strategic factors, arguing that the establishment of the autonomous Karelian Labour Commune was a purely political project staged by Moscow (Yuri Kilin).

In this year which marks the 90th anniversary of autonomous Karelia, I would like to present my views on this subject.

PAN-FINNISM AND ETHNIC MOBILISATION AMONG KARELIANS

Karelia, a region located on both sides of the border between Russia and Finland, is one of numerous European border regions that had often become a bone of contention between neighbouring nations. By the early ninth century, Karelians had already formed as a separate ethnic group among other Finnish tribes and had settled in the areas of the Karelian Isthmus and to the north of Lake Ladoga. The period of unified Karelia and the flourishing of its population lasted until the early fourteenth century, although Karelian lands became the battlefield between Western and Eastern powers – Sweden and Novgorod state – since the early twelfth century. Swedish influence gradually increased in the western part of the Karelian Isthmus,

where the local population was baptised in the Catholic faith, while eastern Karelians fell under the influence of Novgorod and the Russian Orthodox Church. Formally, for the first time Karelians became subjects of these two states in 1323, when Sweden and Novgorod divided their territories [18; 30–47]. Since then, the state border had for many centuries been a division line between the Finnish and Russian Karelians.

From the fifteenth to the seventeenth century many Karelians left the disputed border territories and migrated to the north-east, colonising together with Russians the vast territories between Lake Ladoga, Lake Onega and the White Sea. By the early nineteenth century, when during the last Russo-Swedish war the Russian Empire conquered Finland, eastern Karelians inhabited territories located within two provinces: Olonets province and Arkhangelsk province (so-called Olonets Karelia and White Sea Karelia). The ethnic composition of Russian Karelia was for centuries characterised by the numerical parity between two groups more or less equal in size, Russians and Karelians, and it was a purely Orthodox region. However, White Sea Karelia was doomed to play a significant role in the history of the Finnish culture: between 1820s and 1840s, Elias Lönnrot collected here the majority of ancient verses for the national Finnish epic poem *Kalevala*. Since the mid-nineteenth century Karelia served as a source of inspiration for Finnish writers and poets, artists and composers (a cultural movement known as Karelianism). All of this played a major role for a national awakening of the Finnish nation and the emergence of the Finnish national identity.

Along with this, interest about Russian Karelia in Finland also existed on a different level: since the second half of the nineteenth century Karelianism evolved from a national cultural doctrine into a political idea of 'a Greater Finland'. It combined ethnic and national ideals with a political programme, which implied that Finland, entire Karelia and the Kola Peninsula had to be united within 'natural borders' [18; 253–256]. Trips by Finnish political activists who strove to spread this programme among the local Karelian population became a common phenomenon in Olonets and Arkhangelsk provinces. During the early twentieth century, the doctrine of 'a Greater Finland' appeared in the international arena in form of the 'Eastern Karelian question', which from the very beginning combined elements of enlightenment and pro-Finnish ideology. During the first Russian revolution of 1905, propaganda activities of Finnish activists in Russian Karelia reached a dangerous level. They were expressed in the creation of Finnish schools and village libraries for the local population, distribution of literature in the Finnish and Karelian languages, and missionary activities of Lutheran priests. To promote all of these, in 1906 several Finnish intellectuals and Karelian merchants founded the Union of White Sea Karelians. The Russian press called these measures

'pan-Finnish propaganda' or the movement of 'pan-Finnism' – which, it should be noted, was quite effectively and quickly eradicated by the tsarist authorities.¹

'Pan-Finnish propaganda' failed to exert any considerable influence on eastern Karelians, moreover, this very concept can be regarded as artificially constructed by the Russian authorities in conditions of deteriorating relations between Saint-Petersburg and the Great Duchy of Finland [5; 25–26, 30–31], [23; 91–94].² Unlike Finns, who had by that time reached Phase C in terms of Miroslav Hroch, which is characterised by mass nationalist movement for self-determination, eastern Karelians only approached the level of 'nationalist propaganda' (Phase B in terms of Hroch). Moreover, the nationalist-minded groups which carried out this propaganda comprised Finnish intellectuals and Karelian merchants who lived permanently in Finland, while their nationalist ideas aspired for union between the Finnish and Karelian peoples and the ensuing establishment of 'a Greater Finland', rather than for independent Karelia. Indeed, foundations for this kind of Karelian nationalism with a pro-Finnish flavour existed only in several border districts of White Sea Karelia where the local population was economically and culturally oriented to Finland.

As the result, before 1917 all attempts of Finnish nationalists to involve Karelians in their movement did not arouse interest among the latter, since they did not share with the Finns a common religion or culture, neither were they able to understand Finnish as their mother tongue. Northern (White Sea) and southern (Olonets) Karelians had no established communication and transportation links and, consequently, no permanent contacts between each other, which discredited the very idea of 'united' Karelia. Administratively, Karelians were divided by the provincial border, in terms of economy their lands were also very diverse, and only a smaller part was oriented towards Finland. Coupled with differences in Karelian dialects and the absence of an urban population and ethnic intelligentsia, this prevented the formation of nationalist movements among Karelians.

AWAKENING BEGINS

The events of 1917 created new opportunities to raise the Eastern Karelian question in the international arena and to realise the ideas of 'kinship unity', especially because certain Finnish political groups considered the struggle for the independence of Finland in relation to the future of Eastern Karelia. When Finland became independent, the Eastern Karelian question became once again an important part of Russian politics, yet various political forces approached it in very different ways.

At the height of the Finnish Civil War, in February 1918, representatives of the People's Delegation of Finland (Red Finnish government) discussed with the Bolshevik leadership of Russia the possi-

bility of the transfer of Eastern Karelia to Red Finland in the future. At the same time, Karl Gustav Mannerheim, the commander-in-chief of the White Finnish army, issued an order in which he swore that he would not “sheathe the sword” until “the last soldier and hooligan of Lenin is driven away from both Finland and White Sea Karelia” [58; 127]. On the other hand, in a discussion with leaders of the Karelian Enlightenment Society he stressed that Finland’s main aim is liberation, rather than the conquest of Karelia. According to him, the priority was to awaken the national identity of Karelians, to raise them against Bolshevism, while Finland was to serve as a catalyst of this process by giving an initial impetus to this movement and by supplying arms to Karelia [24; 37–38]. However, Mannerheim’s ‘oath on a sword’ was heard by supporters of extreme measures as a call for conquest of territories located to the east. Military raids of volunteer units upon the White Sea and Olonets Karelias followed in 1918 and 1919, which were justified in Finland by strategic, economic and ‘kinship’ interests. The invasion of White Finnish forces was confronted not only by Red Army units and local self-defence forces, but also by military units of Red Finnish guards (so-called Murmansk Legion) who had fled their motherland after the defeat in the Civil War. Multiple fights between Red and White Finns, which started in White Sea Karelia during spring 1918, dipped the local population deeper into the whirlpool of revolutionary events. This situation was appropriately characterised by Edvard Gylling who said that the Finnish Revolution drew Karelia into armed class struggle [4; 80].

Failures of the raids of Finnish volunteers demonstrated that the Eastern Karelian question could not be solved by military means and forced the government of Finland to increase diplomatic pressure on Soviet Russia. Among the arguments they used to find support for territorial claims on Russian Karelia was the absence of autonomy and the right for self-determination for the eastern Karelians. It was these questions of self-determination and the future of Karelia, as well as of granting economic rights to autonomous Karelia that became the main theme in Soviet-Finnish diplomatic relations during 1918–1923.³

Attitudes in Eastern Karelia itself were contradictory and often changed under the influence of the current situation.

Already in the spring of 1917, activists of the Union of White Sea Karelians, which was re-established under the name of the Karelian Enlightenment Society, wrote a petition to the Russian Provisional Government where they proposed an idea for creating an autonomous Karelian region within the Russian state in order to facilitate Karelia’s cultural and economic development. Actually, Karelian nationalists hoped to use new political conditions to attract attention to the problems which they had raised during the first Russian revolution, including the soonest possible introduction of the

Karelian language in schools and liturgy, appointment of teachers, priests and officials who were able to speak Karelian, opening of new secondary schools, teachers’ colleges and theological seminaries in the White Sea and Olonets Karelias, and state-funded construction of new roads [6; 6–8], [31; 78–81]. At the same time, the Society also launched active propaganda and enlightenment campaigns in Karelian regions adjacent to the Finnish border.

The idea of autonomy was further developed in a constitution project of autonomous Karelia which was announced at the meeting of representatives of almost all Karelian *voivodships* (minor administrative regions) in Uhtua (White Sea Karelia) on 13 July, 1917. The project proposed that Karelia would remain a part of the Russian state, its self-administration bodies would be elected by a general election, while overall administration of Karelia would be carried out by a Commissar appointed by the Russian government. There were plans to raise the status of the Karelian language and to carry out land and church reforms. This “Karelian autonomous administrative district” was to include not only regions inhabited by Karelians and Vepsians, but also Russian-dominated territories that were important for economic prosperity, like Petrozavodsk and its surrounding area [15; 46–48]. It should also be noted that the proposed district borders (Finnish border – the River Svir – Lake Onega – the River Vyg – the White Sea – Kandalaksha) mostly coincided with the border of Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic created later in 1923. This project’s authors were two leaders of the Karelian Enlightenment Society: Paavo Ahava (Afanasiev), a Karelian merchant from Uhtua who had earlier moved to Finland, and Iivo Häkkinen, a Finnish writer with Karelian origins whose ancestors were famous for knowledge of traditional Karelian poetry. They were assisted by Finnish writer Eino Leino and two professional Finnish lawyers [15; 46].

Ensuing revolutionary events, the declaration of independence of Finland, and the rise of the Bolsheviks to power forced the Karelian nationalists to choose between several possible alternatives for the future development of Eastern Karelia. Finnish military raids, the activities of the Karelian Enlightenment Society in the north and of the Bolsheviks in the south, ongoing Civil War, Allied intervention – all of this quickly changed the situation in Karelia and intensified peasant movement in the region. Yet one can not say that the majority of Karelian population had any kind of nationalist aspirations, to say nothing of a united nationalist movement. Purely nationalist ideas and slogans could not have any considerable impact on the Karelian population: the level of life in both the northern and southern parts of Karelia was very low, and in these conditions the social programme of the Bolsheviks and not the calls of the nationalists seemed more appealing to common people. For the absolute majority of local peasants, the most important arguments were pro-

mises of peace and security, economic stability, a just solution of the question of land, and regular delivery of provisions.

However, different groups continued proposing their strategies to Karelians, which included incorporation into Finland, autonomy within Russia and full independence for Karelia.

In March 1918, inhabitants of Uhtua, which had already been occupied by Finnish volunteer units, decided that White Sea Karelia would join Finland under certain conditions. These conditions included economic autonomy, the right of the local population to exploit the natural resources of Karelia, the granting of a loan for economic stimulation, and the granting of equal rights with the citizens of Finland [16; 98–99]. By August, a decision to join Finland under conditions of economic autonomy was also taken by the inhabitants of Reboly (Repoloa), after which detachments of the Finnish Army entered the territory of its volost [22; 175–182], [24; 401–410]. However, most inhabitants of White Sea Karelia opposed Finnish intervention. Their attitude to the Finns was at least cautious, as they had good reason to believe that the Finns were more interested in the natural resources of Karelia, while those Karelians who had served in the World War I desired only peace and rest [16; 98–99], [24; 111].

Moreover, military raids of White Finns provoked those forces which stood for establishment of an independent Karelian republic. Those Karelians who fled Finnish-occupied territories to Kem formed a unit which would later grow into the so-called Karelian Regiment. Supported by the British,⁴ during the summer and autumn of 1918 it together with the Murmansk Legion formed from Red Finnish exiles carried out a successful operation against the White Finns, pressing them back to the border. The political idea of “Karelia for Karelians” was expressed and advocated by several White Sea Karelians who also became the founding members of the Karelian Regiment and the Murmansk Legion, particularly by Grigorii Lezheev (Riiko Lesonen), a former ensign of the Russian Army, and Iivo Ahava, son of Paavo Ahava (Afanasiev), who grew up in Finland [24; 269–271].

The idea of independence was later developed at the meeting of the representatives of eleven *volosts* of White Sea Karelia which was convened at the initiative of the leadership of the Karelian Regiment in February 1919 in Kem. Fifteen delegates accepted a resolution which declared Karelia an independent state with a democratic form of government, in which all natural resources belonged to the people. Yet simultaneously the resolution stated that the elected National Committee (which included Iivo Ahava and Grigorii Lezheev) was authorised to convene the Constituent Assembly of Karelian people, which would have to decide whether Karelia should become part of Finland or Russia [5; 33–38]. The same idea was expressed in an address read to Karelian representatives in the Finnish and Russian languages – actually, it was on

its basis that the final resolution was passed. The address said that scarcely populated Karelia did not “think of itself as of a great power,” but rather had to seek a reliable ally. Linguistic, cultural and geographic proximity worked in favour of a union with Finland, which was, thus, desirable in general; however, economic factors favoured that Karelia had to remain a part of Russia. In any case, the ultimate solution of this question depended on what form of government and political force would eventually dominate in both states. The Karelian people “could join only that state, which would possess a more democratic form of government and social order” [5; 35]. It should be noted that the text of the address was written by Oskari Tokoi, a political advisor of the Murmansk Legion and an active participant of the Finnish Civil War on the Red side [15; 108]. Thus, it was economic and political factors that became most important, while national aspirations of Karelians were left in the background and the idea of independence was only mentioned in passing.

However, the resolutions of the meeting in Kem came into conflict with the plans of the Allied command and the White Russian government of the Northern District,⁵ which envisioned no future for Karelia other than as a part of future White Russia [15; 108–110]. They also had too little in common with the intentions of Finnish political groups, which during 1918 and 1919 founded a number of organisations with an aim to annex Eastern Karelia. As a result, relations between the population of White Sea Karelia, on the one hand, and the White Russian government and the Finnish activists, on the other, became more tense, while the slogan “Karelia for Karelians” gathered more and more supporters.

In Olonets Karelia, ideas of a union with Finland and of self-determination were less popular, although the situation there in the hungry year of 1918 was extremely complicated. While the Bolshevik regime secured its positions in Olonets Karelia, tension rose caused by requisitions of grain from the peasants, imposition of contributions, taxes and fines, establishment of poor peasants committees (*kombeds*), and forced conscription into the Red Army. In the summer of 1918, peasants from several *volosts* of Olonets Province sent requests for help to Finland [24; 295–297], but these separate, isolated and spontaneous actions of local population did not have a clear and well-defined programme and can hardly be viewed as a ‘rise of nationalism’ [24; 297]. Most Olonets Karelians did not envision their future outside Russia, yet resolutions passed by congresses of local peasant Soviets under Bolshevik control, which denied any possibility for Karelia to become a part of Finland and declared loyalty to Soviet Russia, can also hardly be characterised as “shining examples of the awakening of national consciousness of Karelian people” [42; 9, 13], [49; 21]. Most Olonets peasants took a wait-and-see attitude evaluating new authorities. For them, priorities

remained focused on the question of re-distribution of land and measures against approaching hunger. Finland's attempt to provoke a rising in southern Karelia also failed. A raid of Finnish volunteer units to Olonets Karelia, which lasted from April to August 1919, did not bring any substantial results due to disagreements with the White Russian government of Northern District and lack of support from the local population [37; 34–36].

In the meantime, White Sea Karelia had become a bargaining chip among Finland, the White Russian government of Northern District and the Allied expeditionary forces. In these conditions different groups of Karelian nationalist activists started discussions with each other and with Karelian refugees in Finland "in order to reach full mutual understanding among all Karelians." Indeed, Karelian nationalism was far from being rock solid. Those Karelians who found refuge in Finland wanted the status of a Finnish protectorate, while nationalists remaining in Karelia dreamt of independent Eastern Karelia which would have full sovereignty in all respects [18; 361]. By summer 1919, discussions resulted in the establishment of the Provisional Committee of White Sea Karelia based in Uhtua. Its main aim was to pave the way for a Karelian national assembly, which was to settle the question of independence [15; 122–123].

The withdrawal of the Allies, delivery of food supplies from Finland and the defeat of the White Army in northern Russia could not change the situation. In March 1920, just after Red Army units entered Uhtua, a congress of representatives of twelve *volosts* of White Sea Karelia and a part of Olonets Karelia was convened there. 124 delegates represented approximately a third of all Karelian *volosts* and a quarter of the whole Karelian population. The congress elected the Provisional Government of White Sea Karelia and declared that Karelia was to become independent of Russia, while its people were to determine the form of government and state order by free voting [32; 68–72]. After discussions between Karelian nationalists and Soviet representatives, Red Army units withdrew from Uhtua, and the Karelian government sent a delegation to a border railway station of Rajajoki, where at that time truce negotiations were held between Finland and Soviet Russia, to declare resolutions of the Karelian congress.

AUTONOMY ARISES

The course of events in White Sea Karelia and political pressure from Finland on Soviet Russia during peace negotiations forced Moscow to start seriously looking for a possible solution of the Eastern Karelian question. The foundation of Uhtua Republic was viewed as a first step to establishing a buffer Karelian state that would later become a part of Finland – a prospect that also led to protests among southern Karelians. On 28 April, 1920, the executive committee of Olonets *uezd* (a territorial

unit larger than *volost* and encompassing several of them) passed a resolution declaring that a congress of working Karelian people would be convened to reveal their true opinion of national self-determination. At the same time it sent an official declaration to the People's Commissariat of Foreign Affairs of Soviet Russia which affirmed that all forty thousand inhabitants of Olonets *uezd* would never be reconciled with "any decision, no matter from where it originates, on the union of Karelia with Finland" [33; 428].

Normalisation of relations with Finland required, however, more effective measures. The failure of negotiations in Rajajoki evidenced that a peace treaty could be signed only if such a solution to Eastern Karelian question was found which would satisfy both sides. In this difficult political situation and anticipating negotiations in Tartu, the government of Soviet Russia accepted a proposal by Edvard Gylling, a Finnish Social Democrat who expressed his ideas in several speeches and documents during 1919 and 1920. Having lived until the spring of 1920 in Sweden, where he emigrated after the defeat of the Red Finns in the Civil War, Edvard Gylling was well known by the Soviet leadership, since he headed the delegation of the Red Finnish government in the 1918 negotiations with Soviet Russia. The Red Finns, in turn, started to view Eastern Karelia as a compact settlement area for Finnish emigrants and a certain kind of base to prepare further continuation of revolutionary battles in their homeland [40; 24–30].

The main idea of Gylling's proposal which he sent to Moscow in autumn 1919 was that the establishment of "the Karelian commune as a separate region with borders in the White Sea, Lake Onega, the Finnish border and the Arctic Ocean" would solve three most urgent problems: it would satisfy the national aspirations of Karelians, destroy Finland's argument for claims to Eastern Karelian territories, and create a springboard for preparation of a new revolution in Finland and the Scandinavian states. The Karelian commune was to become a kind of socialist alternative to the bourgeois Finnish state [3; 257–258]. In Gylling's opinion, this 'truly revolutionary strategy' had to be implemented by those who were well familiar with the Karelian question – i.e. Red Finns. The future status of Karelia was discussed at several sessions of the Politburo with the participation of Lenin, and on 7 June, 1920, the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) "responding to the need of social emancipation of Karelian working class" passed a resolution which declared the establishment of a new autonomous region, the Karelian Labour Commune, including the territories of the Olonets and Arkhangelsk provinces inhabited by Karelians [8; 537].⁶ The responsibility for organising work was placed on the newly established Karelian Revolutionary Committee. Its members were Finns Edvard Gylling and Jaakko Mäki, and Olonets Karelian Vasilii Kudzhiev.

Simultaneously, in late April the Red Army launched a large-scale offensive in White Sea Karelia. By August Bolshevik units had captured all border *volosts* with the exception of Reboly and Porosozero. The Provisional Government of White Sea Karelia fled to Finland. In July 1920, delegates of the All-Karelian Congress of Representatives of Working Karelians hailed the establishment of the Karelian Labour Commune and confirmed what had already been clear during preparation of the congress – that the majority of the Karelian population wished to remain a part of Soviet Russia [3; 35–37]. Thus, by the start of peace negotiations in Tartu the Soviet side had at its disposal evidence that Eastern Karelia had received autonomy.

Discussion of the question of what areas were to constitute the Karelian Labour Commune took much time. The authorities of Olonets province proposed a purely ‘national’ plan with a capital in Kem, which shaped the territory of the commune exactly along the borders of ethnic Karelian areas. In this case the Murmansk railway and most prominent industrial centres would have stayed outside of the territory of the KTK. Edvard Gylling, a professional economist, realised that successful economic development of the commune – a necessary part of efforts to enlist support for the Soviet power among the Karelian population – was possible only if necessary industrial, labour and natural resources would be secured. He consequently insisted on so-called ‘national economic borders’, which would ensure the viability of autonomous Karelia [27; 289–292], [36; 321–322]. In the end, in order to create “most favourable objective conditions for comprehensive political, economic and cultural development of all peoples of Karelia,” the Commune also incorporated areas with predominantly Russian population. According to the decree issued by the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars on 4 August, 1920, the territory of the KTK included eighteen *volosts* of Olonets, Petrozavodsk and Povenets uezds of Olonets province, and nineteen *volosts* of Kem uez of Arkhangelsk province, as well as towns of Kem, Olonets and Petrozavodsk. The latter became the administrative centre of the new region [10; 18–19]. At first this decision had a moderate impact on the ethnic composition of Soviet Karelia: Karelians, the title nation, still constituted the majority of sixty percent.⁷

In two years, however, Olonets province was dissolved and the territory of the KTK considerably increased when it incorporated thirteen adjacent *volosts* of Povenets and Pudozh uezds of the former province, the territory with ninety-nine percent of Russian population. As the result of these (temporary, as was said at that time) territorial acquisitions the ethnic composition of Soviet Karelia changed forever: the share of Russian population increased to 55.7 percent, the one of Karelians decreased to 42.7 %.⁸ During 1923 and 1924, even more territories became parts of Karelia in the north and south with considerable Russian and Vepsian populations, respectively. By the end of 1924, approximately 233

thousand people lived in Soviet Karelia, of whom about 54 % were Russians, 40.6 % – Karelians, 3.8 % – Vepsians, and 0.5 % – Finns.⁹

During the establishment of the KTK, the question of the basic principles underlying Karelian autonomy remained unsettled. As a result, the entire period of the commune’s existence was characterised by a fierce struggle between Red Finns and the leadership of the still existing Olonets province, which regarded autonomous Karelia as a temporary formation, a kind of diplomatic trick of the Soviet government prepared in the wake of peace negotiations with Finland in Tartu. These tensions were aggravated by conflicts in the leadership of the KTK, which were personified in the figures of Gylling and Kudzhiev, as well as by disagreements within the Finnish immigrant community.¹⁰ The future of Karelian autonomy was determined by the similarities between Gylling’s proposals and the general course of the Bolsheviks’ nationalities policy of that time. The establishment of the KTK and its ensuing reorganisation into an autonomous republic was a part of the process to reform the Soviet Union. In Stalin’s words, “in the USSR autonomy is the most realistic, the most exact form of union between peripheries and central Russia” [11]. Although there were certain differences in views of the status and level of Karelian autonomy among the Soviet leadership in Moscow [36; 318], [37; 77–87], they did not prevent them from taking a principled decision that a Karelian republic had to be established. The Soviet leadership also decided to rely on external forces – Finnish political immigrants, members of the Communist Party of Finland, which was founded in 1918 in Moscow, whom the Bolsheviks regarded as their allies in revolutionary struggle. Actually, they had no alternatives: the provincial authorities of Petrozavodsk and Arkhangelsk did not demonstrate any interest in the Karelian question, while several Bolshevik party members from southern Karelia (like Vasilii Kuzhiev) were not trusted by the central authorities, since almost all of them enlisted in the party after 1917.¹¹ Of course, there were no Bolsheviks among local Karelian nationalists (Provisional government of White Sea Karelia).

That Red Finns were appointed to govern this new autonomous region allowed Bolsheviks to remove one of the major obstacles on the way to “implementation of Soviet autonomy”, namely a lack of “intellectual forces of local origin in the periphery” [11]. Throughout the 1920s to the mid-1930s, the Finnish diaspora in Soviet Karelia went through rapid growth due to immigration from Finland (Red Finns and illegal immigrants), as well as from North America – a result of the immigration policy of Gylling’s government. By 1926, the number of Finns in Karelia was two and a half thousand people, while by the mid-1930s it reached fifteen thousand. Constituting less than one per cent of the population in the early 1920s and 3.2 per cent in 1933, Finns occupied prominent positions in the Soviet, Communist Party and administrative hierar-

chies, ran large factories and important organisations, and worked in the sphere of culture, education, and science.¹²

FROM THE KARELIAN LABOUR COMMUNE TO THE KARELIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

Thus, the most distinguishing feature of the ethnic and political situation in Karelia during the 1920s and early 1930s was that Eastern Karelia where Russians and Karelians constituted an absolute majority was governed by a small groups of Finnish political immigrants, who were also responsible for building the newly created autonomy. However, during the first two years of existence of the KTK its government, which was in conflict with all regional authorities and was torn apart by internal contradictions, had no real levers of power. It was only the Karelian rising of 1921–1922 that secured leading role of Red Finns in the region, as the central leadership realised the need to provide its Karelian project with some real support.

The establishment of the KTK and the conclusion of the Peace of Tartu gave the Bolsheviks an opportunity to announce the end of the civil war in Karelia and the solution of the Karelian question. However, the economic and political situation in Karelia remained very difficult, which was promptly used by Finland. Finns regarded the provisions of the Peace of Tartu with their own interpretation, which allowed them to criticise the Soviet government for non-implementation of the latter's commitments in Eastern Karelia. The peasant rebellion in White Sea Karelia (November 1921 to February 1922) caused by terrible famine was supported – and even partly organised – by Finnish nationalist activists and Karelian refugees who had fled from their motherland during 1919–1920. The rebels had a centralised commanding authority – the Karelian provisional government, and acted under the slogan "Karelia for Karelians". Regular units of the Red Army were sent to fight Finnish volunteers and Karelian peasants, and by the mid-February 1922 the latter had to leave the territory of the KTK. Overall, between eleven and twelve thousand Karelians fled to Finland, which was approximately a third of the population of northern Karelia.¹³

This rebellion helped the leadership of the KTK to eliminate the diarchy in Karelia. As Gylling believed, it forced the Bolshevik leadership to ultimately realise that Karelia had to be governed in a different way than ethnically Russian provinces and that Karelian and Finnish worker questions were closely linked to each other. If the Karelian Labour Commune was to become a properly functioning region, its population had to realise "that the KTK is their own state, that it was Finnish bourgeoisie that attacked it and tried to destroy the efforts of Karelians to build their own life." In order to reach this goal, the Karelian language had to be introduced in all official bodies of the commune to create trust

between local population and the Soviet administration. Later the status of the commune was to be upgraded to a Soviet republic which would build its relations with Soviet Russia on the basis of a bilateral treaty. Before its conclusion, Soviet Karelia had to be declared an autonomous republic, which would possess more rights than other autonomous republics of Soviet Russia [40; 46–47].

By the Karelian language Edvard Gylling actually implied bilingualism ('Karelian-Finnish' and Russian languages) in administration and education, which had to accelerate the progress of literacy and culture and to ease the spread of Bolshevik ideology among the Karelian population. Active introduction of Finnish in the region with predominantly Russian and Finnish populations was due not only to the prominent position of Red Finns in the administrative hierarchy of Soviet Karelia. It was also facilitated by dialectal and territorial dissociation of the Karelian language as well as by political – including foreign political – factors. Bilingualism in Karelia was granted official status following resolutions of the first two All-Karelian Congresses of Soviets (February and October 1921) and of the Central Committee of the Russian Communist Party: its organizational bureau ordered in March 1922 that the authorities of the KTK had to introduce Finnish as the second (to Russian) language of education and administration [1], [3; 223–227]. These resolutions also implied that Karelian dialects would be publicly used both in written and oral forms, and the Karelian population was granted the right to choose the language of education. This situation was reflected in the term 'Karelian-Finnish language', which was first used in the decree of the All-Russian Central Executive Committee on the transformation of the Karelian Labour Commune into the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic (KASSR) on 25 July, 1923 [7; 59–61].¹⁴

The main idea behind Gylling's slogan "through Karelian nationalism – to Communism," which he had already suggested in 1920, was to first solve economic problems, before national or cultural ones. This approach generally coincided with Stalin's statements that the main aim of Soviet autonomy, no matter what form it took, was the central government's responsibility to peripheral populations, which had to be achieved primarily by consecutive and careful economic policy ("to let common people enjoy the material fruits of revolution" [11]).

The central leadership finally chose to support Gylling's line. In 1922, first significant financial aid was granted to Soviet Karelia and forest harvesting operations were resumed. As a result, mass famine and unemployment were successfully averted. In the autumn of 1922, Olonets province was dissolved with all its administrative bodies, and Vasilii Kudzhiev and Petr Anokhin, two main opponents of the Red Finns, were transferred from Karelia [33; 446]. The diarchy was over, and only one administrative and party hierarchy remained. A Finn, Iogann Järvisalo, was appointed as the head of the Karelian

Communist Party organisation. Transformation of the KTK into the KASSR in July 1923 was a logical consequence of these changes. The social situation in Karelia also stabilised, mainly due to the economic policies of the Gylling's government, which was able to secure certain financial privileges for Karelia, including a separate budget. No other Soviet autonomy was granted similar economic freedom. Gylling also conducted in ethnic Karelian areas so-called 'border policy', which implied that these territories would be supported so that their level of economic and cultural development would soon reach that of central Russian dominated areas in Karelia. These measures were successful and led to the rapid economic development of Karelia in the 1920s [54; 116–122].

That Eastern Karelia remained a part of Soviet Russia and was granted autonomous rights was, thus, to a considerable degree a result of the activities of Edvard Gylling and other members of the Finnish Communist Party. Another Red Finn Otto Kuusinen, Secretary of the Comintern's Executive Committee, had good reasons to say that establishment of the KASSR was "an important result of our common work" [7; 59]. Soviet Karelia as "an exemplary society on the border with Finland" was destined "to prepare ideologically the ground for the Finnish revolution" [3; 258]. The model proposed by Edvard Gylling, including his formulation of principles for drawing geographic borders of autonomous Karelia (which took into account not only ethnic, but also economic and political factors), completely coincided with Lenin's and Stalin's (then People's Commissar of Nationalities) views on this question, which made Gylling's ideas realisable. However, in the end the borders of Karelia, as well as its real autonomous power, would become quite different from what was planned initially, which was typical for Soviet realities. Changing under the influence of competing narratives (support of national movements – necessity to centralise – multi-level domestic and foreign political context), they affected the course of the Bolshevik nationalities policy and made it very inconsistent.

PAN-FINNISM OR PROLETARIAN INTERNATIONALISM?

When emphasising the importance of the efforts of the Red Finns, on the one hand, and of the White Finnish government, on the other, on Moscow's decision to establish Karelian autonomy, one should be very careful in attempts to explain and assess these efforts. For example, contemporary scholarly literature regularly becomes a place for debates on so-called 'pan-Finnish' ambitions of Red Finns and, in particular, Edvard Gylling [26], [27], [34], [36], [46], [48], [52]. I would argue that the opinion of Gylling as a Finnish nationalist and an advocate of 'a Greater Red Finland' [17; 43–46, 94–99], [27; 281–282, 290], [35; 132], [37; 85–86], [43; 378–379], which is mainly based on a few of his state-

ments of the early 1920s, is inaccurate and does not reflect the true intentions of the Red Finnish leadership, which emigrated to Soviet Karelia. The way in which Gylling's letter to Sirola (already cited above) is interpreted by different scholars [27; 280–282], [37; 41–42], [38; 4–5] is very characteristic in this respect. In my opinion, this document clearly evidences the contrary: the political rhetoric and real actions of Gylling and of the Red Finnish leadership during the first years of the Karelian autonomy were determined by exclusively political imperatives and Communist ideology, rather than by Finnish nationalism, which was actually an evolved ideology of the 'right-wing Finnish patriots' [27; 282]. Not only Russian Bolsheviks were obsessed with the idea of the world socialist revolution and the belief in its proximity. For Gylling, the autonomous Karelian commune – which was destined "to prepare ideologically the ground for the Finnish revolution" – undoubtedly was to remain "a part of the Soviet Republic of great Russia not only politically, but also in terms of economy and defence" [3; 258]. His wish to build an exemplary society on the border with Finland – a society which would demonstrate the advantages of the socialist system to the Finnish working class and peasantry – was the dominant idea of the Finnish leadership of Soviet Karelia during its entire period in power. Santeri Nuorteva, the Chairperson of the Central Executive Committee of the KASSR, claimed: "the Free Karelian Republic as the defender of the power of the working class in this remote north-western periphery of the Federated Soviet Republic will always be an integral link in the great task to achieve a worldwide soviet regime" [9; 2]. In this respect, the ultimate goal of the Red Finns was a dream of world communism, rather than of 'a Greater Finland'.¹⁵ Construction of 'a Greater Red Finland' can rather be attributed to the Soviet leadership, which signed peace treaties with 'Finnish socialist workers' republic' in 1918 and with 'People's Government of the Finnish Democratic Republic' in 1939.

The solution of the language question in Karelia by force, which began to prevail in the early 1930s and which is evaluated by several scholars as a bright example of pan-Finnish ambitions of the Red Finns [17; 143–147, 238–241], was in reality to a considerable degree provoked by the top Soviet leadership, which set a course for a stricter policy of 'indigenisation' (known as 'korenizatsiya') preceding the struggle against 'national deviationism'. Actually, the future of Karelia, as well as many other ethnic regions, was determined far outside its borders. Objectively, the language and national policy of the Red Finns corresponded well to what Terry Martin, who developed the model of Miroslav Hroch, called 'phase D': creation by the Soviet authorities of new official languages and new ruling elites in the Soviet periphery [41; 76]. With the help of the Finnish language and Red Finnish leadership, the Bolshevik Party built a national Karelian region, which was to make Karelians a part of the great ideas of proletarian internationalism.

The struggle against ‘national deviations’, which broke out in the early 1930s with the collectivisation in the background, gave a start to a new stage of Soviet nationalities politics, and Karelia could not stay away from this process. Accusations of “growing tendencies to stand apart from state-wide line of development” and local nationalism, which were first brought against the Gylling’s government in 1933, were produced at that time against many prominent Communist party or state figures in union and autonomous republics of the USSR.

The removal of the Finnish leadership from power in Karelia in 1935 and the launch of a campaign against “Finnish bourgeois nationalism” were determined by changes occurring in the Soviet Union and caused by a whole complex of domestic and foreign political factors. The creators of autonomous Karelia were accused of what they had themselves resisted fifteen years before in the early years of Soviet Karelia – of plans to separate from the USSR and form a union with bourgeois Finland.¹⁶ In the conditions of

the accelerated ‘socialist attack’ and deteriorating foreign political situation, the Soviet state as a part of preparations for a future war tried to eliminate everywhere unreliable (even hypothetically) elements; this elimination was carried out on the basis of ethnicity. Stalin’s government also intensified its efforts to tighten centralised control over all spheres of public life. In these conditions, excessive independence of the Soviet periphery, particularly of border regions, was comprehended by Moscow as a threat to the integrity of the state. The time of experiments was over, and Karelian autonomy established with the help of the Red Finns during the Civil war, was in the very different foreign political environment of the mid-1930s, regarded by the Soviet authorities as a dangerous anomaly, and its Finnish leadership as the fifth column.

*Translation from Russian by Alexey Golubev
Proof-reading by William L. Hancock, Jr.*

NOTES

¹ For more details, see: see in: [5; 22–31], [21], [29].

² Compare with: [30; 70–72].

³ More detailed information on the Karelian question in the Russian-Finnish relations during 1917–1922 is available in: [15], [16], [24], [37], [56].

⁴ British troops occupied the coast of the White Sea from June 1918 to October 1919. Their goals included operations against both Bolsheviks and Germans. White Finns were regarded by British as allies of the latter.

⁵ This was the name of a semi-independent region located in the north of the European Russia and protected during 1918 and 1919 by the Allied forces and the White Russian Army.

⁶ The resolution came into effect after its publication on 8 June, 1920, therefore this date is considered as the official date of the establishment of the KTK.

⁷ Calculated on the basis of: [12; 12–13].

⁸ Calculated on the basis of: [12; 12–13], [2; 6–10].

⁹ Calculated on the basis of: [2; 10, 27], [44; 181]. Compare with: [45; 34].

¹⁰ For more details of this struggle see: [15; 70–99], [27; 294–298], [40; 24–50].

¹¹ Vasilii Kudzhiev, an Internationalist Menshevik, joined the Bolshevik Party only in 1919.

¹² More details see in: [52; 16–32], [54; 107–148].

¹³ More details see in: [37; 55–67], [20].

¹⁴ A more detailed analysis of the language policy of the Finnish leadership of Soviet Karelia is available in: [38], [54; 126–136].

¹⁵ Similar assessments can be found in works by other scholars. See: [36; 332], [46; 143–151].

¹⁶ For the fates of the Finnish leaders of autonomous Karelia, see: [50], [51].

PRIMARY SOURCES

- Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-682 Представительство Карельской АССР при Президиуме ВЦИК.
- АКССР. Статистический обзор 1923–24. Петрозаводск, 1925.
- Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г. Первый всекарельский съезд советов, 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990.
- Гюллинг Э. Десять лет карельской автономии // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930.
- Документы периода подъема национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905–1922) // Нестор № 10. Финно-угорские народы России. СПб., 2007. С. 22–46.
- За Карелию Архангельской и Олонецкой губернии. Российскому Временному правительству. Выборг, 1917.
- Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925: Сборник документов. Петрозаводск, 1979.
- Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции: 1918–1920: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964.
- Конституция АКССР. Проект. Петрозаводск, 1926.
- Красная Карелия: Сборник материалов официального характера. Петрозаводск, 1925.
- Сталин И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России // Сочинения. Т. 4 (Web-resource: <http://petrograd.biz/stalin/4-56.php>, accessed 28 March 2010).
- Статистический ежегодник Карелии 1922. Петрозаводск, 1923. Вып. II. Ч. 1.

LITERATURE

- Autio S. Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002.
- Baron N. Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin’s Russia, 1920–1939. London; New York, 2007.

15. Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Porvoo, 1970.
16. Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyretykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Porvoo; Helsinki, 1961.
17. Kangasluoto M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000.
18. Kirkkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo, 1994.
19. Martin T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, L., 2001.
20. Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Jyväskylä, 1980.
21. Ranta R. Vienan Karjalaisen liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997.
22. Rasmus T. Repola Suomen yhteydessä v. 1918–1921 // Aunuksen Repola. Jyväskylä, 2001. S. 175–228.
23. Sheykin A. “Pan-Finnish propaganda” Russian policy in Karelia at the beginning of the 20th century // Challenges of Globalisation and Regionalisation. Luleå, 2007. P. 91–94.
24. Vahtola J. Suomi suureksi – Viena vapaaksi. Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi vuona 1918. Rovaniemi, 1988.
25. Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004.
26. Баданов В. Панфиннизм в Карелии // Петрозаводск. 1992. № 64. С. 10; № 65. С. 11.
27. Барон Н. Региональное конструирование карельской автономии // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 279–307.
28. В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Тимо Вихавайнена и Ирины Такала. Петрозаводск, 1998.
29. Витухновская М. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006. 379 с.
30. Витухновская М. Финское влияние на национальную мобилизацию в Российской Карелии (1905–1917) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 55–72.
31. Дубровская Е. Ю. Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX в. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 68–85.
32. Дубровская Е. Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей карельских волостей // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1995. С. 63–72.
33. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
34. Кангаспуру М. Карелия на перекрестке панфиннизма и русификаторства в 20–30-х годах // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 гг.). Сыктывкар, 1996. С. 29–39.
35. Кангаспуру М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Тимо Вихавайнена и Ирины Такала. Петрозаводск, 1998. С. 123–160.
36. Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929. Забытый успех раннесоветской национальной политики // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 309–336.
37. Килин Ю. Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.
38. Левкович А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992 (препринт доклада).
39. Левкович А. А. Национальная политика в Советской Карелии (1920–1928): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
40. Левкович А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // Общественно-политическая история Карелии XX века. Петрозаводск, 1995. С. 24–50.
41. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 55–87.
42. Машерский В. И. Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978.
43. Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007.
44. Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1964. 615 с.
45. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
46. Соломещ И. Панфиннизм и Советская Карелия: была ли «Великая Финляндия» мечтой «красных финнов»? // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 гг.). Сыктывкар, 1996. С. 18–22.
47. Соломещ И. На рубежах распадающейся империи: «карельский вопрос» конца XIX – начала XX веков в геополитическом контексте // Studia Slavica Finlandensia. Т. XIX. Helsinki, 2002. С. 140–159.
48. Соломещ И., Такала И. Еще раз о панфинизме // Петрозаводск. 1993. № 5. С. 10.
49. Сюкянен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1948.
50. Такала И. «Дело Гюллинга-Ровио» // Их называли КР: репрессии в Карелии 20–30-х годов. Петрозаводск, 1992. С. 34–73.
51. Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Тимо Вихавайнена и Ирины Такала. Петрозаводск, 1998. С. 161–206.
52. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 171 с.
53. Такала И. Р. Красные финны – панфинисты или пролетарские интернационалисты? // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции: В 2 ч. Ч. 1. М.; Архангельск, 2008. С. 277–279.
54. Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х гг.) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 107–148.
55. Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 465 с.
56. Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975.
57. Шумилов М. И. Исторический выбор карелов в 1917–1920 гг. // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 6–14.
58. Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М.: Весь мир, 1998. 384 с.

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ШАХНОВИЧ

кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Карельский государственный краеведческий музей
marksuk@onego.ru

КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ КАРЕЛИИ

Статья посвящена монументальным каменным крестам, найденным на территории Республики Карелия. Эти выразительные памятники XIV–XVI веков являются иллюстрацией распространения идей православия на северных окраинах Новгородской земли. Кресты рассматриваются в археологическом контексте.

Ключевые слова: монументальные каменные кресты, «крест в круге», позднее Средневековые

Местночтимые православные святыни – древнерусские каменные кресты – часто привлекали внимание исследователей-стравографов в дореволюционной, советской и постсоветской России [18], [48], [54]. Проблематика каменных крестов – «изящных, быстро исчезающих памятников древности» [48; 203] – является частью обширной темы христианизации средневековой Руси. Белокаменные монументальные кресты Новгородской земли – это одна из многочисленных групп памятников духовной культуры Средневековья, большинство из которых оказались сегодня утраченными.

Цель данной публикации – ввести в научный оборот неизвестные образцы древнерусской скульптуры, обнаруженные в последнее время на территории Республики Карелии (рис. 1).

Для Карелии наиболее ранним упоминанием о традиции включения изображения креста в сакральный ландшафт можно считать короткую запись в обводной межевой книге 1391 года о том, что на оз. Онего, у р. Шалы, есть «три камня большие плоских, а на сириднем ками сечен крест» [54; 17]. Скорее всего, речь идет об изображении православного семиконечного креста с монограммами, выбитого поверх знаменитой западной группы петроглифов мыса Бесов Нос на восточном берегу Онежского озера.

Исследователи отмечают, что для территории Заонежских и Лопских погостов каменные монументальные кресты не были характерны. Сведения о поклонных крестах в писцовых документах XVI–XVII веков в силу их фискального характера очень незначительны и косвенны, например «деревня Гришкинская у Креста», «около Маша озера от Салма мху на Крестную гору» или «деревня Каменой Крест» в Саккульском погосте Корельского уезда [49; 117].

Христианские древности не ограничивались крестами, высеченными из камня. Их дополняли широко распространенные на всем Русском Севере деревянные кресты, от которых к настоящему времени сохранились только основания – валунные кучи [33], [51].

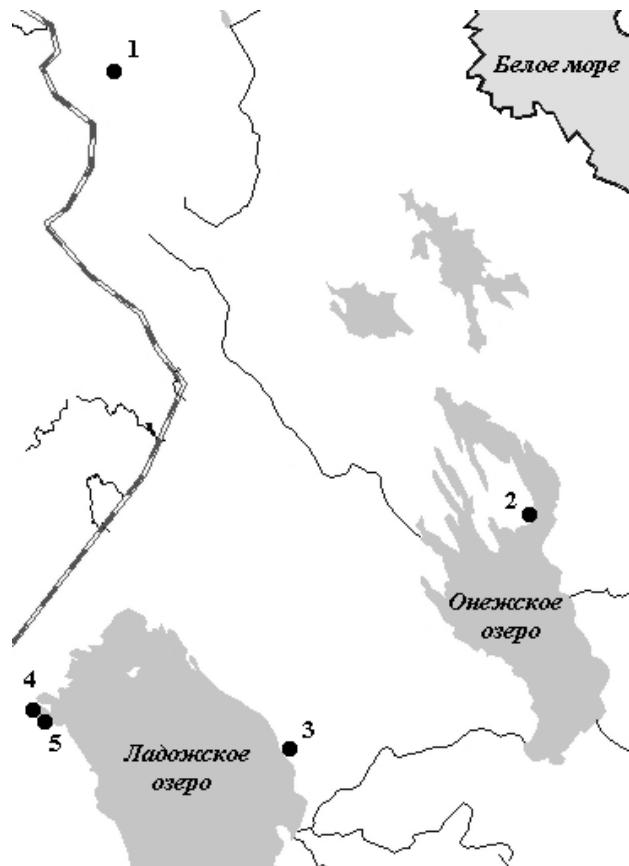

Рис. 1. Местонахождение каменных монументальных крестов на территории Республики Карелии:

1 – д. Костомукша; 2 – д. Вороний Остров; 3 – д. Еройла; 4 – мыс Кюлялахти Калмистомяки; 5 – остров Кильпала

В XIX веке обычай устанавливать монументальные поклонные кресты из дерева был повсеместно распространен в Олонецком крае. «Отличительная особенность религиозного направления корела, вследствие которой он любит везде, в удобных местах, ставить кресты и часовни. Дело это делается, как кажется, не столько по усердию, сколько по обетам частных лиц, а по этому сооружение крестов в лесах, при перекрестках, на полях

и пожнях считается делом очень обыкновенным, и с постановлением каждого из них соединено не-пременно какое-либо памятное событие – частное или общественное» [21; 217]. «...Карелы очень религиозны, и такие кресты вы встретите везде на дорогах. Расстояния между селениями здесь очень значительны, по 30–50 верст и более; их никто в точности не измерял, верстовых столбов нет, а вместо них поставлены кресты, обозначающие то четверть, то половину пути. Каждый пешеход старается сделать остановку у креста, неся к этому месту на память камень или оставляя лоскуток какой-нибудь материи» [27; 72]. В некоторых местностях Карелии эта традиция сохранилась до сих пор [14; 159–161].

Епархиальными властями памятные кресты рассматривались как важная достопримечательность карельских приходов. Так, один из пунктов указа 1851 года Олонецкой духовной консистории о сборе церковно-исторических сведений предписывал сельским священникам извещать «о больших крестах, стоящих при селениях и дорогах на расстояниях» [34; 179]. Например, настоятель небольшого Кондопожского прихода Петрозаводского уезда, выполняя указание, прислал в епархиальную администрацию сообщение о семи памятных деревянных крестах, «поставленных неизвестно когда и кем» в деревнях «при погосте или на почтовом тракте» [35; 37].

Местные историки мало интересовались почитаемыми православными крестами в Карелии. В региональной историографии нам известны только пять небольших описаний поклонных крестов. Краткая газетная статья краеведа К. М. Петрова посвящена двум «старинным» крестам с памятными надписями первой трети XVIII века: «при входе на Петрозаводское кладбище, что на Вытегорской дороге» и «неподалеку от Лодейного Поля, по дороге от города к деревне Мерошкиничам» [36; 528]. Речь идет о деревянных крестах, так как клировые ведомости XIX века не содержат сведений о каменных поклонных крестах в г. Петрозаводске. Священник П. Минорский в статье о достопримечательностях Олонецкого уезда описывает каменные и деревянные поклонные кресты около Андрусово-Никольской пустыни [21; 217]. Историк Е. В. Барсов кратко упоминает о двух каменных крестах, стоявших при слиянии рек Тулоксы и Сяндебки в Южной Карелии [3; 64]. Преподаватель Олонецкой духовной семинарии М. А. Ершов в 1867 году так же лаконично описывает эти кресты и объединяет их с древними каменными крестами на «Валаамском острове» [8; 329]. Священник Г. Корельский в статье о Муезерской церкви в Маслозерском приходе Кемского уезда Архангельской губернии пишет об алтарном кресте «из булыжного камня длиной 10 аршин, шириной 6 аршин» с вырезанными словами «Царь Славы» и надписью «Поставил сий крест первоначальной старец Генадей 7081 (1573) году Августа в 11 дня» [10; 388]. Крест был вывезен в начале 1960-х годов в г. Ле-

нинград экспедицией Государственного Русского музея [45; 127–129].

К сожалению, для территории Карелии устная традиция, связанная с каменными крестами, в отличие от центральных районов Новгородской земли, где и сегодня существует много преданий и обрядов, зафиксирована очень фрагментарно.

КРЕСТ ИЗ МОГИЛЬНИКА КЮЛЯЛАХТИ КАЛМИСТОМЯКИ

Средневековый могильник Кюлялахти Калмистомяки, находящийся в окрестностях поселка Хийтола Лахденпохского района Республики Карелия, исследовался в 2006–2009 годах Карельской археологической экспедицией МАЭ РАН под руководством С. В. Бельского и В. Лакко. Могильник занимает северо-западный склон каменистого холма в 0,2 км к западу от берега Ладожского озера. В ходе раскопок были обследованы около 90 погребений с выразительным сопутствующим инвентарем, относящиеся к концу XIII – первой половине XV века [4; 84–86]. Памятник можно определить как кладбище при Кюлялашском погосте – центре административного округа в этот период. Одним из важных открытий 2007 года была связанные с комплексом некрополя находка фрагментированного каменного четырехконечного креста, высеченного из целого блока известняка [53].

Всего в границах раскопа 2006–2007 годов были найдены 14 обломков от средокрестия и трех лопастей, относящиеся к одному изделию. Нижняя и правая части креста отсутствуют. По габаритам фрагменты можно разделить на «крупные» – 6 экз. (max 25 x 30 см), «средние» – 5 экз. (max 20 x 11 см) и «мелкие» – 3 экз. (max 6 x 4 см). Площадь их разброса составляет 5,5 м², но в основном они были найдены на участке в 4 м² в засыпке очень неглубоких могил (0–0,15 м от дерна).

В качестве сырья был использован легкий для обработки плитняковый камень – известняк-ракушечник желтого цвета с большим количеством мелких каверн от выпавших включений на поверхности. На всех шероховатых плоскостях креста наблюдаются следы от незначительного шлифования. Известняк по своей «мягкой» структуре более подходит для абразивной и резцовой техник обработки, чем, например, гранит или песчаник, из которых на Северо-Западе России делались четырехконечные кресты «простой» формы с минимумом или отсутствием декорирования.

Памятник относится к типу «новгородских» жальничных крестов из плитняка, установленных на каменной плите в «специально для того высеченном гнезде» [43; 342]. Это так называемый «крест в круге», то есть объединяющий в одной фигуре два христианских символа – круг-нимб и крест. Форма креста – «греческая»: примерно равновеликие лопасти с дугообразно выпуклыми торцами резко расширяются от средокрестия к оконечностям [22; 88]. Острые концы лопастей

соединены дугообразными «шейками»-перемычками. Расширяющаяся нижняя часть креста выходит за окружность. Вероятно, она заканчивалась специальным выступом-шипом, служившим для соединения с постаментом (рис. 2).

Реконструированная высота креста – 0,7 м, диаметр круга – 0,7 м, наименьшая ширина горизонтальной лопасти – 0,19 м, наименьшая ширина верхней лопасти – 0,21 м, наибольшая ширина верхней лопасти – 0,42 м. Толщина изделия уменьшается от краев к центру – от 7,5–6 до 4,5 см. Можно предположить, что этот параметр изделия в данном случае не был принципиальным. В большинстве известных случаев «новгородские» каменные кресты изготавливались из плит известняка стандартных пропорций: толщиной до 0,08–0,12 м, шириной до 0,8 м и высотой до 0,7–0,8 м.

По периметру края лицевой стороны проложен выпуклый рельефный ободок шириной 2–2,5 см, что наряду с расширяющимся основанием и утопленными «шейками»-перемычками, соединяющими лопасти, считается характерной чертой «новгородских» каменных крестов XIV–XV веков [48; 313]. Оборотная сторона традиционно оставлена гладкой и недекорированной.

Фрагменты круговых перемычек имеют следы от окрашивания в красноватый цвет. Использование при раскрашивании крестов различных оттенков красного цвета на общем желтом фоне соответствует православной традиции цветовой символики, применяемой от раннего Средневековья до «позднего» времени: «Крест раскрашен в обычные неяркие тона русской деревянной резьбы: ободок красноватый, главный крест желтоватый, под ним Голгофа – темно-оливковая, углубленные поля – тусклые голубые, исключая среднее поле на обороте креста, которое тусклобагровое» [9; 76]. Таким образом, можно утверждать, что в XIV веке при оформлении каменных крестов применялось их раскрашивание. Остается вопрос: производилось это в мастерской и было заключительной стадией при изготовлении изделия или раскраска осуществлялась на месте согласно вкусам заказчика?

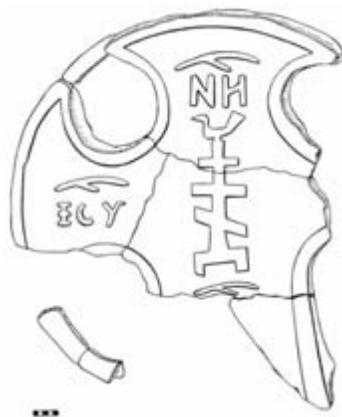

Рис. 2. Крест из могильника Кюлялахти Калмистомяки (Лахденпохский район Республики Карелия)

На кресте из Кюлялахти организация декора сделана с выделением на лицевой плоскости орнаментальных зон на концах лопастей, симметрично уравновешенных относительно вертикальной оси средокрестия. В центральной части креста находится плоскорельефное изображение восьмиконечного Креста Господня с косой нижней перекладиной, выступающее над общей плоскостью на 2 мм. Он расположен на Голгофе неусложненной формы – на П-образном одноступенчатом подножии. Распятие вырезано очень аккуратно, четко по центру изделия, с сохранением осевой симметрии. Ширина его средней перекладины и прямая ширина нижней перекладины, наклоненной слева направо, одинаковы с шириной Голгофы. На верхней части креста находится повернутое влево изображение «птички» (голубя) с хорошо различимыми лапками, соприкасающимися с верхней частью креста, туловищем, головой, веерообразным хвостом. Выше ее, в оглавии креста, просматриваются слабо выпуклые буквы «НИ» под титлом, являющиеся началом слова «НИКА», которое традиционно разделяется на два слога. Высота букв – 4,5 см. Максимальные размеры вырезанного распятия – 24 x 10,5 см, вместе с «птицей» – 28 x 10,5 см. На левой лопасти под титлом просматриваются буквы «ИСУ» (Иисус). «И» изображено в виде креста с тремя перекладинами, что характерно для периода XIII–XV веков [32; 187]. Надписи-монограммы на каменных крестах обычно размещались на лопастях креста «по кругу», по часовой стрелке. В нашем случае реконструкция большинства из них невозможна из-за отсутствия третьей части памятника, но в основании, под подножием, находится титл. Предположим, что под средокрестием было расположено окончание монограммы «НИКА» – «КА», а на правой лопасти была вырезана монограмма «ХС». Имеющиеся изображения, возможно, несут большую смысловую нагрузку, чем просто воспроизведение стандартных канонических символов. Например, крест на подножии – престоле – это формальный индикатор символа системы владычного управления, что хорошо наблюдается на материалах сфрагистики XIV–XV веков [45; 52], [55; 53]. Голубь – редко встречающийся элемент декора каменных крестов, символ Святого Духа или человеческой души [50; 151]. По мнению Н. В. Покровского, он может указывать на старшинство архиерейских кафедр [39].

В раскопе 2007 года недалеко от находок фрагментов креста был обнаружен вытянутый кусок песчаника размерами 1,1 x 0,28 x 0,17 м с аккуратным отверстием в центре. Это, скорее всего, специальная подпятная плита (постамент) для креста. Отверстие (0,2 x 0,09 м) имеет подпрямоугольную форму и скругленные углы. Плита была использована при создании валунной обкладки одного из погребений. Таким образом, каменный крест из Кюлялахти Калмистомяки был разборным и из-за «неудобной» формы постамента и для большей устойчивости должен был дополнительно вкапываться в землю.

К сожалению, имеющиеся надписи не настолько характерны, чтобы их эпиграфию можно было надежно использовать для датировки объекта. По косвенным признакам находку следует датировать временем существования могильника. Например, изображение восьмиконечного креста без дополнительных атрибутов – Орудий Страстей Христовых – является «ранним» признаком (до XV века) [7; 68], [44; 106].

По характеру залегания фрагментов креста в культурном слое могильника можно утверждать, что он существовал и был разбит раньше создания некоторых погребений. Наверное, крест как православный символ преднамеренно уничтожили «немцы» во время одного из военных конфликтов политico-религиозного противостояния между Швецией и Новгородской республикой в XIV–XV веках. Кюлялахский погост упоминается в документе, рассказывающем о походе шведов в Западное Приладожье в 1395 году: «В лето 6904... Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша два погоста: Кюрьевские и Кюлоласкис, и церковь сожгоша; и князь Константин с Корелою гнася по них, и язык изима и присла в Новьгород» [20; 89].

По морфологии крест из Кюлялахти Калмистомяки является намогильным памятником, что подтверждается нахождением его в контексте средневекового могильника. Он мог быть не только частью отдельного погребения, но и иметь общую атрибутивную нагрузку для всего сельского кладбища. В 2008–2009 годах в переотложенном состоянии были найдены еще несколько небольших фрагментов лопастей от другого известнякового креста. Белокаменные кресты «нетрадиционной» формы, изготовленные из «неместного» материала, и через столетия после их установки имели высокий семиотический и символический статус священного предмета округи, придавая ей более значимое положение в крае.

КРЕСТЫ НА О. КИЛПОЛА

В 4 км к юго-востоку от могильника Кюлялахти Калмистомяки, на острове Килполя на Ладожском озере, существовали еще два небольших «новгородских» каменных креста. Наиболее известный крест был впервые опубликован Т. Швингтом в 1893 году [59; 56], впоследствии его описывали А. А. Спицын и И. А. Шляпкин [48; 226], [54; 358]. Его нашли в 1886 году на холме, недалеко от берега озера [59; 105]. Сейчас крест находится в Национальном музейном ведомстве Финляндии [60; 499]. Он изготовлен из песчаника, имеет высоту 0,57 м. Крест был укреплен на специальной каменной плите-постаменте овальной формы (рис. 3). В центре средокрестия вырезан заглубленный равносторонний четырехконечный крест без подножия. При общей тождественности формы он отличается от креста из Кюлялахти Калмистомяки своей лапидарностью – на нем отсутствуют вырезанные, традиционные

для данного вида православных артефактов, надписи и символы. А. А. Спицын считал, что «простота» «корельского» креста из Килполя связана с тем, что он «сделан, быть может, на месте» [48; 226]. В то же время крест идентичен другим многочисленным образцам «новгородских» гладких белокаменных крестов, скромных по декоративному оформлению [54; табл. XXI–XXII], [12; рис. 2]. Поэтому, скорее всего, он был изготовлен не в Западном Приладожье, а в камнерезных мастерских новгородской округи. Возможно, памятник несколько «моложе» находки из Кюлялахти Калмистомяки, так как считается, что традиция изображения прямого креста в средокрестии появляется в конце XII века, но расцвет использования этого символа приходится только на XV век [17; 172–173]. Второй крест на острове Килполя около д. Хаапалахти упоминает в своей работе П. Уйно. Он был перемещен и использован при строительстве крестьянского дома [60; 224].

КРЕСТ ИЗ Д. ЕРОЙЛА

Старинная карельская деревня Еройла находится в 10 км к западу от г. Олонца. Весной 2007 года в подвале одного из деревянных домов, в верхнем слое земляного пола, был обнаружен прекрасно сохранившийся каменный крест. Его перенесли 4 мая 2007 года в местную церковь во имя Спаса Нерукотворенного Образа.

По одной версии, дом, где нашли крест, находится на месте разрушенной деревенской часовни. Но более вероятно, что святыня была преднамеренно спрятана и закопана в период «воинствующего атеизма» в 20–30-е годы прошлого века. В обзоре культовых объектов, еще сохранившихся в конце 20-х годов XX века в Приладожье, Н. И. Репников отмечает наличие в д. Еройла «в двух часовнях по кресту, вписанному в круг, жальничного типа» [41; 22].

Рис. 3. Крест с о. Килполя
(Лахденпохский район Республики Карелия)

Каменные кресты на восточном берегу Ладожского озера впервые упоминают М. А. Ершов и Е. В. Барсов. Они пишут, что между погостом Ильинским и д. Еройла есть «два креста, высеченные из известкового камня. Форма их византийская, а насечка на них славянскими буквами, выпуклая, судя по надписям, кресты эти относятся к XI в. Подобные же два креста из дикого камня песчаника находятся в Олонецком уезде между Андрусовскою и Сяндебскою пустынями. Хотя на этих последних и нет никакой подписи, но по своей форме они также должны быть отнесены к глубокой древности» [8; 329], [28]. Их появление местная легенда объясняет следующим образом: «Устье реки Сяндебки, текущей на девять верст, из Сяндемского озера в реку Тулоксу, доселе охраняется каменными крестами, воздвигнутыми на обоих берегах реки. Предание говорит, что они сопутствовали прп. Афанасию с Валаама как благословение тамошних старцев. <...> Они чудесно приплыли за преподобным против течения речного» [3; 64]. Легенды о приплывших вверх по течению реки или на льдине каменном кресте, иконе – это самые распространенные сюжеты, связанные с подобными сакральными объектами на Северо-Западе России, которые должны были подчеркивать самостоятельность и божественный промысел их появления в данной местности.

Приведем полностью описание каменных крестов, стоящих в двух концах деревни Еройла, сделанное священником Петром Минорским в 1876 году: «Оба креста высечены из песчаника и имеют овальную плоскую форму с выдолблеными в них насекомьем четырьмя круглыми дырами. Замечательно, что насечка букв и фигур на крестах рельефная... Крест, который находится в часовне вблизи церкви, оправлен в дерево и имеет сам по себе вышины 1 арш. 7 верш., а ширины 15 вершков. Из надписи, находящейся под крестом и почти уже сливавшейся от времени, видно, что он обновлен и окрашен в 1711 году мая во 2-й день, на самом же камне ясно сохранились рельефные слова под титлами: «Христос Иисус, Ника, царь славы, Христос, святому Николе, Господи спаси», а далее тринадцать фигур, мало подходящих под изображение звуков славянской азбуки, которым потому трудно дать какое-либо значение. Второй крест формою похож на первый, но меньше его, именно в длину 14 верш., а в ширину 10 верш. Буквы или, лучше сказать, фигуры его тоже рельефны, но очень неясны, и по ним нельзя дать никакого смысла надписи. Левый бок креста отломлен, и часть эта потеряна». В подтверждение легенды об их чудесном появлении П. Минорский указывает, что оба креста имеют следы от пребывания в воде [21; 218–219].

Скорее всего, в 2007 году был найден первый из описанных П. Минорским двух крестов, находившийся в часовне около деревенской церкви. Памятник относится к типу «новгородских»

«крестов в круге». Форма креста – «греческая»: равновеликие лопасти круто расширяются к оконечностям, их торцы дугообразно выпуклы. Острые концы лопастей соединены дугообразными «шейками»–перемычками. Расширяющееся основание креста выходит за окружность. Нижняя часть креста отколота. Специальный шип в ножке, часто используемый для крепления в каменном основании, отсутствует (рис. 4).

Крест сделан из плиты известняка серого цвета с большим количеством на поверхности характерных мелких каверн от ракушечных включений. В раннехристианской традиции со вмещение креста и круга – знака божественной силы, представлялось символом сущности Христа как Небесного Света, явленного миру, и жертвы за его спасение [26; 22–28]. Вероятно, поэтому неслучайно для изготовления каменных крестов в круге избирался известняк белого или желтого цвета.

Сохранившиеся размеры креста: ширина – 0,73 м, высота – 0,82 м, толщина по краям – 0,1 м, в середине – 0,08 м. Характерная черта «новгородских» крестов – краевой «кант» имеет ширину 3–4 см и выступает над общей плоскостью на 0,3 см. На всех плоскостях памятника отмечаются неглубокие следы от абразивного воздействия. На обратной стороне, традиционно оставленной недекорированной, есть выщербины от ударов острым предметом. Внешняя поверхность торцов частично повреждена, наверное, при перемещениях креста.

Крест, в традициях Русского Севера, раскрашен: лицевая сторона – в синий цвет, кант – пурпурный, торцы, включая внутреннюю часть средокрестия, – красные [48; 210]. Считается, что красный – это цвет Воскресения, синий – символ небесной сущности и бессмертия [26; 37, 107]. Возможно, это следы упоминаемого П. Минорским «обновления» в 1711 году.

Рис. 4. Крест из д. Еройла
(Олонецкий район Республики Карелии)

Точно по центру изделия с сохранением общей вертикальной и горизонтальной осевой симметрии вырезано рельефное изображение восьмиконечного распятия неусложненной формы с косой нижней перекладиной, выдающееся над общей плоскостью монолита на 2–3 мм. Оно находится на одноступенчатом подножии – Голгофе.

Вся лицевая сторона максимально заполнена рельефной надписью полууставом. Буквы, хорошо различимые на общем синем фоне, выступают над поверхностью на 2–3 мм. На верхней лопасти под титлом просматриваются стандартные монограммы «Хъ», «ИСУ» (Иисус). Характерное написание букв «І» в виде креста с тремя перекладинами и «У» идентично изображениям на вышеописанной находке из могильника Кюлялахти Калмистомяки. Ниже в верхней части средокрестия вырезано «НИ КА»: первый слог дан зеркально, а буква «К» написана в два приема, как «ІС». Далее надпись продолжается с переходом на правую лопасть – «ЧРЬ СЛАВЫ». Нужно отметить характерное написание монограммы «ЧРЬ», что является широко распространенной новгородской диалектной формой (замена «ц» на «ч» [31; 89]) или же частым примером зеркального изображения буквы «ц» как следствие неоднократно отмечаемой малограмотности мастеров-камнерезов [54; 105]. Надпись «ХРО СТЬ ОСПО ИСПАСИ», переходящая с правой лопасти на основание, расшифровывается нами как скатая сакральная формула: «Храни свят Господи и спаси». Далее просматриваются плохо сохранившиеся буквы «ЮС». Е. В. Барсов в своей рукописи приводит еще десять «неразборчивых знаков», находившихся в нижней части креста, но к настоящему времени они не сохранились. На левой лопасти в две строки обозначено, кому посвящен крест – святителю Николаю Чудотворцу. Если сравнивать с известными датируемыми образцами надписей на каменных крестах, то написание букв «У», «Ъ», «Х», «А», «І», «К», как на кресте из д. Еройла, прослеживается в XII–XIV веках [48; рис. 323, 363, 364].

На лицевой стороне вырезано четыре знака титла. Они ставились над словами сакральной сферы, обозначающими священные, почитаемые предметы [38; 36]. На общей плоскости изделия титлы размещены по одному на каждой лопасти с сохранением общей симметрии относительно друг друга. Подобная традиция художественной компоновки декора культового текста присутствует и на кресте из могильника Кюлялахти Калмистомяки.

Посвятительный крест из д. Еройла, сделанный по стандартам новгородских камнерезных традиций XIV века, по специфике исполнения существенно отличается от простых сельских намогильных памятников из камня, что свидетельствует об индивидуальном характере его заказа.

Точное время, когда был установлен крест в деревне, неизвестно. Появление его в этих местах, скорее всего, связано с деятельностью монахов Андрусово-Никольской пустыни, нахо-

дившейся в 10 км к западу от д. Еройла, главный храм которой был посвящен святому Николаю Чудотворцу. Нельзя исключить, что в «позднее» время (до XVIII века) его могли привезти с территории, находящихся южнее, где такие кресты были более распространены, например из Юго-Восточного Приладожья. Почитание святого Николая Мирликийского, отмечаемое на Руси уже в XI веке, особенно широко практиковалось в православных общинах Новгородской земли в XIV–XV веках. Святитель считался покровителем иноков [13]. На сегодняшний день, по нашим сведениям, это самая северная находка «новгородского» каменного «креста в круге».

КРЕСТ В Д. ВОРОНИЙ ОСТРОВ

В Юго-Восточном Заонежье (Медвежьегорский район Республики Карелии) на острове около современной д. Вороний (Воронской) Остров в маленькой клетской часовне (2,2 x 2,3 x 1,8 м), срубленной из бруса и обшитой досками, сохранился четырехконечный каменный крест. По клировой ведомости Типиницкого прихода за 1883 год, в этой деревне стояли две часовни: Усекновения Главы Иоанна Предтечи в самой деревне и в память Рождества Иоанна Предтечи на близлежащем одноименном острове. Часовенка, где в настоящее время находится крест, расположена в 8 м к северу от часовни Рождества Иоанна Предтечи. На коньке кровли ее крыши укреплен православный восьмиконечный крест, внутри помещения оклеено «дореволюционными» газетами. Предположительно деревенские жители построили эту часовню целенаправленно для размещения в ней почитаемой местной святыни. Крест традиционно помещен в середине противоположной от входа стены, на специальном дощатом подиуме в восточной части здания. Сейчас он украшен большим вышитым полотенцем.

Четырехконечный крест из белого известняка имеет габаритные размеры 0,85 x 0,6 x 0,09 м. Завершениям верхней и двух боковых лопастей, слегка расширяющимся от средокрестия, абрэзивной обработкой придана двускатная форма, создающая тупой угол («обрезаны под углом»). Торцевые грани незначительно декоративно скошены. Нижняя часть креста асимметрична, что, вероятно, связано с формой исходного каменного блока. В центре средокрестия вырезан четырехконечный крест, поверх которого профессионально нанесен красками «поздний» рисунок: в центре на голубом фоне хорошо сохранившееся изображение распятого Христа, вверху раскрытий свиток с надписью «І. Н. Ц. І.», на боковых лопастях канонические криптограммы «І. С.» и «Х. С.». Уже впоследствии на рисунке неаккуратно процарапано «ЧРЬ СЛАВЫ НИКА ІС». Скорее всего, этот крест был изготовлен вне пределов Карелии, а его «подновление» (раскрашивание) было произведено в конце XIX – начале XX века (рис. 5).

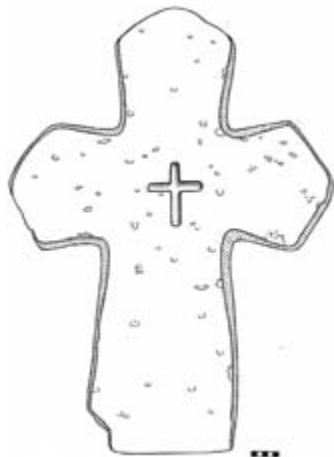

Рис. 5. Крест из д. Вороний Остров
(Медвежьегорский район Республики Карелии)

Ближайшие аналогичные каменные кресты нам известны, например, в часовне д. Миринич Соцкого погоста Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии (сведения на 1853 год). В. А. Буров справедливо считает кресты данного типа намогильными [5; 68]. Тенденция к расширению концов лопастей крестов и оформлению их не прямым, а ломанным или округлым контуром появляется на Руси достаточно рано. Так, сходное каменное изваяние («Стерженский крест») в Тверской области датируется по сопроводительной надписи XII века [48; 206]. На Русском Севере, по нашему мнению, такие кресты начинают устанавливать значительно позднее – в XVI веке.

КРЕСТ В Д. КОСТОМУКША

Каменный крест, находившийся на старинном кладбище ныне несуществующей д. Костомукша (Костомукшский район Республики Карелия) и запечатленный финским фотографом И.-К. Инхой в 1894 году, можно считать самым северным на территории Карелии. Как гласит легенда, он был поставлен на месте церкви, сожженной в XVIII веке «шведами». По описанию старожилов, еще во второй половине XX века крест «замшелый, ушедший наполовину в землю, грубо отесанный» сохранялся на кладбище. Очевидно, он был утерян в конце 70-х годов XX века во время строительства Костомукшского ГОКа.

На фотографическом снимке изображен четырехконечный, вытесанный из плоского камня крест, высота наземной части которого приблизительно равняется 1,2 м. Непропорционально короткие, неровные вертикальные лопасти выступают не более чем на 5–10 см, что, вероятно, было изначально предопределено исходными пропорциями камня-заготовки. Какие-либо изображения на кресте не просматриваются. Такие «упрощенные» кресты «кустарного» изготовления часто встречаются в Белоруссии и в окрестностях Пскова, Изборска [14; 4], [44], [54]. Известны они и на отдельных карельских кладби-

щах в Западном Приладожье. Финляндские археологи предварительно датируют их XVI–XVII веками [61; 502]. «Костомукшский» крест – это следствие влияния погребальной традиции протестантских общин соседней Финляндии.

ПРОБЛЕМАТИКА КАМЕННЫХ «КРЕСТОВ В КРУГЕ»

Особый тип христианских древностей – каменные четырехконечные «кресты в круге» Новгорода и Новгородской земли, высеченные из цельного блока светлого известняка, часто украшенные изображениями и соответствующими каноническими надписями, были «массовым» продуктом новгородских профессионалов-камнерезов для сельских общин. Они отличаются по морфологии от «псковских» и «изборских» каменных изваяний простой «четвероконечной» формы, составлявших большинство намогильных сооружений на Северо-Западе России [44; 103].

Крестчатый нимб как основной символ Христа утвердился в христианской иконографии с VII века [26; 35]. По И. И. Малышевскому, впервые подобная «византийская» форма креста отмечена на серебряной монете первой половины V века [19; 36]. В Балтийском регионе «греческой» формы крест с таким образом закругленными оконечностями лопастей, что они образуют при условном продлении как бы правильную окружность, – это распространенный символ уже в VII–X веках н. э. [22; 101], [23; 140]. Со скандинавскими образцами сходны по стилистике круглые подвески с крестовидными изображениями и нательные кресты XII–XIII веков из Новгорода [15], [16; 120–122]. Это подтверждает неоднократно высказываемый тезис о значительном влиянии североевропейской художественной традиции на развитие христианского искусства в Новгороде и сложившуюся унификацию религиозной символики в период неразделенной христианской Церкви для территории Балтии до XIII века.

Как сформировался обычай возведения монументальных каменных «крестов в круге» – одного из значимых видов христианских культовых построек в Новгородской земле? По нашему мнению, восточнохристианский символ – «крест в круге с сомкнутыми концами» – был перемещен в V веке миссионерами из Византии на Британские острова. На его основе в Ирландии в VII веке получили широкое распространение знаменитые высокие «круглые кельтские каменные кресты» с фигуративными изображениями. С англосаксонским духовенством традиция их возведения проникла в Южную Швецию и позднее, через посредство «западных» церковных канонов, «прижилась» на Северо-Западе Руси, в первую очередь, как выразительный архитектурный прием. А. А. Спицын и И. А. Шляпкин считали, что обычай сооружения севернорусских каменных «крестов в круге» появляется только в XIV веке

[48; 34], [54]. Другие исследователи называют более раннее время – конец XIII – начало XIV века [40; 195]. В XIV–XVI веках каменные кресты самой различной формы становятся распространенным видом памятников на сельских курганно-жальничных могильниках Новгородской земли [58; 77, 80]. Единообразие надписей, вариаций декорирования и общей морфологии каменных «крестов в круге» свидетельствуют о создании их в одной мастерской или о существовании общего стандарта при их изготовлении.

В XV веке «мода» на каменные «кресты в круге» затухает. Причины этому могут быть самыми разными: от исчезновения мастеров-крестечников в ходе многочисленных бедствий (эпидемий, голода, набегов) до введения запрета на использование данного символа в процессе государственной унификации различных сторон православной обрядности в Московской Руси. Последнее предположение, вероятно, наиболее правдоподобно. Например, Е. В. Платонов пишет об официальном ограничении в начале XV века центральной церковной администрацией широко развитых в Новгородской земле, в противовес иконопочитанию, местных культах каменных крестов [37].

Считается, что новгородские «кресты в круге» в основном распространены в ближней окру-

ге Новгорода, в верхнем течении р. Луги и нижнем Пооредежье, а в других сельских регионах Северо-Запада России встречаются редко [30; 372]. Северная граница ареала «каменных крестов с резьбой» в Юго-Восточном Приладожье определяется Л. В. Корольковой по низовьям рек Паша и Волхов, где в конце XX века было отмечено 38 пунктов их находок [11; 358]. Вероятно, на периферии Новгородской земли каменных крестов разных типов было значительно больше, чем можно документировать сегодня. Например, при проведении целенаправленных работ по их выявлению в Новгородской области в 1998 году В. Б. Панченко обнаружила 28 ранее неизвестных каменных крестов XIV–XVI веков [31; 54]. Фрагментированные и целые «кресты в круге» нередко выявляются при раскопках могильников XIII–XVI веков как на Ижорском плато, так и в окрестностях Новгорода [58; 81].

По нашим сведениям, рассмотренные в статье каменные новгородские «кресты в круге» – это самые крайние точки в ареале распространения данного вида артефактов: крест в д. Еройле – на севере, находки в Кюлялахти Калмистомяки и на острове Килпала – на западе. Они представляют пример эстетических пристрастий сельских общин периода становления православия на территории Приладожской Карелии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. А., Белецкий С. В., Раев Б. А., Розова В. Д., Седов В. В., Сергеева Л. Е., Смирнова Л. И., Фролов В. П., Харламов Б. Н. Работы в Псковской земле // Археологические открытия. 1983. М., 1985. С. 4.
2. Артемьев А. В. К вопросу о хронологии намогильных каменных крестов малых городов Псковской земли XIV–XV веков // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.: Наука, 1988. С. 67–73.
3. Барсов Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители: Материалы по истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 3–68.
4. Бельский С. В., Лааксо В. Работы на могильнике Кюлялахти Калмистомяки в 2008 году // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 году. СПб.: Лема, 2009. С. 84–86.
5. Буров В. А. Путешествие каменного «келейного креста» преподобного Савватия // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 5. Архангельск: АО «Правда Севера», 2006. С. 66–72.
6. Воронин Н. Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. // СА. 1940. VI. С. 309–315.
7. Гнуготова С. В. Орудия Страстей Христовых на русских крестах XVII–XIX вв. // Филевские чтения. Вып. V. М.: Эпос, 1994. С. 68–86.
8. Ершов М. А. Материалы для истории культуры Олонецкого края // Памятная книга Олонецкой губернии за 1905 г. Петрозаводск, 1905. С. 315–334.
9. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. 8–9. М.: Изд-во В. И. Воронова, 1908. 106 с.
10. Корельский Г. Приписная Муезерская церковь в Маслозерском приходе // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 13–14. С. 380–388.
11. Королькова Л. В. Формирование сети расселения северо-восточных районов Новгородской земли X–XVII вв. (историко-графический аспект) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. В. Новгород: Виконт, 1997. С. 354–364.
12. Кочкарева М. Н. Новгородские каменные кресты из собрания Ростовского музея // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974. С. 107–110.
13. Кругловых А. Н. Почитание св. Николая Чудотворца в Новгороде в XIV–XVI вв.: церкви, чудотворные иконы, сказания, богослужебная практика // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. В. Новгород: АО «Новгород», 2005. С. 179–189.
14. Кузнецова В. П. Почитаемые места и памятники Поморья // Природное и историко-культурное наследие северной Финно-скандинавии. Петрозаводск: Пакони, 2003. С. 159–164.
15. Лесман Ю. М. Мотив креста в декоре ювелирных изделий Новгорода XI–XIV вв. // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. СПб.: АО «Нева», 1995. С. 13–19.
16. Лесман Ю. М. Композиция декора ювелирных изделий Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. В. Новгород: АО «Новгород», 1996. С. 110–125.
17. Лесман Ю. М. К иконографии древнерусских металлических крестов-подвесок: общие пропорции креста // Церковная археология: Материалы Всероссийской церковно-археологической конференции. Вып. 4. СПб.: Изд-во «Русская книга», 1998. С. 171–173.
18. Макарий, архимандрит (Н. К. Миролюбов). О древних титлах на крестах // Известия Императорского Русского Археологического общества. Т. 1. Вып. 4. СПб.: Изд-во К. Малошайкина, 1859. С. 209–211.

19. М а л ы ш е в с к и й И . И . О придорожных крестах // Ставрографический сборник. Кн. 1. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. С. 17–78.
20. М атериалы по истории Карелии. XII–XVI вв. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. 341 с.
21. М и н о р с к и й П . Олонецкие корелы и Ильинский приход (Олонецкого уезда) // Олонецкий сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 189–221.
22. М о л о д и н В . И . Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Кн. 3. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2005. С. 83–133.
23. М у с и н А . Е . Меч и крест: новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: АО «Мысль», 1999. С. 134–150.
24. О в с я н и к о в О . В . Каменные кресты Архангельского Поморья // Памятники Средневековой культуры. Открытия и версии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 171–182.
25. О в с я н и к о в О . В . , Ч у к о в а Т . А . Северные каменные и деревянные кресты XVIII–XIX вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: АО «Северная мысль», 1990. С. 83–85.
26. О в ч и н и к о в А . Н . Символика христианского искусства. М.: Наука, 1999. 291 с.
27. О л е н е в И . В . Карельский край и его будущее в связи с постройкою мурманской железной дороги. Гельсингфорс: Финское литературное общество, 1917. 190 с.
28. Олонецкие Епархиальные Ведомости. 1903. № 6. С. 7.
29. П а н ч е н к о А . А . Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина. 1996. № 3. С. 40–43.
30. П а н ч е н к о А . А . , С е л и н А . А . , Я ш к и н а В . Б . Почитаемое место у д. Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной святыни // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. В. Новгород: АО «Новгород», 1997. С. 365–374.
31. П а н ч е н к о В . Б . (Яшкина) Исследование в Кингисеппском районе // Археологические открытия-1998. М., 2000. С. 54.
32. П а н ч е н к о В . Б . «Поставлен святый крест...»: о надписях на средневековых каменных крестах // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связывающие пути и организующие центры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 186–191.
33. П а н ч е н к о В . Б . Ладожские деревянные кресты: неопубликованные материалы Н. И. Репникова из фотоархива ИИМК РАН // Староладожский сборник. Вып. 7. Старая Ладога: Изд-во «Меридиан-С», 2009. С. 132–148.
34. П а ш к о в А . М . Малоизвестный источник по истории православных церковных приходов и монастырей Олонецкой епархии середины XIX в. // Православие в Карелии. Петрозаводск: РИО КНЦ РАН, 2003. С. 179–184.
35. П а ш к о в А . М . Неизвестное описание Кондопожского прихода середины XIX века // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы V краеведческих чтений, посвященных памяти А. И. Шошина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 30–39.
36. П е т р о в К . Старинные кресты // Олонецкие Губернские Ведомости. 1868. № 32. С. 528.
37. П л а т о н о в Е . В . Почитание каменных крестов в Северо-Западной России в контексте литургической традиции (к постановке вопроса) // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Архангельск: ОАО «Правда Севера», 2008. С. 87–103.
38. П л е т н ё в а А . А . , К р а в е ц к и й А . Г . Церковнославянский язык. М.: Наука, 2001. С. 56–67.
39. П о к р о в с к и й Н . В . Евангелие в памятниках иконографии. Переиздание. М., 1892. М.: Арефа, 2001. 214 с.
40. П о р ф и р и д о в Н . Г . Малоизвестный памятник древнерусской скульптуры (каменный крест из Боровичей) // Древнерусское искусство XV – начала XVI века. М.: Наука, 1963. С. 184–185.
41. Р е п н и к о в Н . И . Ж а л з н и ки Новгородской земли // ИГАИМК. Т. IX. Вып. 5. Л., 1931. 94 с.
42. С а к с а А . И . , Я н и н В . Л . Свинцовые печати из раскопок в Кореле // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. В. Новгород: АО «Новгород», 1996. С. 187–194.
43. С е д о в В . В . Войносоловский крест // СА. 1962. № 3. С. 311–314.
44. С е д о в В . В . Изборские каменные кресты // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 102–107.
45. С м и р н о в а Э . С . Экспедиция в Карельскую АССР // Сообщения Государственного Русского музея в Ленинграде. Л., 1964. Вып. 8. С. 127–129.
46. С о л е н и к о в а Е . В . О происхождении закладных крестов в новгородской архитектуре // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции. Ч. 2. Христианство и древнерусская культура. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 103–105.
47. С о л е н и к о в а Е . В . Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб.: Вира, 1996. 47 с.
48. С п и цы н А . А . Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки отд. русской и славянской археологии ИРАО. 1903. Т. 5. Вып. 1. С. 203–234.
49. С у с л о в а Е . Д . Церкви и причты в Карелии раннего Нового времени: анализ информации массового характера // Границы в пространстве прошлого: социальные, идейные, культурные аспекты. Тверь: ОАО «Триада», 2006. С. 48–56.
50. У в а р о в А . С . Христианская символика. Ч. 1. М.: Изд-во Г. Лесснера, 1908. 305 с.
51. Ч и с т я к о в А . Ю . Намогильные кресты в Ингерманландии: традиции и современность // Геральдика: Материалы конференции «10 лет восстановления геральдической службы России». СПб.: Лита, 2002. С. 131–140.
52. Ш а х н о в и ч М . М . Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск: РИО КНЦ РАН, 2005. С. 260–276.
53. Ш а х н о в и ч М . М . , Б е л ь с к и й С . В . «Новгородские» каменные кресты Западного Приладожья // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. Эпоха бронзы – позднее Средневековье. СПб.: Наука, 2009. С. 176–185.
54. Ш л я п к и н И . А . Древние русские кресты. Т. 1. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отд. русской и славянской археологии ИРАО. Т. VII. Вып. 2. СПб.: Изд-во И. Н. Скороходова, 1906. 88 с.
55. Щ е д р и н К . А . О некоторых особенностях иконографии горы Голгофы // Ставрографический сборник. Кн. 1. М., 2001. С. 279–289.
56. Я н и н В . Л . Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М.: Наука, 1970. 180 с.
57. Я р м о л о в и ч И . А . Каменный крест из д. Теребуни на р. Мшаге // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 17. В. Новгород: ЗАО «Новгород», 2003. С. 323–329.
58. Я ш к и н а В . Б . (Панченко) К вопросу о распространении каменных крестов Древней Руси // Староладожский сборник. СПб.: АО «Резюме», 1998. С. 75–89.
59. S c h i p n i d t T . Tietoja Karjalan Rautakaudesta. Helsinki: Alfred et Justo, 1893. 190 p.
60. Viipurin läänin historia. I. Karjalan Synty. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaito Oy, 2003. 467 p.
61. U i n o P . Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki: FDT Kirjapaito Oy, 1997. 426 p.

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ЯКИМАНСКАЯ

доктор психологических наук, профессор, академик Международной педагогической академии, заведующий лабораторией, Психологический институт Российской академии образования

lugava@rambler.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена одной из перспективных педагогических технологий современной образовательной практики – личностно ориентированному образованию (ЛОО). Раскрываются история и основные концепции ЛОО, даны экспериментально апробированные как в школьном, так и в вузовском образовании модели, требования к разработке дидактического обеспечения личностно ориентированного образовательного процесса.

Ключевые слова: личностно ориентированное образование, актуализация субъектного опыта личности, индивидуальная образовательная траектория, технологии личностно ориентированного образования в вузе, способы учебной работы, особенности дидактических материалов ЛОО

Современные экономические, политические, социокультурные процессы в обществе привели к необходимости создания и реализации новой педагогической парадигмы – гуманизации и гуманитаризации образования на всех уровнях его осуществления. Основным принципом этого образования является признание за человеком права на:

- уникальность (индивидуальность, неповторимость);
- внутреннюю свободу (личностный выбор);
- активность (самостоятельную, созидательную, творческую деятельность);
- духовность (уважение, понимание, осознанность личностного развития).

Реализация этих принципов предполагает коренные изменения в сфере образования – от его организации и управления до технологии осуществления. Об этом в настоящее время много говорят и пишут. Экспериментирование в сфере образования представлено достаточно широко. Кратко выделим основные направления разработки теоретических основ ЛОО (каждое из направлений фиксирует внимание на различных аспектах).

Культурологическая концепция ЛОО (Е. В. Бондаревская, С. В. Кульевич и др. [2]) основывается на идее воспитания человека культуры путем обращения к его внутреннему миру. Воспитательный процесс предстает не как набор ритуальных педагогических методов: убеждения, наставления, беседы и т. п., а как реализация системы принципов, обеспечивающих целостную социализацию личности через овладение культурой (познания, поведения), накопленной в истории человечества.

Аксиологическая концепция личностного воспитания (И. А. Колесникова, И. А. Зимняя, И. Б. Котова, А. В. Петровский, Е. Н. Шиянов и др. (см., например: [5], [6])), где в качестве основы разрабатывается аксиологический подход к изучению социальных явлений как базы для становления ЛОО. В центре этой

идеи находится ценностное мышление, обеспечивающее понимание ценности всего мира и каждого человека в нем.

Позиционно-дидактическая концепция ЛОО (В. В. Сериков, В. А. Петровский, Н. Н. Васильева и др. (см., например: [6], [8])), которая, опираясь на идеи Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, рассматривает сущность личности в способности занимать определенную позицию, выражющуюся в ее *отношении* к внешнему миру и самому себе. ЛОО создает условия для проявления личностных функций ученика: мотивации, выбора, смысла творчества и т. п. Главным условием реализации этих функций в обучении считается создание личностно значимой ситуации: учебной, познавательной, жизненной, в которой требуется искать смысл, построить образ и модель своей жизни, выбрать направление собственного развития (в том числе профессионального). Основное внимание в этой концепции уделено созданию личностно ориентированных ситуаций через триаду «задача – диалог – игра», которая создает ценностно-смысловое поле межсубъектного общения в образовательном процессе.

Личностно-деятельностная концепция (В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, В. В. Рубцов, Н. Г. Алексеев и др.), в которой основными условиями развития личности ученика являются:

- разработка содержания образования, способствующего становлению теоретического мышления с его основными атрибутами – целеполагание, планирование, рефлексия;
- построение учебной деятельности как «квазиследовательской» с ее необходимыми структурными компонентами (цели, мотивы, средства, продукты деятельности);
- организация учебной деятельности как коллективно распределенной, где происходит позиционное распределение «ролей» в зависи-

ности от индивидуальных особенностей, устремлений и направленности личности.

Все эти концепции фиксируют различные подходы к организации ЛОО, они могут служить теоретическим основанием для реализации различных его моделей (описание этих моделей см. [10], [11]). В настоящее время в практике образования используются разные модели: от обыденного понимания личностного подхода как этико-гуманистического принципа, предполагающего уважение прав и достоинств человека, до вариантов переориентации содержания и процессуальных характеристик образования на личность ученика.

В этом бурном потоке современных инноваций, захлестнувших образование, важно учитывать, что эффективная система образования должна отвечать двум основным критериям:

- соответствовать требованиям общества в конкретно-исторических условиях его развития;
- опираться на объективные законы познания, личностного развития человека, известные современной науке.

Учитывать одновременно оба эти критерия – задача довольно сложная. Она не решаема только в пределах науки или осознания практических задач, стоящих перед образованием. Здесь нужна особая интеграция науки и практики – *практико ориентированная наука*, которая является системной, целостной, лонгитюдной. Такая наука разрабатывается в специально создаваемых условиях – на экспериментальных площадках (федеральных, региональных), где накапливается и апробируется большой опыт подобной работы.

Начиная с 1992 года на базе школ Москвы, а также гимназии № 37 г. Петрозаводска (впоследствии к ним присоединились школа № 12 г. Вологды, школы Карачаевска, Среднеуральска и др.) нами успешно реализуется модель ЛОО. Опыт такой работы убеждает нас в том, что перестройка обучения на идеях ЛОО не может касаться только средней школы. Ее выпускник, прия в вуз, ожидает, что ему будут предоставлены те же психолого-педагогические условия становления и развития как личности, профессионала. Однако вузы еще мало перестроены в этом отношении.

Основные параметры нашей системы высшего (профессионального) образования определялись еще в прошлом веке на основе иного социально-экономического и политического уклада и перестали отвечать современным реалиям, тем более их предвосхищать. Образовательная система России по-прежнему во многом ориентирована на запоминание фактической информации и заучивание определенных приемов. Она слабо реагирует на потребность рынка труда (о чем свидетельствует разразившийся экономический кризис). Ограниченные ресурсы образования используются далеко не эффективно.

В этих условиях в настоящее время широко внедряется в образование *компетентностный* подход – усиление прикладного, практического

(pragmaticального) характера обучения. Теоретические знания должны перестать быть мертвым капиталом. Современное образование должно быть адекватно развитию экономики, науки, общественной жизни – таково требование, выдвигаемое вузам [7]. Реализация этого требования – задача непростая. Она предполагает построение разнообразной (многопрофильной) среды, позволяющей каждому студенту, независимо от его стартовых возможностей, развиваться как личности в своей индивидуальности, уникальной неповторимости. Такая среда позволяет определить индивидуальную *образовательную траекторию*; обеспечить условия ее выявления и поддержки средствами обучения. Но индивидуальная образовательная траектория не может быть «внешне задана» (не может быть разделена на бакалавра и магистра содержательностью программы обучения). Это, действительно, сложное личностное образование, которое в ходе обучения сначала должно быть выявлено и лишь затем – направленно использовано. Индивидуальная образовательная траектория – это персональный путь реализации личностного потенциала каждого человека, который зависит не только от обучения, но и от психофизиологических особенностей, жизненных ситуаций, в которых живет и воспитывается человек. На выявление всех этих зависимостей и должна быть направлена образовательная технология, используемая в вузе.

Термин «*образовательная технология*» в последнее время стал широко употребляться в специальной литературе. При его использовании нередко применяются теоретические основания, заимствованные из разных научных школ и направлений, что приводит к смешению (а нередко и эклектике) базовых понятий, их содержания. Любая образовательная технология должна строиться на определенном научно-теоретическом фундаменте с четким описанием понятийного аппарата, возможностью его использования для проектирования (выбора) педагогических действий.

Личностно ориентированная образовательная технология, которую мы разрабатываем, направлена на создание условий для проявления и обогащения *субъектного опыта* ученика, опыта его жизнедеятельности, где он раскрывается и развивается как субъект познания (учения), как индивидуальность [9], [10], [12], [13], [14].

Признание обучающегося центральной фигурой образования с целью создания психологопедагогических условий для его развития как личности составляет содержание и направленность этого образования. Функция такого образования – не только обучать, но и изучать личность, опираясь на выявление ее познавательных способностей, интересов; устремленности на различные виды деятельности; типы интеллекта (теоретический, эмпирический, практический). При этом в рамках одного факультета могут обучаться студенты, личностно очень разные, имеющие различную образовательную траекторию, требующие инди-

видуальных образовательных программ (при одинаковом содержании обучения). «Внешняя» дифференциация, традиционно используемая вузами, должна быть обязательно дополнена «внутренней»: на это и направлено ЛОО.

Наше время характеризуется психологизацией образования. Используются всевозможные анкеты, опросники, рейтинги и т. п. Они позволяют корректировать обучающие воздействия, делать их индивидуально значимыми. Однако это достаточно внешние приемы, они не затрагивают содержания образования, прямо не влияют на познавательный процесс. А именно этот процесс и есть суть образования.

Личностно ориентированный образовательный процесс обеспечивает познание мира через его субъектную составляющую, то есть через *личностное отношение* каждого, вовлеченного в процесс познания, который всегда индивидуален. Это зависит от генетических, психофизиологических, социокультурных особенностей познающего человека.

Любая образовательная технология по своим целям и задачам обеспечивает познание окружающего мира. В традиционном обучении познание осуществляется в специально организованных условиях через предметное содержание знаний, которое является своеобразной «проекцией» науки. Вместе с содержанием знаний (информацией) в любом учебном предмете даются сведения о научном методе познания, свойственном той или иной науке (сравните, например, биологию и лингвистику).

Все эти научные сведения обеспечивают приобщение человека к познавательной культуре, накопленной человечеством, в виде нормативных образцов. Эту функцию выполняет *обучение*.

Однако процесс познания каждого человека всегда индивидуален. Это зависит, как было сказано выше, от его генетических, психофизиологических, социокультурных особенностей. Учет этих особенностей осуществляется через личностно ориентированную образовательную технологию, в которой отсутствует изоморфизм между когнитивным миром и смысловым. В рамках этой технологии познание рассматривается в контексте психологических механизмов преобразования культуры в мир личности, через ее индивидуальную избирательность к внешним (обучающим) воздействиям. При этом не все, что задается обучением, является личностно значимым. С учетом достижений семиотики, герменевтики и других наук развивается *психодидактика* как основа моделирования образовательной среды (так называемая «смысловая дидактика»). Обучающие воздействия трансформируются через *учение* как индивидуальную деятельность познания. Обучение и учение могут при этом не совпадать.

Личностно ориентированная образовательная технология призвана главным образом обеспечить организацию процесса учения как инди-

видуального познания, что требует, несомненно, пересмотра содержания учебных курсов. При этом учение (в отличие от обучения) понимается не как процесс *отражения* объективного мира (непротиворечивого в его научном содержании), а как *построение* модели мира, включающее значимые для познающего личностные смыслы, накопленные в его субъектном опыте в ходе собственной жизнедеятельности.

Согласование двух основных источников познания – обучения и учения – главная задача личностно ориентированной технологии. Сущность ее состоит в создании педагогических условий для проявления и обогащения *субъектного опыта* человека, его «окультуривания» через обучение.

Таким образом, обучение и учение как два источника познания тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и не могут заменять один другого. Их динамические соотношения должны обеспечиваться образовательной технологией, делающей познание личностно значимым, эмоционально насыщенным, направленным на удовлетворение познавательных потребностей и интересов каждого человека независимо от его способностей, учебных достижений. Такая образовательная технологияозвучна так называемому компетентностному подходу, пришедшему к нам с Запада, в центре которого находится понятие «компетенция» как способность человека использовать в своих целях полученную информацию – она перестает быть просто академическим, «мертвым» грузом.

Каждый человек избирает в потоке информации то, что ему нужно для реализации своих потребностей (познавательных, жизненных). Следует различать два понятия: информация и знание. В наш век информационных технологий человек получает огромное количество информации в короткий срок. Но это обезличенная («ничья») информация. Знание всегда чье-то, оно «живое». Преобразование информации в знание – сложный процесс, при этом познающий выступает не просто как «приемник», а как источник собственного знания (запомненное не есть знаемое!).

Личностно ориентированная образовательная технология дает возможность так организовать учебный процесс, чтобы каждый обучающийся сам добывал знания, умел активно действовать на их основе. В этой связи вместо информирующего обучения дидактикой и методикой широко популяризируется «знаниевое» обучение, в основе которого лежит выявление и направленное развитие способов учебной работы. В их содержание включается субъектный опыт познания, который складывается нередко стихийно, неосознанно, под влиянием психофизиологических (генетических) особенностей.

Способы учебной работы как индивидуальные «инструменты» познания (в отличие от задаваемых обучением правил, приемов, алгорит-

мов) имеют сложную структуру. Они не изоморфны логическим операциям (приемам). В них входит потребность в их использовании, эмоциональный комфорт от их применения. Способ учебной работы включает в себя:

- отношение к объекту познания (зачем мне это нужно знать);
- операциональный состав действий (как мне организовать свою работу, какие действия осуществлять);
- эмоциональный настрой (удовлетворение от успеха, разочарование от неудачи, стремление разобраться в сложившейся учебной ситуации и т. п.).

Способ учебной работы – сложное образование, куда входят потребностно-мотивационная, операциональная, эмоциональная составляющие личности ученика. В процессе образования все эти составляющие должны быть учтены и задействованы. Изолированное обучающее воздействие на какой-либо один компонент без учета остальных является, как правило, малоэффективным.

При построении личностно ориентированной образовательной технологии нами широко используется единица анализа деятельности учения – способ учебной работы, который характеризует *процессуальную* сторону учения. Он интегрирует в себе логические и психологические аспекты, отражает личностную структуру учения, позволяет педагогу осуществлять целенаправленную диагностическую и коррекционную работу с каждым студентом, выявлять его индивидуальную образовательную траекторию.

Для проведения такой личностно ориентированной работы на занятиях педагог должен иметь специальный дидактический материал в виде вариативных учебных карточек-заданий, различающихся:

- уровнем сложности программного материала;
- характером используемых логических операций;
- требованием к активизации сенсорных каналов;
- креативностью предлагаемых заданий;
- сочетанием различных психических процессов (памяти, внимания, мышления, воображения и др.), требующихся для успешного выполнения учебного задания. (Образцы таких заданий разработаны и используются в ряде учебных предметов в гимназии № 37 г. Петрозаводска.)

Разработка этого материала составляет *психодидактическую основу* личностно ориентированной образовательной технологии. Применение такого материала позволяет обеспечить студенту *выбор* способов учебной работы, а педагогу выявить его индивидуальную образовательную траекторию и, опираясь на нее, поддержать успешную учебную мотивацию исходя из индивидуальных предпочтений и интересов каждого.

Использование подобного дидактического материала с неизбежностью предполагает:

- гибкое и вариативное построение аудиторных занятий;

- применение в ходе этих занятий индивидуальных учебных карточек, позволяющих выявлять избирательность ученика к типу, виду, форме учебного материала;
- организацию на занятиях рефлексии на способы учебной работы (их анализ, обсуждение, оценка и т. п.);
- оценку продуктов деятельности при составлении различных проектов (что не совпадает с системой учебных отметок);
- активное использование самооценки, обсуждение ее адекватности с опорой на коллективное мнение и др.;
- применение разных форм групповой (подгрупповой) работы, подчиненной определенной дидактической цели;
- предоставление каждому студенту самостоятельного выбора заданий с учетом требований предмета;
- организацию различных заданий, при которых предоставляется возможность выбора способа их выполнения, формы презентации.

Конечно, проведение такой работы предполагает новую роль педагога, центрацию его профессионального сознания на индивидуальные возможности каждого студента. Содержание учебной дисциплины, которую он преподает, в этой связи является не целью, а средством изучения личностных проявлений студента, которые обеспечивают познание, делают его подлинно научным, соответствующим логике и методологии познавательного процесса.

Образование не тождественно обучению. Его нельзя «получить», задать, обеспечить. Как бы хорошо ни было организовано обучение (на это сейчас тратится много сил и средств), оно еще не дает образования в подлинном смысле этого слова. Образованность человека – личностное свойство. Оно складывается из органического переплетения обучения (внешне заданного) и учения как индивидуальной деятельности, направленной на переработку задаваемого материала с учетом избирательности к этому материалу, личностному отношению к нему. Хорошо информированный человек еще не есть образованный (это подтверждается практикой вуза). Образованным человек становится только тогда, когда он принимает, накапливает знания, «присваивает» их, преобразует через свой субъектный опыт, наполняет собственным смыслом и значением, своим переживанием: иными словами, только через *отношение* к знаниям рождается подлинное знание, где когнитивные, эмоционально-потребностные (нравственные) аспекты представляют собой единое целое. Поэтому сейчас все активнее используются разнообразные формы занятий (семинары, коллоквиумы, диспуты, тренинги, мастер-классы, презентация проектов и т. п.). На этих занятиях раскрываются субъектные предпочтения каждого студента, педагогом намечается образовательная траектория его развития в ходе обучения. Задача педагога – максимально выявить, инициировать, использовать, «окультурить» субъектный опыт; помочь каждому по-

знать себя, самоопределиться, самореализоваться, а не формировать заранее заданные свойства. Ведь учение не есть прямая производная от обучения, а самостоятельный, индивидуальный, личностно значимый, а потому очень действенный источник развития. Поэтому «вектор» педагогического воздействия строится педагогом не от программного содержания учебного материала (хотя, конечно, с его учетом), а от знания индивидуальных особенностей его усвоения каждым студентом, который ценен воспроизведением не столько общественного, сколько индивидуального опыта познания.

Поскольку центром всей образовательной системы в данной технологии является индивидуальность человека, то ее методическую основу представляет дифференциация учебного процесса на всех стадиях его осуществления. Исходным пунктом любой предметной методики является разработка дидактического материала, позволяющего фиксировать избирательность познавательных предпочтений, устойчивость их проявлений, активность и самостоятельность в их осуществлении через способы учебной работы. (Критерии разработки такого дидактического материала описаны выше.)

В этом отношении предстоит еще большая работа в области методики преподавания всех вузовских дисциплин, которые по-прежнему несут главным образом информационную нагрузку. Дело педагога (а не автора учебника!) приспособить единицы программного содержания к индивидуальным возможностям каждого студента, предоставив ему возможность самостоятельно выбирать тип, вид и форму учебного задания, способ учебной работы с ним, устойчивость этой работы. Например, работая с материалом физики (химии, биологии), можно выделить физика-теоретика, «экспериментальщика», практика и дифференцировать работу, добиваясь через мотивацию успешной успеваемости.

Определим основные требования к разработке дидактического обеспечения личностно ориентированного процесса:

- предъявление учебного материала (с учетом его содержания) должно обеспечивать выявление субъектного опыта, включая предшествующее обучение;
- в ходе обучения необходимо постоянно согласовывать субъектный опыт познания (жизненные представления, интересы, устремления и т. п.) с научным содержанием задаваемых знаний;
- учебный материал должен быть организован таким образом, чтобы студент имел возможность выбора при выполнении заданий, решении задач;
- необходимо стимулировать студентов к самостоятельному выбору и использованию наиболее значимых для них способов проработки учебного материала;
- важно обеспечивать контроль и оценку не только результата, но главным образом процесса учения, то есть тех преобразований, которые осуществляют обучаемый, усваивая учебный материал;
- предъявляя программный материал, педагог должен выделять общелогические (инвариантные) и специфически предметные (вариативные) логические операции с учетом их функций в личностном развитии;
- образовательный материал при анализе его предметного содержания должен обеспечивать построение, рефлексию, реализацию, оценку процесса учения как субъектной деятельности.

Реализация этих требований сможет не только сделать образовательный процесс эффективным, но и на деле (а не на словах) превратить студента в подлинного субъекта обучения как индивидуальность, личность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Н. и др. Философия образования // Высшее образование в России. 1997. № 3. С. 88–95.
2. Бондаревская Е. В., Куль невич С. В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: Учеб. пособие для студентов педвузов и слушателей ИПК. М.; Ростов н/Д, 1999. 560 с.
3. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
4. Зинченко В. П. Образование. Мышление. Культура // Новое педагогическое мышление / Под ред. А. В. Петровского. М., 1989. С. 90–102.
5. Котова И. Б. Психология личности в России. Столетие развития. М.: РГПУ, 1994. 294 с.
6. Петровский В. А. Субъектность: новая парадигма в образовании // Наука и образование. 1996. № 3. С. 100–105.
7. Российское образование 2020 // Модель образования для экономики, основанной на знаниях. М.: ГУВШЭ, 2008.
8. Сериков В. В. Личностно ориентированное образование: к разработке дидактической концепции // Педагогика. 1994. № 5. С. 16–21.
9. Якиманская И. С. Знания и мышление школьника. М.: Педагогика, 1985. 187 с.
10. Якиманская И. С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. М., 1996. 96 с.
11. Якиманская И. С. Технология личностно ориентированного образования. М.: Сентябрь, 2000. 176 с.
12. Якиманская И. С. Предмет и методы современной педагогической психологии // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 3–14.
13. Якиманская И. С. Педагогическая психология (основные проблемы): Учеб. пособие. Москва; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008. 548 с.
14. Якиманская И. С. Разработка технологии личностно-ориентированного обучения // Справочные материалы по педагогической психологии / Авт.-сост. Б. Р. Мандель. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 348–363.

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
 kafrus@psu.karelia.ru

ОБОСОБЛЕННЫЕ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ОБОРОТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье анализируются состав, значения и экспрессивные функции обособленных предложно-падежных оборотов в стихотворных текстах эпохи Ломоносова, Карамзина и Пушкина.

Ключевые слова: обособленная конструкция, предложно-падежная синтагма, поэтический синтаксис

Процесс важных синтаксических изменений в системе падежных форм и отношений, усложнения, перераспределения и дифференциации семантики предлогов, количественного роста предложных показателей активизируется в XVII–XVIII веках. По замечанию В. В. Виноградова, «ускоренный рост отвлеченно-аналитических значений предлогов в русском литературном языке был поддержан и обострен влиянием западноевропейских языков, преимущественно языка французского. Ускорение этого процесса падает на вторую половину XVIII в.» [3; 569]. Качественное и количественное изменение предложной системы – характерный признак развития и углубления новых, аналитических элементов в грамматике русского языка новой и новейшей эпохи: «Падеж, генетически формируясь как категория морфологическая, – отмечает З. К. Тарланов, – в процессе исторического функционирования постепенно втягивается в сферу синтаксиса... На смену падежным формам приходят формы предложно-падежные... Путь этот, однако, не механический, но определяется все разрастающейся падежной семантикой, которая и дифференцируется, конкретизируется посредством предлогов» [14; 178–179].

По нашим наблюдениям, обособленные предложно-падежные конструкции, довольно скучно представленные в поэтических текстах 1740–60-х годов (у Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова), постепенно, но неуклонно расширяют свое функционирование в различных стихотворных жанрах начиная с 1780–90-х годов (в поэзии Державина, Крылова и Карамзина), и этот процесс активизации экспрессивно-стилистического использования предложных конструкций получает дальнейшее развитие в лирике эпохи романтизма (Батюшкова, Жуковского, Глинки, Вяземского, Языкова).

СТРУКТУРА И ДЛИНА ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ОБОРОТОВ

Используемые в качестве обособленных предложно-падежные конструкции в зависимо-

сти от своего состава делятся на две неравнозначные в количественном отношении группы:

1. Обороты с *первообразными* (непроизводными, элементарными) предлогами, не связанными мотивационными отношениями с какими-либо знаменательными частями речи: *в* (+ Пр. п.; + В. п.), *на* (+ Пр. п.; + В. п.), *с(o)* (+ Тв. п.; + Р. п.), *за* (+ Тв. п.; + В. п.), *для* (+ Р. п.), *при* (+ Пр. п.), *под(o)* (+ Тв. п.; + В. п.), *без(o)* (+ Р. п.), *по* (+ Д. п.), *к* (+ Д. п.), *ч(e)рез* (+ В. п.), *н(e)ред(o)* (+ Тв. п.), *от* (+ Р. п.), *над(o)* (+ Тв. п.), *у* (+ Р. п.), *до* (+ Р. п.), *меж(du)* (+ Тв. п.; + Р. п.), *ради* (+ Р. п.), *из-под* (+ Р. п.);
2. Обороты с *производными* (мотивированными другими частями речи) предлогами:
 - наречные: *в(o)круг* (+ Р. п.), *вдали* (+ Р. п.), *вблизи* (+ Р. п.), *впереди* (+ Р. п.), *внутри* (+ Р. п.), *вдоль* (+ Р. п.), *против* (+ Р. п.), *сквозь* (+ В. п.; + Р. п.), *наперекор* (+ Д. п.), *позади* (+ Р. п.), *после* (+ Р. п.), *посреди* (+ Р. п.); утратившие или утрачивающие адвербальную мотивированность: *окромя*, *кроме*, *отричь*, *в/наместо* (+ Р. п.), *вопреки* (+ Р. п.; + Д. п.), *среди* (+ Р. п.), *близ* (+ Р. п.), *впротив* (+ Д. п.), *сверх* (+ Р. п.); составные: *в(o)след* *за* (+ Тв. п.), *вдоль* *по* (+ Д. п.), *следом* *за* (+ Тв. п.), *наравне* *с* (+ Тв. п.), *сродно* *с* (+ Тв. п.);
 - отыменные: *в силу* (+ Р. п.), *в замену* (+ Р. п.);
 - простые и составные отглагольные: *благодаря* (+ В. п.; + Д. п.) *несмотря на* (+ В. п.).

Общее количество обособленных групп с производными предлогами не превышает 11 %, причем в поэтических текстах XVIII века эта частотность вдвое ниже и охватывает только наречные предлоги (у Ломоносова и Державина).

На протяжении XIX столетия процесс образования адвербальных показателей постепенно затухает, не возникают новые предлоги и на базе деепричастий. Интенсивно развивающимся остается в литературном языке только тип оты-

менных предлогов [4; 229]. Однако результаты наблюдений над стихотворными текстами 1810–40-х годов свидетельствуют об очень низкой активности субстантивных по происхождению предлогов, одна из причин которой кроется, очевидно, в стилистической окраске этих показателей, более характерных для деловых и научных источников, другая же, видимо, оказывается связанной с версификационными требованиями: предпочтитаются средства внутритекстовой когезии одно-, реже – двухсложные (также тенденция и в сфере союзных показателей), а значит, предлоги первообразные и простые наречные, в отличие от составных по преимуществу отыменных и отглагольных. Если ритмометрическая схема диктовала, напротив, необходимость увеличения слогов, использовались удлиненные варианты предлогов: безо, подо, надо, окроме, наместо, вослед, посреди и т. п.

В течение XIX столетия постепенно устраняются колебания в формах сочетаемости предлогов с косвенными падежами имен. Так, *вопреки* и *наперекор* все чаще предпочитают формы дательного падежа, а связи этих предлогов с генитивом начинают восприниматься как устаревающие. В анализируемых текстах на долю дательного падежа при *вопреки* приходится 5 примеров и лишь одна репрезентация с родительным падежом (у Вяземского), продиктованная, видимо, прежде всего выбором рифмы:

Не будем, вопреки природы
И гласу сердца вопреки,
Свои предупреждая годы,
Мы добиваться в старики! (В., 82)

Все обособленные группы с предлогом *наперекор*, обнаруженные в произведениях Дмитриева и Баратынского, включают формы дательного падежа:

Я буду все поэт, *тебе наперекор*! (Дм., 357)

Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Фета
Ни музам, ни себе. (Б., 87)

В первые десятилетия XIX века идут на убыль сочетания предлога *благодаря* с винительным падежом, синтагмы, омонимичные деепричастным, уступая место группам с дательным падежом, свидетельствующим об ослаблении связи показателя с производящим и грамматикализации предлога [1; 352]. В стихотворных текстах первой половины прошлого столетия эти варианты еще используются на равных:

Для дальних замыслов моих,
Благодаря богам, теперь имею средства...
(Бат., 176)

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, *благодаря* богам... (Д., 163)

Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе? (П., 283)

Не столько труд тяжел в Нерчинске рудокопу,
Как мне, поймавши мысль, подвесь ее под стопу
И рифму залучить к перу на острие.

В стихах моих не раз, *ее благодаря*,
Трус Марсом прослывет, Катоном – льстец
царя... (В., 96)

Благодаря богов, с тобой за этим вслед
Друг другу не были мы чужды двадцать лет.
(Б., 202)

Словосочетания с аккузативом, очевидно, могут использоваться и/или восприниматься в качестве каламбуров (игра значениями – прямым, глагольным и грамматикализованным, каузативным). Интересна интерпретация группы *благодаря* бога, широко распространенной в литературном языке XVIII–XIX веков, которую предлагает А. М. Финкель: «Во всех этих сочетаниях слово *благодаря* еще не является предлогом и сохраняет свое исходное лексическое значение. Правда, оно несколько начинает тускнеть в том смысле, что прямого изъявления благодарности по отношению к богу здесь может и не быть: по значению и употреблению оно приближается к современному (да и тогдашнему) *слава богу*. Иными словами, перед нами... вводное слово...» [15; 194].

В одном из стихотворений Н. Языкова встречается употребление предлога *сквозь* в сочетании не с винительным падежом, а с генитивом, воспринимающееся как поэтическая вольность:

С какою радостью она,
Сквозь потемневшего окна,
Глядит на снежную погоду! (Я., 121)

Новые тенденции в развитии предлогов, связанные со стилистической их переоценкой, отражает именной составной показатель *в силу*, вышедший за пределы узкой сферы деловой речи и вытеснивший из литературного обихода образования типа *силою, за силою*:

...в силу строгого с тобою договора,
Имел я благодать нерусского надзора. (Б., 202)

К концу XVIII века выходит из употребления, оставаясь приметой предшествующих эпох языкового развития или будучи оттеснены за пределы литературной сферы, целый ряд предлогов (*опричь, впротив, окроме* и др.):

Ничем ты вниз не преклонилась,
Опричь твоих безмерных сил. (Лом., 195)

Но чаю, что вы в оной час,
Впротив естественному чину,
Петрову зрели дочь едину... (Лом., 108)

И впрямь: огромность исполина
Кто облечет, *окроме сына*.
Его, и телом и душой? (Дер., 249)
...нет цветов, *окроме крину...* (Дм., 282)

Терпеньем, памятью, они богаты всем,
О кроме разума и вкуса... (Дм., 106)

В источниках первой половины XIX столетия встречаются предлоги, которые будут постепенно оттеснены синонимичными, вариантными (в замену – *взамен*, *вдали* – *вдали от*, *наместо* – *вместо*):

То молодой судья, *наместо чтенья прав*,
Кропающий экспромт, до полночи не спав...
(Дм., 102)

...одни воспоминания
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей... (Л., II, 65)

Вкушает сладкий сон, *в замену горьких слез!*
(Бат., 115)

Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар... (П., 78)

Если в общелитературном обиходе борьба древнерусского *меж* и старославянского *между* завершается в пользу последнего, то исконный вариант активно используется в качестве поэтизма для соблюдения ритмо-метрической схемы и некоторого стилистического «повышения» (ср.: *чрез*, *пред*, *вокруг*, *средь*):

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, *меж чужих гробов*,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов. (Я., 295)

Средняя длина предложно-падежного оборота составляет 2 слова: достаточно часто стержневой компонент обособленной синтагмы распространяется расширителями с атрибутивным или объектным значением. С течением времени количество двух- и трехсловных групп нарастает, увеличивается валентностный потенциал косвенно-падежных форм (максимальная их длина – 7 слов).

Единственная репрезентация подлежащего, входящего в структуру обособленной предложно-падежной группы и тем самым усиливающее ее предикативную самостоятельность, встречается в стихотворении И. Дмитриева начала XIX века:

Тогда возрадуюсь тебе, как Озириду!
Но чтобы, *истинным героям я в обиду*,
Их недостойное исчадие почтил!.. (Дм., 96)

Еще одно архаизированное постепенно в течение первых десятилетий прошлого столетия явление – соединение в рамках сочинительного ряда различных по своему морфологическому оформлению обособленных оборотов. Например:

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит... (П., 84)

Здоров, спокоен и на воле,
Попрыгав, пошипав муравки свежей в поле,
Приходит Кроличек домой... (Дм., 215)

В целом поэтическая речь эпохи реформ от Ломоносова до Пушкина демонстрирует в области предложного управления и структуры косвенно-падежных обособленных синтагм очень незначительное количество устаревающих, не отвечающих новым и будущим тенденциям в развитии общелитературного языка явлений.

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ОБОРОТОВ, ИХ ПОЗИЦИЯ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Разнообразна и широка до сих пор мало изученная и недостаточно глубоко разъясненная сфера синтаксических отношений, выражаемых предлогами в сочетании с управляемыми косвенно-падежными формами существительных и местоимений. Не одинакова по степени абстрактности/конкретности семантика самих предлогов, одни из которых уже утратили мотивационные связи с теми частями речи, от которых образовались, и оказались грамматикализованными, у других эти смысловые связи являются более живыми, тесными. Первообразные показатели, как правило, многозначны, производные же склонны к моносемии. В любом случае главную роль в конкретизации падежного значения играют грамматическое значение падежной формы, а также лексическое наполнение управляющего и управляемого слов. При этом и сам предлог, по замечанию В. В. Виноградова, «не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» [3; 555].

«Количество и семантический диапазон предлогов, закрепляющихся за тем или иным падежом, определяются, – указывает З. К. Тарланов, – его функциональными потенциями, сочетательными возможностями, степенью участия в развертывании высказывания, позицией в системе (периферийность/непериферийность). <...> С другой стороны, в употреблении или неупотреблении предлогов играло свою роль, по-видимому, и своеобразие общей семантики падежей. Не все они были одинаково открыты для свободного функционально-семантического расширения» [14; 179]. К таким функционально «сильным», с замкнутой, «закрытой», трудно

проницаемой семантической структурой падежам в русском языке относятся прежде всего дательный и предложный, что подтверждает и анализ обособленного функционирования существительных с предлогами: с предложным падежом сочетаются только 3 показателя (*при, на, в*), вторую позицию по частотности в употреблении вместе с предлогом занимают дательный, творительный и винительный (соответственно 7, 8 и 9 предлогов, участвующих в управлении данными формами), а наиболее «богатым» с точки зрения предложного окружения оказывается родительный, сопровождаемый как многими элементарными показателями, так и подавляющим большинством производных предлогов. Однако грамматическая семантика обособленного оборота детерминирует иную картину, выявляющую активность самих падежей в обособленном употреблении: с точки зрения этого критерия наиболее частотными оказываются предложный и творительный (поскольку большая часть семантических разрядов осложняющих предложно-падежных групп связана с выражением обстоятельственного значения), средняя активность свойственна родительному и винительному, а минимальная – дательному падежу.

Представленная в свернутом виде предикативно-пропозитивная семантика обособленного оборота задается благодаря различного типа обстоятельственным и атрибутивному значениям предложно-падежных синтагм. Такого рода отношения возникают между двумя ситуациями, выраженными предикатами «первого» (сказуемым) и «второго» (осложняющим компонентом) порядка [12; 130]. Предлоги, помимо выполнения определительной и обусловливающей функций, указывают на модальный план (реальный/ирреальный) «свернутой» пропозиции [7; 90 и след.]. При этом у предлогов, производных от глаголов и темпоральных по значению наречий, добавочная предикативность и пропозитивность особенно, диахронически, подчеркнута (см.: [16], [17]).

Представленные в древнерусских памятниках логически выделенные (обособленные) обстоятельства имели, как правило, локальное или темпоральное значение [13; 123]. Со временем спектр выражаемых предложно-падежными оборотами отношений существенно расширяется. Процесс этого семантического обогащения продолжается и в течение XVIII – первой половины XIX века.

1. Наиболее продуктивной среди предложно-падежных обособлений группой являются атрибутивные (с характеризующей лицо, предмет функцией), содействующие расширению и углублению признакового поля поэтического дискурса:

...и Нимфы гор при месячном сияньи,
Как тени легкие, в прозрачном одеяньи,
С Сильванами сойдут услышать голос мой.
(Бат., 104)

Я в сладкой неге чувств, с открытою душой,
Без страха, все забыв, стояла пред тобой...
(Ж., 45)

В выражении определительных отношений участвуют главным образом предлоги *в(o)* (+ Пр. п.) и *с(o)* (+ Тв. п.). Как указывает В. В. Виноградов, «в предлоге *с(co)* в сочетании с творительным падежом значение образа действия – или значение характеризующего определения... особенно широко развивается под влиянием западноевропейских языков (ср. немецкий предлог *mit*, французский *avec*)» [3; 570].

2. Не менее важную роль в организации поэтической «картины мира» играют обособленные предложно-падежные обороты со значением обстановки (экспозиции, состояния), передающие цвета, тени, звуки и запахи окружающей среды:

Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цевницы,
Сзывать пастушек в хоровод! (Бат., 154)

В деревне ты живешь, спокойный друг природы,

Среди кудрявых рощ, под сению свободы!
(В., 39)

При выражении этой функции синонимичными оказываются предлоги *в, среди, под, при, за, меж*.

3. Достаточно широко распространены в стихотворных текстах обособленные группы со значением места, направления и уточняющей пространственной семантикой и предлогами *в, на, у, близ, над, под, к:*

...орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну... (Дер., 111)

...и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий
гром:

«Здесь бога жил певец, Фелицы». (Дер., 279)

4. Отношения темпоральные и поясняющие временные предложно-падежными оборотами выражаются не столь часто, как локальные, и не столь тонко дифференцированы:

Российско солнце на восходе,
В сей общевожделенный день,
Прогнало в ревностном народе
И ночи и печали тень. (Лом., 133)

В выражении локальной и темпоральной семантики, в силу многозначности и широких синонимических связей первообразных предлогов,

наряду с показателями важную роль играет лексическая семантика сопровождаемых ими существительных.

5. Среди оборотов с отношениями обусловленности преобладают каузативные (1) и целевые (2):

(1) Но горе, горе тем, на коих Эвмениды,
За преступленья их отцов,
Наслали фурию стихов! (Ж., 235)

Ты право получил, *благодаря судьбе*,
Смеяться весело над злобою ревнивой...
(П., 266)

Все это, *смертным в удивленье*,
По свету возят напоказ... (Ж., 72)

Или, для *развлеченья*,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек... (П., 71)

6. В выражении логических отношений между частями текста участвуют также предложно-падежные обороты со значениями условия (1), уступки (2), результативно-следственным (3):

(1) То подлый стиховраль, в котором, *без рожденья*
Иль смерти богача, нет силы воображенья...
(Дм., 102)

(2) Как смел, Сибиряков, ты, *вопреки судьбе*,
Опутавшей тебя веригами насилия... (В., 98)

Машина хитрая; ума произведенья,
Но, *несмотря на то*, загадка для него!.. (К., 244)

На счастье русских стиходеев,
Не русским языком сей автор воспевал...
(Ж., 115)

Будешь иметь детей незаконных, не признанных ею,
Светом отверженных, жалких, *тебе самому в посрамленье*. (Ж., 292)

Результативно-следственное, финально-оценочное значение чаще всего выражается предлогами *в* и *на* в сочетании с формой винительного падежа отвлеченных существительных.

7. Качественное значение (образ действия – 1) тесно взаимодействует в поэтических текстах с комитативным (совместного действия – 2) и количественным (меры и степени – 3):

(1) И небо верной сей рабе,
Без раздробляющегозвуку,
Крепит благословенну руку. (Лом., 171)

Пусть грянет на меня, не медля,

Божий гнев, коль скоро уязвлю, *в словах или на лире*,

Хотя единожды честного мужа в мире!
(Дм., 109)

(2) И светская тогда жена
Могла без опасенья,
С *домашним другом* иль одна,
И на качелях быть в день светла воскресенья... (Дм., 176)

«Отношения сопровождения, – замечает В. В. Виноградов, – в русском литературном языке осложняются все более отвлеченными представлениями. На их основе развиваются значения внутреннего участия, органической связи, внутреннего обладания, средства, причинного соотношения, сопутствующего условия» [3; 562].

(3) И кто, бесчувственный, среди твоих красот
Не жаждал в их раю обрести навес иль грот,
Где б скрылся, *не на час*, как эти полубоги...
(Б., 204)

Ты силою кабриолета
Затеял; *в миг один*, весь план его взорвать!..
(Ж., 254)

8. Сопоставительно-выделительные (расширятельно-ограничительные [6], включения, исключения, замещения) отношения выражаются оборотами с предлогами *(о) кроме, в/наместо, опричь*:

Все, все берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего – *кроме рожденья!*..
(Л., I, 106)

9. Собственно пояснительное значение присуще небольшому числу предложно-падежных синтагм:

...весь народ,
От мала до велика,
Толпами привала на двор,
Кричит, составя хор... (Дм., 171)

Восстал, взорел – и вся Природа,
От звезд лазоревого свода
До недр земных, морских пучин,
Пред ним в изящности явилась... (К., 215)

Несмотря на то что предлоги способствуют уточнению падежной семантики, семантика предложно-падежных оборотов нередко оказывается синкетической, недифференцированной, осложненной в результате совмещения нескольких оттенков. Эта нечеткость, диффузность обусловлена, очевидно, не только спецификой «переусложненного» смысловыми и структурными взаимосвязями поэтического дискурса (в рам-

ках «тесноты стихового ряда», по Ю. Тынянову), но и самой историей формирования логических отношений того или иного типа. Так, «на основе переосмыслиния пространственных отношений складываются разнообразные обозначения внутренних отношений пребывания в каком-нибудь состоянии, в каких-нибудь условиях... внутренней близости и внутренней связи предметов и признаков, предлогов качества, цели, причины и т. п. <...> Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе. <...> Часть простых непроизводных предлогов... совмещает причинные значения с пространственными и временными. Таков и был один путь развития понятия причинной связи. Другая часть предлогов, выражающих причинные отношения, совмещает причинные значения со значениями цели, назначения...» [3; 562–564].

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ОБОРОТОВ

«Косвенный падеж существительного, – отмечает Э. И. Коротаева, – по сравнению с деепричастием, причастием и прилагательным обособляется сравнительно редко» [9; 121]. Подобное выделение предложно-падежной формы факультативно с точки зрения структуры предложения, не требующей интонационного отчленения слабоуправляемого компонента, но выполняет важную коммуникативную функцию, акцентируя какую-либо часть высказывания, сосредоточивая на ней большее внимание адресата. «Обособление этого рода иногда называют “авторским”, то есть субъективным. Действительно, оно как будто не имеет объективных причин. <...> Говорящий здесь в значительной степени свободен, он может быть склонен или не склонен к такого рода обособлениям», – пишет А. Ф. Прияткина [12; 153–154]. Обособление в этом случае детерминируется прежде всего авторской интенцией, желанием подчеркнуть, усилить какой-либо фрагмент текстового пространства, оказать читателю помощь в дешифровке высказывания.

Максимально активными в рамках стихотворных жанров оказываются обособленные предложно-падежные синтагмы с атрибутивной функцией, участвующие в описании героев (лических субъекта и адресата, но чаще – третьего лица или предмета):

Она, с болезненным румянцем на щеках,
Она, которой нет, мелькнула предо мною.
(Б., 168)

Старик, развеселясь,
За дедовскую кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью... (П., 72)

Наиболее частый случай – создание ситуации наблюдения, описание внешности, введение портретных характеристик персонажа, но нередко предложно-падежные обороты помогают передать внутреннее состояние, чувства и мысли субъекта, максимально обобщенно или в конкретный момент времени:

...весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой... (К., 58)

Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой... (П., 116)

Другая важная функция предложно-падежных групп – создание эффекта присутствия субъекта и адресата во внешнем пространстве, описание его примет (краски, запахи, звуки мира):

Вдали, в мерцании багряном,
Он зрит... но мы еще не зрим. (К., 140)

Среди гробов, опустошенья,
Безмолвия, оцепененья –
С кровавым, дерзостным челом
Насилие торжествовало... (К., 302–303)

Обороты с пространственной и временной семантикой участвуют в создании хронотопа стихотворного произведения. Указание пространственных примет, как и описание состояния героя, образа окружающего мира, часто оказываются знаками, характерными для жанра, школы, направления. Так, с помощью обособленных предложно-падежных групп развивается традиционная для элегий и посланий эпохи сентиментализма и романтизма тема – «похвала отъединенной от мира... созерцательной жизни... <...> Образ скромного философа, вдали от мира, в бедной хижине наслаждающегося поэзией, дружбой и любовью, был общим местом элегии и послания» [11; 88]. Введение реалий обстановки, примет условной поэтической ситуации (каких-либо конкретных деталей экспозиции), описание характерного для элегии и послания топоса предопределяют преобладание оборотов с экспозиционным и локальным значениями над темпоральными (обобщенность лирического события ослабляет необходимость точного указания его времени; образ времени может создаваться пейзажными – прежде всего пространственными – зарисовками, поэтому сема *там, здесь* (где?) оказывается более релевантной для лирики, чем *тогда, сейчас* (когда?); где живописнее, образнее, чем когда):

...ан, при луне, вдоль рощи осребренной,
Идет задумчивый... (Ж., 82)

Я часто сам, мой друг, в волшебном сне
Скитаюсь в сей прелестной стороне,
Под тенью мирт, склонившихся на воды...

Если в оде предметность носила во многом формульный и условно-иносказательный характер, сентименталистское и романтическое послание оказывается более насыщенным бытовыми деталями, конкретными предметами «(особенно в лирике Пушкина, уже устремившегося по дороге к реализму изображения), правда, еще в виде устойчивого и не слишком широкого круга “сигналов” “сладостного единения”» [2; 40]:

*Спокойный домосед, в моей безвестной хате,
Укрывшись от толпы взыскательных судей,
В кругу друзей, в кругу семьи своей,
Я буду издали глядеть на бури света.* (Б., 76)

*Далеко от людей, в лесу, в уединеньи,
Построю домик для тебя,
Для нас двоих, над тихою рекою
Забвения всего, но только не любви...* (К., 210)

Локативные предложно-падежные обороты могут быть связаны также с эсхатологической проблематикой, насыщая текст богатым мифо-поэтическим аллюзийным ореолом:

*В садах Элизия, у вод счастливой Леты,
Где благоденствуют отжившие поэты,
О Душенькин поэт, прими мои стихи!* (Б., 117)

*Твой легкий шорох в чуткой сени,
Когда еще я не пил слез
Из чаши бытия, –
Зачем тогда, в венке из роз,
К теням не отбыл я!* (Д., 104)

*Там, быть может, в горном клире,
Звучен будет голос твой!* (Б., 198)

Темпоральные по значению предложно-падежные обороты чаще всего определяют временные рамки, связанные с биографией субъекта, событиями личной жизни:

*И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минуты радости вкусила...* (Бат., 112)

*Пиит, от юности до сребряных власов,
Лелеет в памяти страну своих отцов.* (Бат., 187)

Интересно уходящее своими корнями в мифоэтическую картину мира тесное переплетение пространственных и временных представлений, выражаемых предложно-падежными оборотами (ср.: *дорога жизни, жизненный путь* и т. д. – о времени и о пространстве):

*Рука с рукой, Веселье, Горе
Пошли дорогой бытия...
Недолго розно побродили,
Чрез день сошлись – в конце пути!* (Б., 127)

И номинация, и уточнение времени/места события оказываются условными, обобщенными и только благодаря вызываемым у читателя ассоциациям создают образ пространства/времени, или, точнее говоря, «образ восприятия» [8; 25] мира, применяются, как и дейктические элементы типа *здесь и сейчас*, «к неопределенно длящемуся времени и к неопределенно ощущаемому пространству» [8; 27]. В местоименных же наречиях, уточняемых оборотами, «приглушается значение “внутреннего жеста” и появляется значение имени, условно называющего некоторое известное автору, но неизвестное читателю» [8; 38] место или время лирического события, так что создается только иллюзия их непосредственного наблюдения, восприятия в момент поэтической коммуникации:

*Поверишь ли? Я здесь, на пепле храмин сух,
Венок веселия слагаю...* (Бат., 196)

*Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?* (Бат., 107)

*В вечернее время, в час первого сна,
Как блещет туман средь долин,
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.* (Л., 1, 156)

*В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран...* (П., 376)

Наряду с местоимениями и местоименными наречиями предлоги составляют сопутствующее лирической коммуникации и описываемой в стихотворении ситуации внешнего мира дейктическое пространство, «элементы которого в каждом конкретном случае заполняют pragматические перемены “я – здесь – сейчас”» [18; 39], помогая автору фокусировать внимание читателя на каких-либо элементах события, регулируя угол зрения и меру условности, обобщенности изображаемого.

Как и другие типы обособленных групп, предложно-падежные синтагмы содействуют обогащению художественного текста различного типа тропами (1), чаще всего метафорой, а также часто создают фигуру повтора (2), параллелизма, в результате которого предложение обогащается одновременно несколькими (однотипными или разнотипными по значению) оборотами:

(1) Едва и сам я в летах нежных,
Во цвете радостной весны,
Не кончил дней в водах мятежных
Твоей, о Волга! глубины. (К., 120)

Рви их, любимец богов, и сплетай из них
русским каменам

Неувядаемые, в Хроновом царстве, венки.
(Д., 137)

(2) Там он, под сенью древ душистых,
Там он, под шумом вод сребристых,
С любезною своей в восторге дни ведет...
(К., 173)

И вздохи страстные, и силы милых слов
Меня из области печали –
От Орковых полей, от Леты берегов –
Для сладострастия призвали. (Баг., 79)

Обладая широкой сферой жанрово-стилистического функционирования, предложно-падежные обороты между тем используются и в целях стилизации (фольклорной, деловой):

И молодость мою поканчивал гульливо
Я в белокаменной Москве,
У Красных у ворот, в республике, привольной
Науке, сердцу и уму... (Я., 372)

Молодцов любезных шайка
Станет в круг, середь двора... (Я., 254)

...«Их законом, –
Он утверждал, – введен в владение наш род
Бессспорно этим домом,
Который Кроликом Софоном
Отказан, спрятан был за сына своего
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, *в силу права*¹,
Тож сыну, именно мне, Кролику Петру...
(Дм., 216)

В расположении предложно-падежных групп внутри строки и строфы прослеживается отчетливая тенденция к локализации в конце стиха или к совпадению границ оборота со стихом.

Предложно-падежные синтагмы осложняют заглавные синтаксемы: «Первые трофеи Иоанна III, *чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии*», «Надпись на илмоминацию перед летним домом императрицы Елизаветы Петровны, *в день тезоименитства ее, 1747 году*», «Надпись на день рождения ее величества, где оное восходящей заре уподобляется, *во время торжественного въезду Петра Великого от Полтавы*» и «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, в 1761 году» М. Ломоносова, «На гробы рода Державиных в Казанской губернии и уезде, *в селе Егорьеве*» Г. Державина, «Луизе в день ее рождения 13 января, *при вручении ей подарка*» и «Хор и куплеты, петые в Марьинской роще друзьями почтенного хозяина, *в день именин его*» Н. Карамзина, «На спуск Стефанием трех шатров, *в присутствии трех*

знатных особ» и «Стихи графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы» И. Дмитриева, «Тургеневу, в ответ на его письмо», «К Тургеневу, в ответ на стихи, присланые им вместо письма» и «Д. В. Давыдову, при посылке издания “Для немногих”» В. Жуковского, «Княгине З. А. Волконской, при посылке ей поэмы “Цыганы”» и «В. С. Филимонову, при получении поэмы его “Дурацкий колпак”» А. Пушкина, «Послание к Жуковскому из Москвы, в конце 1812 года» П. Вяземского, «Языкову А. М., при посвящении ему тетради стихов моих» и «Баян к русскому воину при Дмитрии Донском, прежде знаменитого сражения при Непрядве» Н. Языкова. Предложно-падежные группы в позиции заглавия уточняют либо время художественного события или создания стихотворения, либо повод, обстоятельства, связанные с написанием произведения.

Активность тех или иных семантических разрядов предложно-падежных оборотов характеризует «нормы» и общеполитические для данной эпохи, и индивидуально-авторские. Так, для поэтов сентименталистского и романтического направлений в целом преобладающим оказывается атрибутивный тип оборотов. Для поэтов, в лирике которых важное место принадлежит пейзажу, стихии изображения, характерны обороты со значением экспозиции, состояния окружающего мира, как и синтагмы с пространственной семантикой (Державин, Карамзин, Жуковский, Пушкин). Обороты со значением обусловленности, передающие логические связи внутри текста, более характерны для Ломоносова, Дмитриева, Вяземского и Баратынского. В поэзии Батюшкова, Баратынского и Языкова часто используются обособленные группы со значением места и уточняюще-пространственным. Темпоральные синтагмы наиболее активны в лирике Вяземского и Языкова.

Итак, обособленные предложно-падежные обороты, позволяющие художникам слова передать тонкие оттенки смысла, подчеркнуть важные детали, сообщить дополнительные сведения, характеристики, углубляющие содержание высказывания и всего текста в целом, являются одним из основных средств формирования пространственно-временного континуума в лирическом дискурсе. Вкрапление в художественную ткань синтагм со значением уточнения, пояснения связано с учетом, прогнозированием читательской реакции в процессе дешифровки поэтического высказывания. Обособление, часто факультативное, предложно-падежных форм увеличивает, актуализирует их смысловую и экспрессивную нагрузку.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Предлог в этом обороте сохраняет черты узкоспециального употребления в деловых документах (значение «на основании» было преобладающим в языке XVIII века, тогда как во второй половине XIX столетия предлог *в силу* приобрел отчетливое собственно причинное значение) [15, 149–153].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

- Б. – Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. 462 с.
 Бат. – Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 354 с.
 В. – Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1982. 462 с.
 Д. – Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. 369 с.
 Дер. – Державин Г. Р. Сочинения. М.: Правда, 1985. 575 с.
 Дм. – Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 502 с.
 Ж. – Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.; Л.: Худ. лит., 1959. 480 с.
 К. – Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 424 с.
 Л. – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1989. 687 с.
 Л. – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Т. 2. Л.: Сов. писатель, 1989. 686 с.
 П. – Пушкин А. С. Соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1985. 735 с.
 Я. – Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. 706 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: фонетика, морфология, ударение, синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
2. Валимова Г. В. Деепричастные конструкции в современном русском языке // Ученые записки Ростовского н/Д гос. пед. ин-та. 1940. Т. 2. С. 77–103.
3. Виноградов В. В. Пушкин и русский литературный язык XIX века // Пушкин – родоначальник новой русской литературы / АН СССР. М.; Л., 1941. С. 543–605.
4. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 320 с.
5. Ильинская Н. И. Наблюдения над позицией несогласованных обособленных определений // Труды молодых ученых: материалы междувуз. конф. / Саратовский гос. ун-т. Саратов, 1964. С. 165–173.
6. Камынина А. А. О двух функциях аппозиции в простом предложении современного русского языка // Вопросы русского языкоznания: сб. ст. / МГУ. М., 1980. Вып. 9. С. 13–30.
7. Камынина А. А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М.: Изд-во МГУ, 1983. 102 с.
8. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
9. Коротаева Э. И. Обособление члена предложения, выраженного косвенным падежом существительного // Ученые записки ЛГУ. 1959. Т. 277. С. 60–69.
10. Максимов Л. Ю. Обособление присубстантивных косвенных падежей существительных // Русский язык в школе. 1962. № 5. С. 23–29.
11. Мальчукова Т. Г. Жанр послания в лирике Пушкина. Петропавловск: РИО ПетрГУ, 1987. 92 с.
12. Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
13. Степенко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1977. 352 с.
14. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. Петропавловск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 207 с.
15. Финкель А. М. Производные причинные предлоги в современном русском литературном языке. Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1962. 238 с.
16. Фурштадт В. И., Чернышева М. М. Субъективная модальность и обособление // Русский язык в школе. 1983. № 1. С. 68–75.
17. Фурштадт В. И. К проблеме происхождения дополнений // Русский язык в школе. 1985. № 1. С. 81–86.
18. Шмелева Т. В. О соотношении имени и дейкса // Русский язык конца XX века: Тез. докл. Воронеж, 1998. С. 39–40.

ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА АБРАМОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов юридического факультета, Петрозаводский государственный университет

bram@onego.ru

ЯЗЫКОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

В статье рассматриваются особенности языковой социализации билингвов в условиях аудиторного обучения. Представлен обзор литературы по данной проблематике. Приводятся результаты слухового анализа реализаций английских согласных русскоязычными студентами и их преподавателями. Исследуются особенности влияния произношения преподавателя – носителя языка и группового речевого кода на произношение билингвов.

Ключевые слова: языковая социализация, искусственный билингвизм, преподаватель – носитель языка, малая социальная группа

В современном языкоznании разработана социолингвистическая модель функционирования родного языка и речи, включающая в себя структуру взаимообусловленных и взаимозависимых составляющих, связанных как с физиологическими и нейропсихическими особенностями индивида, так и со спецификой формирования индивидуального речевого кода под влиянием социальных и экономических факторов [5; 52]. Подобная комплексная модель учитывает экстраполингвистические и лингвистические аспекты речевой деятельности индивида и отражает функционирование речи в естественных условиях овладения и использования языка.

В то же время концепция функционирования иностранного языка, усвоенного в искусственных условиях, разработана незначительно. В большей мере изучены лингвистические факторы, прежде всего интерференция со стороны родного языка. Однако, помимо интерференции контактирующих систем, заметное влияние на функционирование неродного языка вне естественной языковой среды, в том числе на степень выраженности фонетического акцента, оказывает ряд других сложных по воздействию факторов. Подобные факторы, в частности специфика влияния социолингвистических и психолингвистических переменных на формирование индивидуального и группового речевых кодов в условиях неконтактного (аудиторного) билингвизма, требуют серьезного исследования.

В данной статье делается попытка проанализировать явление языковой социализации билингвов на примере формирования и реализации фонетической вариативности при обучении иностранному языку в учебной аудитории. Очевидно, что человек усваивает родной язык, общаясь с людьми в определенной социальной среде. При этом социализация происходит в процессе овладения индивидом определенной системой знаний, социальных норм и ценностей и включает в себя

как социально-контролируемые процессы целенаправленного воздействия на личность, так и стихийные процессы, влияющие на ее формирование [1; 221]. Согласно В. П. Тимофееву, языковая социализация человека осуществляется в течение всей его жизни. Социальная среда в пространственной и временной ограниченности жизни отдельной личности охватывает только часть из возможных общественных отношений. В каждый конкретный жизненный период индивид является членом нескольких языковых коллективов, имеющих специфические социальные признаки и разную продолжительность существования (например, семья, школьный и студенческий коллективы, производственные коллективы) [7].

Языковой или речевой коллектив неслучайно рассматривается в качестве исходного понятия социолингвистического анализа и определяется на основе не только социальных, но и языковых признаков (наличие социального взаимодействия и единство языковых признаков) [9; 481–482]. По мнению У. Лабова, в пределах одного речевого коллектива общественное отношение к языку в высшей степени однородно, поэтому целесообразно определять речевой коллектив (или речевую общность) как группу говорящих, объединяющую одинаковыми социальными установками по отношению к языку [10]. Понятие языкового, или речевого, коллектива, по мнению А. Д. Швейцера, должно быть в достаточной мере универсальным и всеобъемлющим, охватывающим большие и малые социальные общности [8; 74–75].

Следует учитывать, что язык представляет собой высокоструктурированную абстрактную систему, общую для всех членов речевого коллектива, но проявляющуюся лишь в виде индивидуального поведения. Социолингвисты отмечают, что в процессе языковой социализации личности важную роль играют так называемые языковые авторитеты, то есть лица, наиболее

полно выражающие социальную, профессиональную, культурную и языковую сущность данного коллектива. Авторитет может быть осознанным или неосознанным, но он всегда конкретен, у него заимствуются особенности произношения отдельных звуков, интонация, манера разговора [7]. Следовательно, языковая социализация личности напрямую связана с окружающей социальной и языковой средой, реальным воплощением которой являются те или иные языковые авторитеты.

Далее имеет смысл кратко охарактеризовать основные особенности усвоения и использования иностранного языка в специфических условиях искусственного билингвизма, которые традиционно практикуются в большинстве вузов Российской Федерации.

- При изучении неродного языка в аудиторных условиях доминирующую роль играет родной язык говорящего, второй язык возникает как продукт изучения через посредство родного, что приводит к явлению интерференции.
- Подавляющее большинство российских студентов не имеют прямых контактов с носителями изучаемого иностранного языка в течение всего срока обучения в вузе, получая сведения о неродном языке и иноязычной культуре от преподавателя иностранного языка.
- Если изучение неродного языка в естественных условиях является средством достижения цели, а именно обмена информацией в процессе практической деятельности, то при искусственном билингвизме целью выступает изучение языка как такового, а обмен информацией и совместная деятельность с носителями языка для многих студентов являются гипотетической перспективой.
- Иностранный язык, изучаемый вдали от основной массы его носителей, имеет ограниченный набор социальных функций, в основном сводимых к употреблению языка в рамках учебного процесса в форме монологической и диалогической речи по ограниченному набору тем.

Специалисты установили, что результативность усвоения неродного языка в учебной аудитории зависит от внешних и внутренних условий. Внешние условия определяются численным составом учебной группы, техническим оснащением класса. К внутренним условиям относятся индивидуальные свойства учащихся (память, способность к имитации, фонематический слух), субъектные свойства (умение работать), личностные свойства (личный опыт, интересы, статус личности в коллективе) [4; 27–28]. В данной работе ко внешним условиям мы, помимо вышеуказанных, относим: 1) характер влияния речи преподавателя на произношение студентов, возникающее в результате личностно, предметно и социально ориентированного общения; 2) свойства учебной группы как устойчивого самостоятельного социального объединения людей, связанных

общей целью деятельности и взаимными контактами.

Интерес к преподавателю иностранного языка как возможному языковому авторитету вызван рядом причин. Прежде всего, в учебных условиях преподаватель иностранного языка выступает посредником между носителями языка и студентами. Он не только презентирует перед учащимися идеального билингва, но является также носителем сознательного начала, позволяющего контролировать процесс усвоения второго языка [3; 43]. Необходимо принять во внимание, что сам преподаватель испытывает интерферирующее воздействие родного языка и по объективным причинам не может в полной мере знать все границы фонетического варьирования, допустимые в изучаемом языке в данный период времени.

В этой связи важно критически подойти к анализу особенностей оценки речевой деятельности билингва в искусственных условиях обучения. При естественном билингвизме имеет место определенная терпимость к ошибкам в речи, особенно если они не нарушают коммуникацию. В аудиторных условиях обучения основное внимание направлено на достижение правильности речи на иностранном языке. А. Е. Карлинский метко замечает, что борьба с ошибками при искусственном билингвизме поглощает большое количество времени и нервной энергии как студентов, так и преподавателей. Критерием оценки в этом случае является не коммуникативная ценность речи, а степень соответствия нормам данного языка [3; 43–44]. Психологическая неуверенность в использовании иностранного языка зачастую проявляется в гиперкоррекции, то есть в стремлении максимально точно следовать нормам данного языка, избегая всяческих инноваций.

Еще одной отличительной особенностью процесса обучения иностранному языку в российских высших учебных заведениях является то, что в аудитории устная коммуникация на иностранном языке имеет ограничения не только по плотности общения, тематике, коммуникативной ситуации, но и по составу участников. Как правило, учебный процесс осуществляется в закрытых, малочисленных по своему составу (до 10–12 человек) академических группах, и в процессе обучения отсутствуют контакты не только с носителями языка, но и с членами других учебных групп, что вызвано спецификой традиционной организации учебного процесса. Студенты данной академической группы и преподаватель выполняют роли «говорящий – слушающий». В связи с этим основная задача коммуникации (донести информацию в понятной для партнеров по общению форме) заметно упрощается, ведь вероятность быть непонятым членами своей учебной группы и преподавателем минимальна. Представляется логичным предположить, что в таких изолированных коммуникативных условиях в произношении членов от-

дельных учебных групп могут появиться специфичные фонетические особенности, распространенные только в этих группах.

Подобные группы в социологии и социолингвистике принято относить к малым социальным группам закрытого типа. Под малой социальной группой А. В. Занадворова понимает малочисленную социальную группу, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений в группе (симпатии, неприязни и безразличия), так и особых групповых ценностей и норм поведения [2; 367]. Принципиально важным является утверждение специалистов, что группа не является «простой суммой вошедших в нее людей, а представляет собой самостоятельное целостное явление со своими собственными характеристиками, не сводимыми к индивидуальным характеристикам ее членов, закономерностям жизнедеятельности» [6; 180]. К таким общим характеристикам отдельной социальной группы зарубежные и отечественные социолингвисты относят особенности произношения членов данной социальной группы.

Далее представлены результаты, полученные в ходе серии опытов экспериментально-фонетического исследования, проведенного на кафедре иностранных языков гуманитарных факультетов (ИЯГФ) Петрозаводского государственного университета. Цель эксперимента – изучить особенности влияния произношения преподавателя – носителя языка на произношение его студентов при усвоении иноязычной фонетики в аудиторных условиях и характер проявления фонетического акцента в малых социальных группах закрытого типа, к которым относятся учебные группы. Исследование основывается на учете не только реализаций, соответствующих орфоэпическому стандарту, но и ошибочных реализаций согласных с применением метода анализа ошибок.

Преподавание фонетики английского языка на кафедре ИЯГФ осуществляется в двух основных режимах. 1) В группах общего профиля, условно обозначенных латинскими буквами А, В, С, фонетика преподается в рамках общеобразовательной дисциплины «английский язык» в русле концепции «аппроксимации». 2) В группах Д и Е, занимающихся по программе дополнительной квалификации «переводчик в сфере профессиональной коммуникации», преподается отдельная дисциплина «практическая фонетика», в рамках которой изучается аллофонное варьирование английских фонем.

Материалом исследования стали записи чтения специально подобранных изолированных слов и текста 40 информантами (35 студентов и 5 преподавателей) из 5 академических групп гуманитарных специальностей. Экспериментальный материал включил в себя английские фонемы во всех фонетических позициях и сочетаниях. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все данные, поэтому ограничимся анализом реализаций только

смычных взрывных согласных, где были получены весьма показательные результаты.

Как ожидалось, реализации смычных согласных, соответствующие современной орфоэпической норме британского варианта английского языка, наблюдаются в большей мере в речи дикторов из специализированных групп Д и Е. Так, аспирация при произношении английских смычных взрывных [p], [t], [k] в начальной и интервокальной позициях зафиксирована в группе Д в 74,1 % от общего числа реализаций, в группе Е – в 86,3 %, причем у преподавателей групп Д и Е этот показатель составил 83,7 и 91,4 % соответственно. Студенты общеобразовательных групп реализуют аспирацию в значительной мере реже: в группе А – в 36,3 % случаев (показатель преподавателя группы А составил 75,6 %), в группе С – в 16,4 % случаев (показатель преподавателя группы С – 80,6 %). Результаты по реализации аспирации смычных глухих в группе В являются минимальными не только среди студентов – 8,2 %, но и у преподавателя – 27,2 % от общего числа возможных реализаций. Студенты специализированных групп демонстрируют высокие количественные показатели и по реализациям английских апикально-альвеолярных [t], [d]. Студенты группы Д произносят эти согласные в 96,9 % от общего числа реализаций, студенты группы Е – в 99,3 %, оба преподавателя групп Д и Е реализуют апикально-альвеолярные согласные в соответствии с нормой. Если показатели по группе А в целом мало отличаются от вышеуказанных (средний показатель студентов составил 80,5 %, преподавателя – 99,4 %), то студенты групп В и С чаще заменяют английские согласные на русские дорсальные переднеязычные. В группе В доля реализаций апикально-альвеолярных согласных составила 62,6 % (показатель преподавателя – 81,6 %), в группе С – только 26,9 % (показатель преподавателя – 98,7 %). В целом для студентов группы С характерно максимальное по сравнению с остальными информантами количество ошибочных реализаций смычных согласных, а также отсутствие заметной корреляции особенностей их произношения с произношением преподавателя.

К разряду прогнозируемых ошибок, вызванных интерферирующими влиянием родного языка, относятся следующие типы реализаций: 1) сильное смягчение согласных перед гласными переднего ряда; 2) оглушение /d/, /b/, /g/ в конечной позиции; 3) чрезмерная аспирация конечных [p^h], [t^h], [k^h]; 4) замена английских (слабо)звонких /b/, /g/ на русские (полно)звонкие фонемы. Степень распространенности таких ошибок в речи студентов всех академических групп в определенной мере соотносится с количеством этих ошибок в речи преподавателей. Например, преподаватель группы А практически не смягчает английские согласные (зафиксировано только 1,6 % случаев чрезмерно сильной палатализации), преподаватель группы В чрезмерно смягчает согласные в 23,9 % случаев;

показатели студентов группы А составили 24,1 %, студентов группы В – 49,4 %. В группе С студенты реализуют сильную палатализацию значительно чаще (56,8 %), чем преподаватель (2,4 %).

К частотным ошибкам, вызванным некорректным обучением, были отнесены такие реализации, как озвончение /d/, /b/, /g/ в конечной позиции и чрезмерная аффрикатизация английских переднеязычных смычных взрывных [t^ʃ], [d^ʒ]. Указанные типы ошибок распространены прежде всего в группах общего профиля, причем средние показатели количества ошибок в речи студентов групп специфическим образом коррелируют с числом подобных ошибок в произношении преподавателей. Так, озвончение конечных согласных зафиксировано в произношении студентов группы А в 25,3 % случаев, студентов группы В – в 21,5 %, у преподавателей данных групп показатели составили 51,5 и 42 % соответственно, что количественно превышает показатели студентов. Это вызвано стремлением преподавателей предотвратить нарушения по признаку звонкости–глухости и провоцирует слишком звонкое произношение конечных (слабо)звонких согласных. Данная ошибка преподавателей вызывает соответствующие нарушения у студентов. Этот тип неточных реализаций можно отнести к последствиям методических ошибок, так как для русского языка нехарактерно звонкое произношение конечных согласных.

В то же время преподаватели специализированных групп не озвончают согласные /d/, /b/, /g/ в конечной позиции. Такая ошибка практически не встречается в речи студентов. Как специфичные акцентные особенности, характерные только для студентов и преподавателей групп Д и Е, следует отметить замену глухих смычных взрывных /p/, /k/ в позиции абсолютного конца на гортанную смычку [ʔ], что в большей степени характерно для группы Д (студенты имеют показатель 66,4 %, преподаватель – 62,8 %) и также является методической ошибкой. В произношении преподавателя и студентов группы Д периодически наблюдалась замена /t/ на гортанную смычку [ʔ] в интервокальной позиции, что определяется специалистами по английской фонетике как реализация, свойственная дикторам с невысоким социальным статусом [11; 345–346]. В речи преподавателя и студентов группы Е зафиксирована замена /t/ в интервокальной позиции на звонкий альвеолярный [t], что характерно для американского варианта английского языка, причем в речи студентов данный аллофон встречается чаще (39,3 %), чем в произношении преподавателя (27,2 %).

Полученные данные по реализации английских смычных согласных фонем преподавателями и студентами 5 академических групп как общего профиля, так и с углубленным изучением английской фонетики позволяют сделать вывод о заметном влиянии особенностей произношения преподавателей на степень распространенности конкретных реализаций. Выявлено несколько основных типов воздействия произношения русскоязычного преподавателя английского языка на произношение студентов:

1. Преподаватель успешно преодолевает интерферирующее влияние родного языка в своем произношении и эффективно помогает в этом своим студентам (группы Д, Е);
2. Преподаватель реализует некоторые произносительные особенности, характерные для территориальных либо социальных типов английского произношения; данные особенности также проявляются и в произношении студентов (группы Д, Е);
3. Для произношения преподавателя характерен умеренный иностранный акцент, однако его хорошее произношение не оказывает заметного влияния на произношение его учеников (группа С);
4. Студенты реализуют как произносительные ошибки, вызванные интерферирующими влиянием родного языка, так и ошибки обучения; степень распространенности таких ошибок в речи студентов коррелирует с их количеством в речи преподавателя (группы А, В);
5. Для речи преподавателя характерны некоторые индивидуальные реализации, не вызванные интерферирующими влиянием русского языка; данные произносительные ошибки реализуются и его студентами (в разной степени присутствуют во всех группах).

Учитывая результаты эксперимента, следует признать, что в условиях искусственного билингвизма имеет место фонетическая вариативность в речи взрослых учащихся, вызванная, помимо лингвистических причин, специфическими условиями обучения и зависящая в определенной мере от особенностей произношения преподавателя иностранного языка, а также от речевых предпочтений студентов, характерных для группового речевого кода конкретной учебной группы. Представленные выше экспериментальные данные дают возможность более глубокого понимания языковой социализации вне естественной языковой среды через анализ механизмов формирования и проявления фонетической вариативности на продуктивном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия. Т. 24. Кн. 1. М.: Большая советская энциклопедия, 1953. 620 с.
2. Задорова А. В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук, Институт русского языка им В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 367–402.

3. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Чылым, 1990. 180 с.
4. Пассов Е. И. Сорок лет спустя, или Сто и одна методическая идея. М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2006. 239 с.
5. Потапов В. В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 52–62.
6. Талайко С. В. Психология высшей школы: Курс лекций. 3-е изд. Мозырь: Белый ветер, 2007. 202 с.
7. Тимофеев В. П. Личность и языковая среда: Учеб. пособие. Шадринск, 1971. 122 с.
8. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 176 с.
9. Швейцер А. Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 481–482.
10. Labov W. The Study of Language in its Social Context // *Studium Generale*. 1970. Vol. 23. P. 30–87.
11. Wells J. Longman Pronunciation Dictionary. 3-d edition. Barcelona, 2008. 922 p.

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА КОЛЕСОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет

neyolov_em@mail.ru

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕЁЛОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет

neyolov_em@mail.ru

ТРАДИЦИИ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА И. П. ЛУПАНОВОЙ

В статье анализируется одно из основных направлений научной работы кафедры русской литературы и журналистики, связанное с изучением истории и теории русской детской литературы.

Ключевые слова: научная школа, детская литература, И. П. Лупанова

Понятие «школа» в российской литературоведческой науке существует с давних пор. В 20–30-е годы прошлого столетия, к примеру, были широко известны «формальная школа», «школа профессора В. Ф. Перееверзева» и др. Обычно в названиях фиксировалось имя ее создателя – крупного ученого.

В 1970-е годы после выхода в свет фундаментального труда профессора И. П. Лупановой «Полвека» (М., 1969) Петрозаводск стал своеобразной Меккой для исследователей истории и теории детской литературы – и наших, и зарубежных (Болгария, Чехословакия, ФРГ и др.). Тогда же С. В. Михалков через Союз писателей добился издания в Петрозаводском государственном университете научного сборника статей «Проблемы детской литературы», который в «лихие девяностые» был сохранен тогдашним ректором и нынешним президентом ПетрГУ профессором В. Н. Васильевым, и сейчас готовится к выходу очередной, 13-й, выпуск.

Словосочетание «школа профессора Лупановой» появилось сначала как рабочий термин среди ее учеников, позднее закрепилось в официальных документах как синоним научного направления. Сегодня, когда вырастает новое поколение исследователей детской литературы, рассказать о том, «как оно все начиналось да как продолжалось» (А. Гайдар), самое время.

Все, кому посчастливилось слушать лекции профессора Ирины Петровны Лупановой (1921–2003) по фольклору и истории детской литературы, запомнили то трудно передаваемое словами ощущение элегантности формы, необычайной основательности и глубины содержания, которое возникало уже на первых занятиях. Это поразительное сочетание элегантности и глубины завораживало слушателей и создавало сильнодействующий филологический эффект непо-

средственного приобщения к тайнам искусства слова. Свободных мест и равнодушных лиц на лекциях Ирины Петровны не бывало.

Ученица выдающихся филологов XX века В. Я. Проппа и М. К. Азадовского, И. П. Лупанова в полной мере восприняла их традиции. Тщательный подбор, учет и систематизация огромного количества документальных материалов, яркость и оригинальность мышления, свободное владение различными методами как фольклористики, так и литературоведения в сочетании с удивительной эрудицией – все это приносило успех ее начинаниям. Одним из таких начинаний была организация при кафедре русской и зарубежной литературы Петрозаводского университета широкого изучения истории и теории детской литературы. Эта область нашего литературоведения в 1950-е годы была одной из самых неразработанных, если не сказать заброшенных. В книге «Минувшее проходит передо мною...» И. П. Лупанова писала: «...интерес к литературе, адресованной детям, жил во мне всегда. <...> Моя любимой книгой даже во вполне взрослые годы оставалась чудесная сказка Ю. Олеши «Три толстяка». Непосредственным толчком к серьезным занятиям детской литературой явилась книга Гречишниковой, претендовавшая на роль учебника по советской детской литературе [1]. Прочла я ее случайно и осталась в совершенном потрясении от ее убожества. Захотелось тут же написать рецензию на этот тошнотворный опус. И написала. Видно, такую злющую, что муж посоветовал оставить для внутреннего употребления: «Все равно не напечатают». Так и не отправила. Зато организовала на первом курсе кружок по изучению детской литературы. Вошли в него очень способные студенты: Олег Тихонов (ставший известным журналистом)¹, Реймо Руханен (тоже журналист, только в Финляндии)², Соня Лойтер (сейчас доцент нашего пединститута)³, Аня Иша-

кова, Гера Вторушина, других фамилий уже не помню. В шутку мы называли наше объединение “Союзом борьбы с творчеством Никоновой”⁴. <...> Всерьез мы занимались авторами, достойными всяческого уважения: Гайдаром, Фраерманом, Кассилем (кстати, О. Тихонов написал тогда очень хорошую работу о кассилевском юморе, а С. Лойтер впоследствии защитила диссертацию, посвященную его творчеству)» [5; 207–208].

В решении многих проблем И. П. Лупанова по существу стала первоходцем. Она вела сложную, кропотливую, не всегда заметную со стороны упорную и целенаправленную работу. Постепенно кружок по детской литературе превратился в семинар, появились общие и специальные курсы, начал выходить межвузовский научный сборник, печатались статьи, книги, защищались диссертации, сначала кандидатские, а потом и докторские.

Практически впервые изучение всей детской литературы ставилось на прочный фундамент литературоведческой науки. Поначалу некоторые московские деятели детской литературы были шокированы этим обстоятельством, поскольку «науки не мыслили без скуки» (С. Маршак). Ирина Петровна впоследствии вспоминала: «Фотеева встретила меня весьма любезно и тут же представила главному редактору критико-библиографического отдела И. А. Давыдову. В отличие от хозяйки Дома (детской книги. – Л. К. и Е. Н.), он смотрел на меня довольно хмуро, всем своим видом подчеркивая полное отсутствие интереса и ко мне, и к моим степеням-званиям, старательно перечисляемым Фотеевой. Мне показалось, что мои “титулы” лишь усилили его мрачное безразличие (так оно и было: впоследствии Иван Андреевич признается, что не ожидал от доктора наук ничего, кроме занудства)» [5; 211]. Выступая перед писателями, директор издательства «Детская литература» Пискунов, «упоминая о моей книге, сказал, что прочел ее, “как роман”, и что в ней “совсем нет занудства”. (Любопытно, как прочно укоренилось в этой среде представление о нерушимой связи научной деятельности с “занудством”!)» [5; 215].

Что бы ни говорили, время – самый строгий и объективный судья. И сегодня, сорок лет спустя, оно подтверждает, что книга «Полвека» – самая серьезная и глубокая работа по детской литературе в XX веке. В ней ярко отразились черты творческой манеры И. П. Лупановой: продуманная, стройная теоретическая концепция вырастает из поистине энциклопедического по охвату материала. Десятки и сотни имен забытых и полузабытых авторов встают со страниц ее книги. Автор глубоко убежден, что лишь полный учет (и анализ) всех участников литературного процесса, а не только пресловутой «обоймы» классиков, которой, как правило, ограничиваются критики детской литературы, дает право исследователю на творческие обобщения.

Книга «Полвека» – не только серьезное исследование, но и «наглядное пособие» для уче-

ников, образец того, как нужно работать и писать научные труды.

Другой областью литературоведения, которой с таким увлечением занималась И. П. Лупанова и к которой приобщила почти всех своих учеников, была литературная сказка. Ей посвящена первая ее монография – «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века» (1959), которая стала докторской диссертацией.

Интерес к литературной сказке закономерен: это самый детский из жанров детской литературы и он составляет неотъемлемую часть всей русской национальной культуры на любом этапе ее развития. При всей своей кажущейся простоте изучение литературной сказки требует от исследователя немалых усилий. Отмечая в начале 1980-х годов, что общий уровень работ о литературной сказке «пока еще не высок», И. П. Лупанова с афористической четкостью сформулировала своеобразный закон «сложности простоты» в изучении жанра: «Написать статью о литературной сказке так же не просто, как написать саму сказку». Поэтому изучающему ее необходимо в равной степени быть и фольклористом, и литературоведом. Именно таким исследователем была сама И. П. Лупанова. Ее работы о литературной сказке XX века – это и блестящие разборы произведений современных писателей-сказочников, и глубокий анализ фольклорных корней литературной сказки, и подробная разработка поэтики литературно-сказочного жанра. Высказанные ею интересные тогда суждения сегодня – 20–30 лет спустя – обретают новое звучание, более глубокий смысл [6].

Многие статьи и книги И. П. Лупановой полемически заострены и воспринимаются как будто написанные сегодня, в разгар острых споров о судьбах отечественной культуры. Достаточно вспомнить ее статью «Современная литературная сказка и ее критики (заметки фольклориста)» [4]⁵, в которой убедительно показана несостоительность попыток некоторых критиков 1970-х годов дискредитировать великолепных сказочников Б. Заходера, С. Прокофьеву и Э. Успенского. Причем критика ученого отличалась не только научной основательностью аргументов, но и остроумием. В годы перестройки, когда огульному ох�ниванию подверглась почти вся литературная сказка советского периода, ее ученики выступили в защиту произведений А. Волкова, А. Толстого, Л. Лагина, Е. Шварца и других писателей.

Широта научных интересов И. П. Лупановой – характерная черта ее учеников. На первых порах именно она помогала каждому из нас определиться в тематике и области научного поиска. Так, С. М. Лойтер свои первые статьи (начиная со студенческой), кандидатскую диссертацию и первую монографию «Там, за горизонтом...» (1973) посвятила творчеству Л. Кассиля, став одним из самых авторитетных кассилеведов страны; Е. М. Нёлов с самого начала связал свои научные интересы с проблемой взаимодей-

ствия литературной сказки и научной фантастики; Л. Н. Колесова занялась исследованием истории и теории детской журналистики.

И. П. Лупанова внимательно следила за работой и взрослением своих учеников и когда их интересы менялись – например, С. М. Лойтер увлеклась детским фольклором, Е. И. Маркова – творчеством Н. Клюева, а Ю. И. Дюжев – «взрослой» литературой Северо-Запада России – она с уважением отнеслась к их новым интересам.

Доброжелательное внимание и забота о многочисленных учениках всегда сочетались у И. П. Лупановой с высочайшей требовательностью. Ее доверие было самой большой наградой, и его нельзя было обмануть. И это теперь уже традиция. Встречи и беседы с Учителем становились настоящей школой, дававшей так много, что в полной мере осознается, может быть, только теперь, когда ее уже нет с нами. Это были уроки не только научные, но и человеческие. Нравственный авторитет И. П. Лупановой для ее учеников абсолютен.

Научная школа, созданная профессором И. П. Лупановой, оказалась на редкость жизнеспособной. Идут годы, уже нет с нами нашего Учителя, а дело, начатое им, продолжается. Петрозаводский университет в 1950-е годы первым среди университетов страны ввел курс «История советской детской литературы», теперь он тоже первый – именно здесь уже 5 лет изучается российская детская журналистика от Н. И. Новикова до наших дней, то есть почти за два с половиной века. Читаются специальные курсы «История детской литературы XX в.», «Русская литература

ная сказка», «История русской фантастики». Продолжается издание межвузовского сборника «Проблемы детской литературы и фольклор», на страницах которого опубликованы уже более двухсот статей российских и зарубежных исследователей. В последние годы вышло несколько десятков монографий, учебных пособий, хрестоматий ее учеников. Став докторами наук, ученики И. П. Лупановой готовят новое поколение ученых: около десятка кандидатских диссертаций успешно защищено. Конференции по детской литературе, фольклору и журналистике собирают исследователей со всех концов страны.

В рецензии на последний выпуск нашего сборника Ю. Н. Серго отмечает: «Сборник научных трудов Петрозаводского государственного университета «Проблемы детской литературы и фольклор» (Петрозаводск, 2009) представляется нам удачным примером объединения под общей обложкой разноплановых статей, связанных как с поэтикой детской литературы, так и с художественной философией «взрослых» писателей, наделенных индивидуальным, неповторимым чувством детства. Благодаря отсутствию догматизма в подборе статей, неформальному подходу к определению их проблематики сборник отличается не только широтой научных тем и методов анализа, но и всеохватностью исследуемого материала – от фольклора до наших дней» [7; 478]. Отсутствие догматизма, неформальный подход, широта научных тем и методов анализа – словом, все то, что завещала своим ученикам И. П. Лупанова, мы по мере своих сил стараемся сохранить и приумножить.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Н. Тихонов (1932–2001) – известный карельский журналист и писатель, главный редактор журнала «Север» (1990-е годы), член Союза писателей, заслуженный работник культуры России и Карелии, лауреат нескольких премий, автор документальных повести «Операция в зоне “Вакуум”» (1971), романа «Свидетель» (1990) и пьесы «Хранить вечно».
- ² Р. У. Руханен – журналист АПН (Агентство печати «Новости», Москва) по северным странам Европы, живет и работает в Финляндии.
- ³ С. М. Лойтер – доктор филологических наук, профессор Карельской государственной педагогической академии, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Карелии, автор девяти книг, пять из них – монографии («Там, за горизонтом...» (Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля) [2], «Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору» [3] и т. д.).
- ⁴ Ю. П. Никонова (1902–1979) – автор стихотворных сборников «Как в лесу бумага выросла», «Поселок в лесу», «Родная школа» и др.
- ⁵ Тираж этого сборника исчез мгновенно: мы едва успевали отправлять его в Москву, Ленинград и другие города страны. Авторитет автора книги «Полвека» оказался самым высоким, а непрофессионализм гонителей современных сканочников – очевидным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гречишникова А. Д. Советская детская литература: Учеб. пособие для учительских институтов. М.: Учпедгиз, 1953. 250 с.
2. Лойтер С. М. «Там, за горизонтом...» (Проблемы романтического в творчестве Л. А. Кассиля). М.: Детская литература, 1973. 120 с.
3. Лойтер С. М. Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 214 с.
4. Лупанова И. П. Современная литературная сказка и ее критики (Заметки фольклориста) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск: ПГУ, 1981. С. 76–90.
5. Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...» Книга о пережитом. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 313 с.
6. Неёлов Е. М. Все вместе (об одной из идей И. П. Лупановой: попытка комментария) // Проблемы детской литературы и фольклор. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 20–28.
7. Серго Ю. Н. «Детство никогда не умирает...» // Кормановские чтения. Вып. 9. Ижевск, 2010.

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет

natshar@mail.ru

**«ГЛАЗ», «ВЗГЛЯД», «ОКО» КАК ГЛАВНЫЕ МОТИВЫ
РОМАНА «МОСКВА» АНДРЕЯ БЕЛОГО**
(к 130-летию со дня рождения писателя)

В статье не только выявлен один из ведущих мотивов (мотив глаза), но и связан с идейными узлами романа «Москва» и с мировосприятием А. Белого. Функции мотива глаза выявляются на образном, религиозном, антропософском уровнях. Жжение глаза – это Голгофа героя, знаменующая собой конец ветхого Адама и начало нового человека, принявшего крестные муки (выход к Космосу через Хаос).

Ключевые слова: Андрей Белый, мотив, роман «Москва», глаз, Космос, Хаос

В сознании современного читателя и исследователя русской литературы XX века Андрей Белый – поэт, писатель, идеолог символизма, новатор в области формы и языка, яркий лектор. Андрей Белый вобрал в себя все прозрения, открытия, потрясения и противоречия эпохи Серебряного века. В мировую литературу русский символист вошел как автор «Петербурга» (1913), заложившего основы модернистского романа наряду с М. Прустом и Ф. Кафкой.

Поздний (постреволюционный) этап творчества Андрея Белого остается еще белым пятном в современной филологии. Одна из конструктивных задач беловедения – показать эволюцию и преемственность ранних символистских верований и исканий Андрея Белого с его поздними новаторскими опытами в сфере идей, языка, ритмики, стиля. Говоря словами самого писателя, почему он «не перестал быть во всех фазах» своего «идейного и художественного развития» символистом [4; 418–493]. Связь дореволюционного (символистского, мистического) и постреволюционного (катакомбного) творчества Андрея Белого тонко схвачена в заголовке недавней монографии М. Л. Спивак «Андрей Белый – мистик и советский писатель» [14].

Сам Белый в письме к критику, литератору Иванову-Разумнику так определял свою экзистенцию в 1920-е годы: «Жизнь моя – осуществленная катакомба» [1; 270].

1920–30-е годы – сложный, трудный, но многогранный и практически неизученный период творчества Андрея Белого. Писатель-«новатор» в области формы (автор «симфоний» и модернистского романа «Петербург», романа-пророчества о первой русской революции и гибели старой императорской России), провозвестник нового искусства, зачинатель революционного по сути символистского направления в России был причислен к «уходящим натурам», «попутчикам» (во многом эта «репутация» сложилась под воздействием характеристики Л. Троцкого).

Андрей Белый в эти годы пишет свой последний роман («роман-завещание») «Москва» (1925–1930), экспериментаторский как по форме, языку, ритму, так и по воплощенным в нем идеям, темам, образам. Это роман и историософский (события разворачиваются в переломные для России 1914–1916 годы), и автобиографический [14], и антропософский (Мандро (Ариман), миф об Атлантиде), и мифопоэтический [15; 26–35], и «фаустианский» [8; 55], [10; 201].

Что может связать воедино многочисленные пласти романа? Что станет своего рода окуляром для предпринятого нами филологического анализа текста? Ответ таков: это око, глаз.

В «Москве» Андрея Белого упоминания глаза, взгляда пронизывают всю словесную ткань текста. Глаз несет в романе разные смысловые функции. Мы предлагаем выделить определенные уровни для удобства анализа данного мотива: 1. Глаз-дыра, глаз с заплатой (геройский уровень, Коробкин); 2. Подглядывание (слежка); 3. Глаз осьминога (демонический уровень, фон Мандро); 4. Глаз, вписанный в треугольник (религиозный, антропософский уровень).

В открывашем роман эпизоде (сон профессора) появляется «зрачок» [3; 20]. Прославленный на весь мир профессор математики И. И. Коробкин видит «весьма странный» [3; 20] сон: его комната «составляла лишь яблоко глаза, в котором профессор Коробкин, выглядывающий через форточку, определялся зрачком Табачинского переулка» [3; 20]. Первый эпизод решен в шутливо-гротескном ключе. Проснувшись, Коробкин видит, что муха «сидит перед носом на белой подушке; и на Ивана Ивановича смотрит; Иван же Иваныч – на муху; перехитрит – кто кого?» [3; 19]. Л. Ф. Кацис задается остроумным вопросом: «Что мог увидеть Иван Иваныч, глядя на муху, да и она на него?» И отвечает: «Похоже, он видит многократное отражение самого себя в фасеточных глазах мухи» [9; 141].

Муха в первом же эпизоде романа вводит еще один скрытый, антропософский смысл. Андрей Белый в письме к Иванову-Разумнику (который живет в это время в Царском (Детском) селе, куда Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) приезжал к нему не единожды) вскрывает символичность (значимость) каждой детали начального эпизода: «“Муха” – атрибут Аrimана; “Бельзевул” (аспект Аrimана) в духе точного перевода – царь “мух”; “муха-кусака” – вестник Бельзевула-Аrimана; первые строчки не каламбур, а зловещее извещение Аrimана Коробкину, предназначенному добрыми силами быть воином Михаила» [1; 379]. В этом шифрованном послании (Московское антропософское общество имени М. Ломоносова было закрыто в 1921 году [14; 209–229]) будущая миссия Коробкина подана как сражение «воина Михаила» (здесь сливаются имя патрона антропософского общества Михаила Ломоносова и архангела Михаила).

Мы зафиксируем важный мифолого-символический смысл: все события романа (следует предположить) будут проходить под сенью Архангела Михаила. Битва «воина Михаила» Коробкина дана вначале как шуточный бой с мухами, которые здесь выступают предвестниками Вельзевула-Аrimана. Вельзевул в Евангелии предстает как «князь бесов» (Матф. 12, 24 и 27; Мк. 3, 22; Лук. 11, 15–19). С. С. Аверинцев приводит свидетельство переводчика и комментатора Библии Евсевия Иеронима, который «связывал имя Вельзевула с именем упоминаемого в Ветхом Завете бога филистимлян Баал-Зебуба (“повелитель мух”)» [12; 121]. Кроме того, Вельзевул имеет и еще несколько толкований, согласно которым он уподоблен «Балу (Ваалу)-дьяволу», то есть «является синонимом дьявола, сатаны» [12; 121]. О значимости этого мифа говорит и восприятие Белым Москвы 1920-х годов как «Вельзевулова города» [1; 310].

Аrimан – это многозначный антропософский символ. Arimан – «дух лжи», «механизм + голая абстракция логики» [1; 57], создающие мир Майи (ариманической иллюзии). Реальным воплощением аrimанической силы в романе предстает фон Мандро, который охотится за изобретением математика Коробкина. Итак, уже первые эпизоды романа по законам лейтмотивной поэтики в разных стилистических срезах (от патофосного до гротескного) подготавливают читателя к будущей трагедии героя (в тексте сказано: «в начале трагедии» [3; 23] Коробкина).

Это желание «быть зрачком», обнажившееся во сне, возникает и в дальнейшем. Иван Коробкин, выстраивая собственное мировоззрение, «в мыслях занял незанятый трон Саваофа – как раз в центре “Ока”: зрачком!» [3; 39].

Саваоф – одно из имен Бога Отца в Ветхом и в Новом Заветах. Имя Саваофа означает «беспредельное величие Божие, Его владычество над всеми сотворенными, Его могущество и Его славу. Он Бог воинств, Господь силы. <...> Его ок-

ружает и Ему служат сонмы Ангелов и все воинства небесные» [5; 614]. Профессор Коробкин, мечтающий стать «Оком», занимает трон (место) Бога, становясь «Саваофом науки». Отметим особо, что здесь подчеркивается «сила» и «могущество» Божье. Саваоф – «Бог воинств», так и герой романа наделяется миссией: стать воином архангела Михаила (антропософский уровень).

Глаз в начале романа А. Белого связан с ясностью и точностью математической науки (сам Коробкин – «майорат», «максимальный термометр науки» [3; 21]). Математика становится своего рода коконом для героя, укрывающим его от бурь и трагедий первозданной жизни. «Скрижаль мировоззренья» [3; 38] Коробкина определена в романе как путь вселенной «к ясности, к мере, к числу» [3; 39], к чему уже пришли именитые математики всего мира, а остальная масса дойдет через «всеобщее обучение» [3; 39]. Понимание мира (поиск истины) для Коробкина связано с актом зрения, он мечтает быть зрачком (точкой отсчета) этого мира. «“Рациональная ясность” держала победу; невната – выглядела из окошечка желтого дома напротив» [3; 38] (так автор романа подчеркивает, что одержанная победа над «невнатацей» (хаосом) лишь временная). Дом напротив – дом «паука»-соглядатая Грибикова (при появлении Мандро в глазах Грибикова «сплошной мущий зуд: любопытство сплошное» [3; 196]).

Итак, обратимся ко второму уровню мотива глаза (подглядывание, слежка). В романе Андрея Белого возникает сложный многомерный образ глазастого мира (мира с миллионами глаз!): «Глазопялы – за всем, отовсюду следили; из окон, дверей, подворотен» [3; 161]. Совершенно справедливо утверждение японской исследовательницы В. Коно: «Художественный мир в “Москве” – это “глазастый” мир» [11; 491]. В романе «Москва» воссоздана гротеско-угстрашающая атмосфера слежки «всех за всеми». Так, подручный Мандро Грибиков «въедался глазами в коробкинский дом» [3; 54]. Пытаясь скрыть от профессора свою подпольную деятельность, революционер Киерко тем не менее все подмечает и следит за всеми: сквозь ресницы «поколол, как иголочкой, серым зрачком», «быстрый зрачок перекинулся... пируэтиком эдаким» [3; 41]. Доктор слушает «нелепые сплетни» о «деле» Коробкина (который находится в его психлечебнице), при этом «глазки, присевшие в белых, безбровых мясах, стали – тигры малайские» [3; 411]. Сам доктор Пэпэш-Довлиаш – «московский масон», имеет задание от «Князя», на жим руки которого «лондонский» [3; 421].

Велес-Непещевич – звено между разными правительствами («со всяческой властью» [3; 426] стоит в сношениях) – носит брюки «лондонских» фасонов [3; 426], лицо же: «красный квадрат – подбородок» и «злы щелки глазные» [3; 426]. Именно Велес-Непещевичу дано задание изловить злодея Мандро, сплести вокруг него паутину слежки. Его имя (Велес – «скотий

бог») и внешность («бычья, надутая жилами, шея» [3; 425–426]) через символические детали воссоздают портрет мошенника, негодяя, афериста, «функция» которого – «резать цыплят» [3; 426]. Брошенная мимолетом деталь-сравнение «глазки, клопики, кариес» [3; 426] станет выражением сущности и опознавательным знаком Велес-Непещевича и его тайного задания с «лондонским душком»: «вот клоп!» [3; 428].

Глаз может стать основополагающей характеристикой героя, выражаяющей его «нутро», утаиваемую суть. Так, у доктора-шпиона, психиатра, чья миссия – лечить души больных людей, «глаз – баражий, пустой» [3; 408] как знак его не только профессиональной, но и человеческой несостоятельности. У прислужника Мандро карлика Кавалькаса, его «Лепорелло по части разврата» [3; 294], «вовсе не было глаз: вместо них – желто-алое, гнойное вовсе безвекое глазьё» [3; 62].

Каков взгляд самого антагониста главного героя, «маркиза де Сада и Калиостро XX века» [2; 7]? Глаз шпиона и насильника Мандро связан с мотивом души (испить душу). А есть ли у него самого душа? В романе о Мандро сказано: «Душа проваливалась, как нос Кавалькаса» (тот из-за перенесенного сифилиса лишился носа) [3; 288].

Автор связывает рождение нового «высшего «Я»» [1; 382] в человеке с рождением младенца (мальчика). Мандро, «мальчика раз изнасиловав в Риме» [3; 294], тем самым убивает в себе душу, способность переродиться. Андрей Белый так подводит черту под Мандро: «Мальчика» («духа» в себе) зарезал Мандро» [1; 382].

Мандро всем своим видом и повадками воплощает двойственность (расхождение внутреннего и внешнего): «...на устах сахарец, а в глазах – сатанец» [3; 282], «очаровательный, серебророгий и лживый» [3; 284]. Инфернальная, сатанинская природа Мандро закреплена в его «оксюморонном» взгляде: «Обдал согревательным взглядом: но взгляд – ледянил; и вставало, что этот – возьмет: соком выжмет» [3; 101]. Мандро – обладатель «всем угрожавшим ожогом зеркального глаза» [3; 65], он «глядел гробовыми глазами бобрового цвета» [3; 64]. Гробовые глаза призваны усилить связь Мандро с потусторонним миром. Глаз Мандро проникает в душу его дочери Лизаши: «Будто взор свой взлил в душу; и взлив этот жизнь возмутил» [3; 179]. Мандро (передано через несобственно-прямую речь восприятие Лизаши) «взглядом, как пиявкой, вцеплялся, почуяв капканы: не «богушка»: чортище!» [3; 284].

Глаз, взгляд – это еще и выявление внутреннего, подсознательного (здесь: звериного) в человеке. Само грядущее насилие Мандро подано через преступный взгляд. Так, в эпизоде, предшествующем сцене инцеста, сказано: «Через головы всех он возлег на ней взглядом. Они забрахтались: взглядами» [3; 204]. Лизаша наблюдает, как «глаза разрастались над ней» и «взор его в ней прорастал чем-то жутко-

преступным» [3; 179]. Странное и непонятное самой Лизаше чувство к отцу выражено через движения глаз: «...очень блажными глазами, стрелявшими сверком, вонзились в отца; и старалась его улелеять глазами» [3; 66]. Поединок Лизаши и Мандро также обставлен взглядами: «Видел он, как глазенок стал – глаз; глаз – глазище; жестокий и злой» [3; 290]. Этот мотив (огромный глаз-глазище) всплывает и во втором томе романа (где все герои спрятаны под псевдонимами-масками). Именно глаз-глазище (среди других примет) позволяет читателю распознать в облике Элеоноры Леоновны Тителевой Лизашу фон Мандро. Мадам Тителева (Лизаша), узнавшая своего насильника-отца, возвращается домой. Весь ужас, пережитый и вернувшийся к ней, зафиксирован в глазе: «А из-за дыма не глазиком – глазом расплавленным: тяжеловесным топазом» смотрела [3; 400].

Главное событие в первой части романа – ослепление Коробкина. Подготавливается оно исподволь, вначале почти гротескно-шутливо (как бой с мухами в начальном эпизоде). Любимое существо Коробкина в собственном доме – пес Томочка, который по тайной логике уподоблен самому хозяину. Сравнения героя с псом прослеживаются на протяжении всего романа. А. Белый в письме к Иванову-Разумнику: «Пес приносит знак «страстей Коробкина»: грязную тряпку» [3; 382]. Среди других скрытых смыслов нам сейчас важна странная деталь облика Томочки (его окровавленный взгляд). А. Белый в том же письме к другу-литератору так осмысливает этот мотив: «Тема окровавленного взгляда песика: «горько скосив окровавленный взгляд», их «оглядывал всех окровавленным взглядом», – есть предварение окровавленного «безглазия»: выжженного глаза профессора; а тема «тряпки» пса – тема заклепанного рта» [1; 383].

Главный вопрос, который поднимается в данной статье: почему Мандро выжигает Коробкину глаз? И крайне парадоксальный и даже, на первый взгляд, крамольный вопрос: нужен ли Коробкину Мандро (не наоборот!)?

И. И. Коробкин отказывается отдать шпиону свои исчисления, за что Мандро подвергает учёного адской пытке, выжигает ему свечкой глаз: «У профессора вспыхнул затоп ярко-красного света, в котором увиделся контур – разъятие черное (пламя свечное); и – жог, кол и влип охватили зрачок, громко лопнувший; чувствовалось разрывание мозга; на щечный опух стеклянистая влилась жидкость» [3; 355].

Сцена «страстей Коробкина» (его ритуально-распятия) – эмоциональный и духовный апофеоз всей первой части романа. Она имеет множество слоев, каждый из которых дает «приращение» смысла. Первый – автобиографический, в духе «косвенного духовного автобиографизма» (Н. В. Барковская). В кульминационной сцене романа (сцене истязания) М. Л. Спивак выявляет значимый «берлинский след» [14; 253]. В 1921

году в Берлине произошел разрыв писателя с Р. Штайнером, основоположником антропософии, который сыграл крайне важную роль в становлении Белого-писателя и мыслителя. Свою «берлинскую трагедию» писатель передает через зрительные коннотации: «Я бегал в цоссенских полях (под Берлином. – Н. Ш.), переживая муки, которым не было ни образа, ни названия... а когда мука стала отделяться от меня, то образ меня самого встал передо мною; и на бумагу полились фразы... В диком безумии взгляда – безумия не было; но была – твердость: отчета потребовать, на основании какого закона возникла такая вертушка миров, где... глаза выжигают» [4; 486].

Помимо экзистенциально-биографического и пророческого [7; 25] пластов, в сцене истязания Коробкина есть и другие, связанные непосредственно с художественной тканью романа. Восстановим цепочку сцен, предшествующих «страстям Коробкина» (держа в голове важнейший для нашего исследования мотив глаза).

Професор, находясь на даче под Москвой, мучается вопросом: «Как быть с открытием?» Коробкин везде чувствует, что за ним следят (даже «жара жахала страхом» [3; 322]). Все космические метаморфозы готовят, как размышляет герой, «перерождение мозга» [3; 322]. Рушится созданная героем модель «предустановленной гармонии» мира: «Не защищает его государство; и хаос, как фактор развития, – действует» [3; 322].

Весь окружающий Ивана Коробкина ландшафт словно пропитан инфернальными испарениями: «Всюду в муты лесного пожара открылись глазы», «всюду глазье, как репье» [3; 323]. Тема слежки (подглядывания), выявленная нами в первой части статьи, приобретает в этом эпизоде инфернально-всеобщий характер. Коробкин ощущает «дыру в голове», которая символически предвещает ослепление, Голгофу. Мотив дыры чрезвычайно важен в романе, он отсылает нас и к Мандро, и к выжженному глазу (заплатка вместо пустой глазницы, то есть дыры). Процесс слома сознания закреплен в мотиве глаза: «Был прежде слепцом он; не видел себя – в обстоянья, в котором он жил и работал; и кто-то ему, сделав брение, очи открыл, – на себя самого, на открытие; видел, что в данном обстаниии жизни оно принесет только гибель» [3; 323]. Отметим судьбоносное и пророческое: «брение» глаза еще не произошло, а предугадано самим героем, то есть духовное страдание идет впереди самого физического акта.

Свою квартиру Коробкин, куда он сам приводит старика Мордана (переодетого Мандро), воспринимает как лабиринт, ведущий «неизвестно куда», а «в отверстие входа пещерного валится мамонт» [3; 340]. Оказавшись в своем кабинете, профессор различает «темно-багровый предмет», который «жег, как жегло» [3; 340]. Сосед Вишняков наблюдает (следит!) в замочную скважину за всем происходящим в доме профессора. Вишняков «отскочил перед диким, воисти-

ну адского вида балетом профессора» [3; 345]. Одноглазый профессор в сцене пыток наделен мифологической функцией. «Трагический танец» Коробкина напоминает «мистериальную пляску бога-шамана одноглазого Одина, приносящего себя в жертву самому себе» [13; 183]. Мандро в этой страшной сцене становится двухслойным: «...разорвется “мордан” из бумаги, – просунется нечто жестокое из очень древней дыры, вокруг которого лоскутья бумаги – остатки “мандрашины” – взвеясь, покажут под ними таящийся – глаз, умный глаз – не Мандро; заколеблется вот голова в ярких перьях; жрец древних, кровавых обрядов – “Мандопль”» [3; 349]. «Глаз, умный глаз», «глаз осьминога» – станет ведущим мотивом «проходимца истории» Мандро. В финале романа Коробкин прощает своего мучителя, желая, чтобы в изверге пробудился человек. Это предполагаемое (но не состоявшееся) пробуждение передано через мотив глаза. «Свои руки развел точно поп, на алтарь выходящий... чтобы глаз ослепительный головоногого чудища, – глаз осьминога, слезой овляющийся, – – стал человеческий глаз!» [3; 624].

Мандро через мотив спрута (осьминога) связан с верховной темой романа – темой большого города-мегаполиса – Москвы, которая катится к катастрофе, в яму, в Тартар [15; 26–35].

Мандро во время пытки ученого... плачет. Что скрыто за этим странным поведением насильника? Эту проблему осмыслияет в своей работе В. Коно: «Мандро выбирает в качестве способа пытки именно выжигание глаза не потому, что это нужно ему самому. Скорее это нужно Коробкину и автору романа» [11; 495]. И далее исследовательница делает крайне важный вывод: «И хотя при первом прочтении кажется, что Мандро выжигает глаз в своих целях (чтобы заполучить открытие. – Н. Ш.), но на самом деле он поступает так, потому что это его роль и неизбежный рок» [11; 496]. Мандро здесь – орудие в руках оккультных сил (доктора Доннера), он должен выполнить особую мистериально-мистическую функцию.

«Пробуждение» (возвращение сознания) Коробкина в желтом доме лейтмотивно отсылает нас к начальному эпизоду романа: «Распахнулся оконный квадрат: чье жилье? Штора, веко, – открылась; но мгла из-за шторы глядела; и кто-то к окну подошел, как зрачок, появившийся в глазе; старик коренастый – в халате... а на глазе – квадратец заплаты безглазился» [3; 410]. Напомним, в первом эпизоде герой видит сон, в котором комната – оболочка глаза, а сам он – зрачок. В приведенном отрывке возникает целая цепочка смыслов, где внешнее (окно, которое тоже глаз для дома) превращается во внутреннее (глаз): штора, что веко героя, открывается, а там темнота (как и у Коробкина темнота перед изуродованным невидящим глазом), штора окна есть и «квадратец» (повязка) на больном глазе.

Сцена «распятия Коробкина» (выжигание глаза) вновь и вновь воспроизводится в романе.

Так, во второй части «Маски» брат профессора, вглядываясь во тьму, видит: «...пучка каменное, налитое страданием око и бросив пред пузырем ярко-кровавую кисть, из которой клевала зажженная свечка в проход, —

— прочесал толстопятый толстяк» [3; 393].

«Налитое страданием око», «кровь», «свеча» ассоциативно возвращают к ключевой сцене пыток, хотя в данном эпизоде речь идет о другом персонаже (революционере-подпольщике).

После возвращения из желтого дома Коробкин оказывается в комнате, где произошла трагедия. Он восстанавливает всю цепочку происходящего в ней. Обращаясь к воображаемому мученику, он восклицает: «На основанье какого закона копался ты в глазе моем?» [3; 623].

Эпохальное событие-испытание — пытка героя — обернется для него точкой сдвига (прозрения («зрак»)): он осознает собственную сопричастность через открытие смертоносного луча к мировым катаклизмам, начинает видеть «очами души» [3; 624]. Этот процесс зафиксирован еще перед Голгофой Коробкина: начал «вывариваться из большой знаменитости и из добрейшего пса — человека» [3; 160]. Единственный глаз открыл герою путь в антропософские высшие миры: «Ослепительный глаз, ослепляющий глаз, но слепой, воивший блески, ушел за пределы миров» [3; 571].

«Москва» Белого явилась закономерным преемником жизнетворческих (символистских по сути и происхождению) идей писателя. Л. К. Долгополов делает вывод: «Литература же, как искусство, окончательно теряет для него свое приоритетное положение, трансформируясь в «жизнетворческое» начало, становясь... «позвоем» к действию и новому человеку» [6; 386].

Внутреннее преображение человека зафиксировано через рождение в нем «ребеночка», «младенца». Так, в работе 1920-х годов «Кризис культуры» Андрей Белый восклицает: «...родился

“младенец” в душе человека» [4; 276]. Но рожденного в муках младенца ждут мистериальные испытания, введенные писателем в библейский контекст: «Гонения начинаются; духовно родивший “младенца” (иль духа в душе) пусть бежит: вот появятся воины Ирода (для избиения “младенца”) и персонажи международно-астрального сыска устроят охоту» [4; 276]. Все эти христианско-оккультные знаки отражают восприятие Белым двух с половиной лет (с марта 1914 года по июль 1916-го), проведенных в Дорнахе (строительство Гётеанума, антропософское служение, посещение Базеля, родины Ф. Ницше). Пережитый автором страх оккультного «душевного сыска» вводится впоследствии в роман «Москва».

Финал романа амбивалентный. Действительно, мир рушится, катится в Тартар, раздается страшный взрыв. Герой открывает для себя пространство любви, веры, его озаряют идеи всепрощения и милосердия. Но в заключительном эпизоде сказано:

«Он не видит —

— как крыша взлетает под небо, как дым выбухает» [3; 754].

Герой вбирает в себя черты и самого автора. Так, В. Паперный справедливо заключает: «За повествовательную маску героя писатель помещает самого себя, автобиографический миф о себе как о Христе, а за маску антигероя — коллективный портрет тех, кто, в представлении Белого, мучил его на протяжении жизни» [16].

Восприятие нового ХХ века как «звериного» и связь века (поступи истории) со зрачком (человеком) с утаенным гамлетовским смыслом предстает и в стихотворении О. Мандельштама, автора эпиграфии А. Белого:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позонки?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка 1913–1932 гг. / Публ., вступ. ст. и comment. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum: Феникс, 1998. 733 с.
2. Белый А. Маски. М.: ГИХЛ, 1932. 448 с.
3. Белый А. Москва / Сост. С. И. Тимина. М.: Сов. Россия, 1989. 768 с.
4. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
5. Библейская энциклопедия. М.: Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. 903 с.
6. Долгополов Л. К. Роман Андрея Белого «Петербург». Л.: Сов. писатель, 1988. 413 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Профессор Коробкин и профессор Бугаев // Москва и «Москва» Андрея Белого. М.: РГГУ, 1999. С. 11–28.
8. Ишимбаева Г. Г. Фаустиана по-антропософски («Москва» Андрея Белого) // Ишимбаева Г. Г. Русская фаустиана XX века. М.: Флинта, 2002.
9. Кацис Л. Ф. «Московский чудак» Андрея Белого: к генезису образа // Москва и «Москва» Андрея Белого. М.: РГГУ, 1999. С. 137–152.
10. Колихалова (Шарапенкова) Н. Г. Гётеевские мотивы в романе Андрея Белого «Москва» // Русская словесность в контексте мировой культуры. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 197–202.
11. Конов В. Мотив «глаза» в романе «Москва» А. Белого // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. М.: Наука, 2008. С. 489–498.
12. Мифология / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 736 с.
13. Пискунов В. М. Из наблюдений над текстом романа «Москва» // Пискунов В. М. Чистый ритм Мнемозины. М.: Альфа М, 2005. С. 175–185.
14. Спивак М. Л. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. 577 с.
15. Шарапенкова Н. Г. Мифопоэтика романа «Москва» Андрея Белого // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. № 4. Т. 2. Сер. Филология. СПб., 2009. С. 26–35.
16. <http://www.utoronto.ca/tsq/05/brio05.shtml>.

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА БАБАЛЫК

преподаватель кафедры литературы историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия

mablik@ya.ru

**АПОКРИФ «БЕСЕДА ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ»
В СПИСКАХ КНИЖНИКА-СТАРООБРЯДЦА И. С. МЯНДИНА**

Статья посвящена изучению списков древнерусского апокрифа «Беседа трех святителей» из Усть-Цилемского собрания (ИРЛИ, Пушкинский дом), атрибутируемых известному печорскому книжнику И. С. Мяндину.

Ключевые слова: апокриф «Беседа трех святителей», старообрядческая книжность, книжник И. С. Мяндин, усть-цилемское собрание рукописей

Апокриф «Беседа трех святителей» (далее – Беседа) возник предположительно в V–VI веках в византийской письменности и прошел несколько стадий развития текста. Древнейшие русские списки Беседы датируются XV веком. Памятник состоит из вопросов и ответов на библейскую тематику, некоторые из них заимствованы из других апокрифов, а также из фольклора. Во многих списках Беседы вопросы и ответы для придания произведению достоверности и авторитетности изложены от имени трех иерархов православной церкви, живших в IV веке, – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, отсюда – закрепившееся за апокрифом название «Беседа трех святителей» [7; 89–93], [11; 149–164].

Изучению рукописной традиции Беседы посвящены работы В. Н. Мочульского [12], Е. А. Бучилиной [4] и болгарской исследовательницы А. Милтеновой [10]. Основное внимание в этих работах уделено древним спискам памятника – латинским, греческим, южнославянским и русским. Судьба Беседы в поздней русской книжности изучена гораздо хуже. Между тем на территории Русского Севера Беседа распространялась вплоть до XX века – в основном благодаря стараниям старообрядцев.

Настоящая статья посвящена спискам Беседы из Усть-Цилемского собрания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее – ИРЛИ), созданным известным печорским книжником-старообрядцем XIX века Иваном Степановичем Мяндиным. Открытие Мяндина принадлежит петербургскому ученому XX века В. И. Малышеву – основателю Древлехранилища Пушкинского Дома, который собрал наиболее полные сведения о жизни и литературной деятельности печорского книжника [9; 323–337]. Перу Мяндина принадлежат оригинальные сочинения и переработки древнерусских памятников, которым посвящены работы В. И. Малышева, Н. С. Демковой, Н. Ф. Дробленковой, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, Е. К. Пиотровской, Е. П. Ширмаковой, Т. Ф. Чал-

ковой, Е. К. Ромодановской, Н. А. Голосковой, А. Г. Боброва, А. В. Пигина, Е. А. Рыжовой и некоторых других исследователей. В последние годы изучением творчества И. С. Мяндина особенно активно занимается Т. Ф. Волкова [6; 839–890]¹.

Иван Степанович Мяндин (1823–1894) – один из самых крупных книгописцев Печоры своего времени, он принадлежит к старинному роду Мяндиных – выходцев из Мезенского края (д. Белощельская). О том, где и в какое время Мяндин обучался ремеслу переписчика, точных документальных сведений нет. Мяндин имел богатую личную библиотеку. За аккуратность и приверженность лучшим традициям письма его «славили по всей Печоре» [9; 335]. В. И. Малышев перечисляет следующие приметы почерка Мяндина: аккуратность и четкость, опрятность оформления листа, «острые оконечности букв, квадратность букв и их своеобразный наклон влево» [9; 335]. Всю жизнь Мяндин был последователем старообрядчества, но его отличала веротерпимость и повышенный интерес к светской мирской культуре. Именно этим интересом объясняется обилие произведений светской тематики, разнообразие тем и сюжетов в репертуаре Мяндина [9; 323–337].

По подсчетам Т. Ф. Волковой, «в настоящее время исследовано – с разной степенью глубины – 30 отдельных сочинений, в той или иной степени переработанных И. С. Мяндиным» [5; 66], но Беседы среди них нет.

В Усть-Цилемском собрании ИРЛИ списки Беседы содержатся в 5 рукописях XVIII – начала XX века: 1) № 22, конец XIX века, далее – УЦ-22; 2) № 38, последняя четверть XVIII века, далее – УЦ-38; 3) № 67, 3-я четверть XIX века, далее – УЦ-67; 4) № 88, конец XIX века, далее – УЦ-88; 5) № 91, конец XIX века, далее – УЦ-91 [8]. Причем сборники УЦ-22 и УЦ-67 включают сразу несколько списков Беседы или мелких выписок из нее.

Списки УЦ-88, УЦ-38 и УЦ-22 (на л. 146 об.–149)² [8; 79–82] не являются автографами Мян-

дина. УЦ-88 представляет собой отдельную выписку из Беседы: «Отчего человек сотворен и от скольких частей? Человек сотворен от 8 частей...», далее следует традиционное перечисление, какая часть от чего сотворена. УЦ-38 состоит из 18 безымянных вопросов и ответов в основном на библейскую тематику.

Нашиими предшественниками было установлено, что автографами Мяндина являются списки из сборников УЦ-67 и УЦ-91. Проанализировав список из сборника УЦ-22 (на л. 199–205), сопоставив его со списками УЦ-67 и УЦ-91, сравнив почерки всех трех списков, мы пришли к выводу, что список УЦ-22 на указанных листах также принадлежит Мяндину. Поскольку в настоящее время нами изучено более 80 списков Беседы XV–XX веков (не считая опубликованных текстов), мы можем сделать некоторые предварительные выводы о степени оригинальности мяндинских списков. Представим их подробнее.

Сборник УЦ-67 уже не раз попадал в поле зрения исследователей творчества Мяндина. Вопросно-ответные выписки здесь сделаны в 8 разных местах (от 1–2 до 10 вопросов и ответов). Поскольку Беседа – памятник очень вариативный, включающий вопросы и ответы из разных источников, однозначно отнести все эти выписки к нашему памятнику не представляется возможным. По этой причине представим ниже только те выписки, которые находят параллели в других списках Беседы.

Первая выписка озаглавлена «Из вопроса о женах» (л. 17 об.–19): «Что есть сильнее огня? Вода, ибо и огнь гасит и скверны человеческие омывает, и жажду утоляет. А воды сильнее ветр, ветр бо в воде велие волнение творит. А сильнее ветра гора, ибо гора незыблется от него, а сильнее горы человек, иже копают и входят в ю, а сильнее человека хмель, иже творит его без ума и крепости, а сильнее хмеля сон, утешает бо его и трезвит, а сильнее сна злая жена, и трезва творит, и бодра, аще кто имать злую жену, то над мертвцы не плакать, но о своей печали досыта». Далее следует рассуждение о женах. В списках Беседы вопрос о злых женах встречается достаточно часто [2; 409–411]. Одним из его источников могли быть слова о добрых и злых женах, известные древнерусским книжникам с XI века и часто приписываемые Иоанну Златоусту. Эти слова помещались в Прологах, откуда также могли быть заимствованы в Беседу. Постепенно из этих слов сформировался оригинальный памятник древнерусской письменности «Беседа отца с сыном о женской злобе», особенно популярный в XVII–XVIII веках, который также мог быть источником этого вопроса в Беседе. Чуть далее в УЦ-67 (л. 246–246 об.) находится еще один текст-выписка о злых женах, где перечисляются праведники, от них пострадавшие.

На л. 73–89 в УЦ-67 находятся выписки из разных произведений, таких как Лимонис, Пролог, Катехизис Большой, Благовестник и другие.

Среди этих выписок на л. 82 об.–83 об. помещены три вопроса и ответа эсхатологического характера. Эти вопросы тематически продолжают предыдущее старообрядческое сочинение о конце света. Выписка начинается вопросом: «Где и на коем месте суд имать быти? Ответ: В дому Давидове...» Источник этой вопросно-ответной пары установить пока не удалось, ранее в списках Беседы она нам не встречалась. Следующий вопрос в списках Беседы встречается редко: «Что есть двуна трясется и движится земля, а третиго понести не может? Ответ: Двумя трясется земля еже есть Рождеством и Воскресением Христовым, третияго же понести не может – втораго и страшного пришествия Его, когда приидет судить комужо и воздати по делом его»³. Его источником, по мнению профессора А. С. Архангельского, является Изборник 1073 года [1; 162]. Последний вопрос этой выписки в других списках Беседы также нам не встречался: «Чим будут погибать христиане в последнее время и в чем имати застать их кончина? Ответ: Пияньством, блудом и неправдою, и отречеными прикупы, а застанет их кончина, якоже быша при Нои, женящеся и пося(га)юще, ядуще и пиюще...» (далее текста нет, оторван угол в рукописи). Эсхатологическая тематика вопросов и ответов весьма характерна для старообрядческих списков Беседы. Это связано, прежде всего, с мировоззрением самих старообрядцев, вынужденных терпеть гонения со стороны официальной церкви и светских властей.

Еще одна выписка из двух вопросов и ответов находится в УЦ-67 на л. 196. Первый вопрос очень часто встречается в списках Беседы, а второй пока известен нам только по этой рукописи: «Вопрос: Кто есть неродившийся умре, а родившийся не умре, а умрый не истле? Ответ: Неродивый(ся) умре Адам, а родившийся не умре Енох и Илия с плотию взяти быша на небо, умрый же не истле – Лотова жена обратися в камень. Вопрос: Чим скорее можно спастися? Ответ: Послушанием и терпением бед и напастей».

Выписка на л. 220 в той же рукописи состоит из четырех вопросов и ответов. Как и в предыдущем случае, два вопроса здесь вполне традиционны для Беседы, а два уникальны. «Вопрос: Что у Бога несть? Грехов несть, ибо Господь безгрешен» – частотный текст в Беседе; его отличие в мяндинском списке заключается в ответе, обычно на этот вопрос дается несколько иной ответ: «То несть неправды в нем». Столь же частотной является и следующая вопросно-ответная пара: «Вопрос: Что в меру, что без меры? Ответ: Казнит Господь нас в меру, а милость его без меры» (она содержится и в других мяндинских списках – в УЦ-22 и УЦ-91). К двум другим вопросам из этой выписки пока не удалось найти параллелей: «Вопрос: Что Господь от нас хочет паче и для чего жаждет? Ответ: Господь от нас хочет добрых дел, а жаждет нашего спасения»; «Вопрос: Какия добродетели Господь паче инех истяжет в день судный? Ответ: Милость к ближнему и любовь ко искущением».

Следующая выписка в УЦ-67 находится на л. 301 об.–304 и представляет собой полноценный список Беседы из 10 вопросов и ответов. Но и здесь наряду с традиционными и популярными вопросами («Вопрос: Что есть два стоят, два идут, два минуются? Ответ: Два стоят небо и земля, два идут солнце и луна, два минуются день и ночь»; «Вопрос: Кто есть непоставлен поп, диякон отметник, певец блудник? Ответ: Непоставлен поп Иоанн Креститель, диякон отметник Петр апостол, а певец блудник Давид царь» и другие) в тексте присутствуют оригинальные вопросы: «Вопрос: Когда радость бывает на небеси? Ответ: Тогда, егда грешник показается во всех прегрешениях с чистою совестию от всея душа, сего ради радуются вси (святыи) ангели о нем»; «Вопрос: Кто убийство сотвори спасеся, а не сотвори погибе? Ответ: Повеле Бог Финеесу побити мужа законопреступна, он же пощаде и сего ради изъяде его зверь и погибе, другой же уби того мужа и спасеся». Вопрос из этой подборки «Колико крат Господь заповеда прощати наша согрешения? Ответ: Заповеда Господь Петру, аще брат согрешил седмьдесят крат седмицею на день прощати повеле» кроме анализируемого списка встретился нам еще лишь в одной рукописи: ИРЛИ, Мезенское собрание, № 135 (только вопрос, без ответа).

Всю эту россыпь выписок в УЦ-67 объединяет единство формы и тематики. Вопросы и ответы претендуют на достоверное знание, повествуют о библейских лицах и событиях, о духовной жизни христианина, некоторые из них находят параллели в фольклоре. Их особенность – обилие уникальных вопросов и ответов, которые еще не встречались нам в других списках Беседы. По всей видимости, это оригинальные вопросно-ответные компиляции, составленные из Беседы и других источников.

Большой интерес представляют и списки Беседы из двух других мяндинских сборников – УЦ-22 и УЦ-91. Сборник УЦ-91 сравнительно недавно привлек внимание Т. Ф. Волковой в связи с содержащимся в нем печорским списком Повести о новгородском посаднике Щиле [5; 102–118]. На л. 9–19 в этом сборнике, как отметила Т. Ф. Волкова, находятся тексты, переписанные рукой И. С. Мяндина: на л. 9–11 содержатся мелкие выписки, в том числе три вопросно-ответные пары из Беседы, а на л. 11–19 к ним непосредственно примыкает статья, озаглавленная «Причи и толкования из Божественного Писания». Те же выписки и статья содержатся и в сборнике УЦ-22, но в разных местах: «Причи и толкования из Божественного Писания» – на л. 199–205, а выписки – на л. 146 об.–148 об. Причем «Причи и толкования...» в УЦ-22 тоже переписаны рукой Мяндина, что, как кажется, еще не было отмечено в научной литературе⁴. Сборники УЦ-22 и УЦ-91, таким образом, связаны между собой, но к вопросу об их взаимоотношении обратимся чуть ниже. Прежде представим отмеченные выше тексты.

«Причи и толкования из Божественного Писания» в обеих рукописях не что иное, как Беседа, но не вполне обычная по составу вопросов и ответов. В обоих списках текст состоит из 27 вопросов и ответов. Разнотечения в списках невелики, в основном они прослеживаются на уровне грамматики (например, «что щит» – УЦ-22; «что есть щит» – УЦ-91), реже – на уровне лексики (например, «праздное слово и сладколюбие» – УЦ-22; «праздное слово и славолюбие» – УЦ-91). Для 22 вопросов и ответов нам удалось разыскать аналогии в других списках Беседы, еще к одному вопросу найдены фольклорные параллели; источник остальных 4 вопросно-ответных пар пока неизвестен. Не встретилось нам в других списках Беседы и само название статьи – «Причи и толкования из Божественного Писания», хотя ссылки на Святое Писание встречаются в заглавиях Беседы (например, «Краткия вопросы и ответы, избранные от Святаго Писания» в рукописи музея «Кижи», КП-4261/4). Наличие оригинальных вопросов и ответов в УЦ-22 и УЦ-91 может свидетельствовать об особой местной редакции памятника, хотя, разумеется, пока это только предположение.

К сожалению, небольшой объем статьи не позволяет прокомментировать все вопросно-ответные пары мяндинских списков. Приведем по этой причине лишь несколько примеров.

Обращает на себя внимание следующий вопрос с «толкованием», который пока не встретился нам в других списках Беседы: «Кто в Царстве небеснем не был и впреть не бывает, а носил небо и землю? Толкование: Господь Иисус Христос всегда на жребя ося, егда иде во Иерусалим на вольную страсть». Если книжных параллелей к этому вопросу найти пока не удалось, то фольклорных текстов на эту тему встречается достаточно много. Например, у Д. Садовникова представлены три варианта загадок, схожих между собой: «Кто родился – не крестился, а на себе Христа носил? – крест» (№ 2467) [17; 297], «Родился – не крестился, умер – не спасся, а Христа носил? – Осел» (№ 2201) [17; 272] и «Богу угодил, а свят быть не может? – Осел» (№ 2202) [17; 272]. В. Н. Перетц приводит украинскую загадку: «Родився – не крестився, а був христоносец? – Осел» [13; 197]. У П. Н. Рыбникова в разделе «Обонежские загадки» опубликованы загадки, собранные на территории Карелии в XIX веке. Одна из них – это загадка об осле: «Родился – не крестился, умер – не воскрес, а Бога носил?» [14; 204]. У М. А. Рыбниковой в сборнике 1932 года в разделе «Томские загадки»: «Родился не крестился, а Бога на себе носил, помер – в грехах не каялся» [16; 131]; «Кунгурские загадки»: «Родился – не крестился, умер – не покаялся, Христа на себе носил», «Рожён – не крещен, умер – не похоронен, Бога нашего на себе носил» [16; 169]; «Родился – не крестился, а Христа на себе носил», «Родился – не крестился, а был богоносец» [16; 254]. В. Н. Перетц отмечает, что подобные фольклорные загадки являются травестиями-пародиями на их книжные прототипы [13;

196–197]. Он приводит много таких примеров, но книжные варианты-прототипы загадок об осле ему, по-видимому, не были известны. Среди загадок об осле особенно ярко, на наш взгляд, травестийность выражается в следующем тексте из сборника М. А. Рыбниковой: «Когда Иисус Христос на одной ноге стоял? Когда на осла садился» [16; 170].

Интересными являются и вопросы о правде и кривде: «Вопрос: Что есть змия коня держит, ждет суда? Толкование: Змия – кривда, а конь – правда, а ждет суда Божия, Страшного пришествия Христова» (см. в Приложении, № 3). Эти вопросы и ответы кроме списков Мяндина известны нам также по рукописи XVIII века из Вологодского областного музея (шифр: Кубено-озерское собрание № 14, вопрос № 28). Образы правды и кривды привлекали внимание исследователей: они встречаются в духовной поэзии, на иконах с изображением Страшного суда. Традиционно в состав Беседы входит другой вариант с этими образами: «Вопрос: Стоит щит, на щите заец, прилете сокол и взят зайца и седе ту сова. Ответ: Щит есть земля, а заец правда на земле, а сокол прилете и взят зайца – правда взета от земля на небо, а сова ту седе – неправда на земли вселился» (ИРЛИ, Латгальское собр., № 384, л. 290). Похожий вариант присутствует в списках УЦ-22 и УЦ-91 и располагается сразу же после вопроса о змие и коне (см. № 4). Получается, что Мяндин сознательно поместил рядом два разных варианта на одну и ту же тему. Образы коня и змия появляются еще раз ниже (см. № 25): «Вопрос: Видех змия лежаща при пути, хваташе коня за пяту, и седе конь на заднюю ногу ждый избавления от Бога? Толкование: Конь есть правая вера христианская, а путь – мир сей, а змия – антихрист, а пятя – последние дни века сего, в няже идет антихрист царствовати и разорити веру Христову, дондеже прийдет Господь избавити люди своя». Известно, что конь и змий – устойчивые образы в славянской мифологии: обычно конь (всадник, череп коня) выступает как противник змия – олицетворения злых сил, болезней. Такие представления нашли отражение в письменности, в фольклорных текстах (например, в заговорах) и в иконографии [15; 590–591]. В христианской культуре отождествление змия с дьявольской силой очень традиционно [3; 124–125]. В вопросно-ответной паре № 25, пожалуй, более отчетливо выражены собственно старообрядческие эсхатологические представления: змий означает здесь Антихриста, который в «последняя дни века сего» придет «царствовати и разорити веру Христову». В следующем вопросе (№ 26) вновь встречаются те же мотивы и образы: змий-дьявол лежит в ногах жены-церкви и стережет обновленного святым крещением человека – отрока, чтобы свести его в муку вечную. Таким образом, тема борьбы добра со злом, особенно напряженной в «последние времена», является одной из основных в

мяндинском тексте. Заключительный вопрос с толкованием (№ 27) – «Что есть вода покры море? – Море мир нарицается, а вода – учение книжное изыде во всю Вселенную» – можно понять как выражение надежды на конечную победу добра. «Учение книжное» – то есть в конечном счете Святое Писание, заполняющее «всю Вселенную», – и есть та сила, которая может противостоять дьяволу. Это заключительное утверждение-«толкование» перекликается и с заглавием текста: «Приитчи и толкования из Божественного Писания». Только искушенный в Писании человек сможет избежать дьявольских сетей и муки вечной.

Вернемся к вопросу о соотношении интересующих нас статей в сборниках УЦ-22 и УЦ-91. Эти соотношения можно представить в следующей таблице:

УЦ-22	УЦ-91
	Все указанные ниже тексты написаны рукой Мяндина
«Стоит град на пути...» (традиционный для Беседы вопрос) (л. 146 об.)	«Стоит град на пути...» (л. 9)
«Не ищи, человече...»	«Не ищи, человече...»
«Не тот мудр...»	«Не тот мудр...» (л. 9 об.)
«Не тот милостив...» (л. 147)	«Не тот милостив...»
«Единаго искахом...» (традиционный для Беседы вопрос)	«Единаго искахом...»
«Стоит море ...» (традиционный для Беседы вопрос) (л. 147 об.)	«Стоит море...» (л. 10)
«Златоуст рече...» (л. 148)	нет
«Виноград зелен...» (л. 148 об.)	нет
выписка из книги Максима Грека (л. 149)	нет
«Аще ли преставится...» Почерк Мяндина (л. 150 об.)	«Аще ли преставится...» (л. 10 об.)
«Приитчи и толкования...» Почерк Мяндина (л. 199)	«Приитчи и толкования...» (л. 11)

Из таблицы видно, что в сборнике УЦ-22 только две статьи переписаны рукой Мяндина (на л. 150 об., 199 и далее), остальные статьи написаны в более раннее время поморским полууставом на листах, которые В. И. Малышев датирует по водяным знакам первой четвертью XIX века [8; 79]. Причем текст «Аще ли преставится...» был написан Мяндиным на свободном месте в этой тетради первой четверти XIX века. В свою очередь, перечисленные в таблице статьи в сборнике УЦ-91 все переписаны рукой Мяндина. Очевидно, таким образом, что подборка статей в сборнике УЦ-91 вторична по отношению к сборнику УЦ-22. Вероятно, сначала Мяндин составил рукопись-конволют УЦ-22, скрепив между собой тетради разных лет, дополнив

их своими тетрадями. Пустые листы старых тетрадей Мяндин заполнил различными выписками («Аще ли преставится...» и другими). Текст на л. 9–19 в сборнике УЦ-91 по времени должен был появиться позже: в него Мяндин выборочно выписал своей рукой мелкие статьи из сборника УЦ-22, присоединив к ним список «Притч и толкований...».

Таким образом, все три списка И. С. Мяндина – УЦ-67, УЦ-22, УЦ-91 – отличает оригинальность текстов, наличие уникальных вопросов и ответов. На данном этапе работы мы затрудняемся сказать, каково происхождение этих редких вопросно-ответных пар: сочинил ли их Мяндин сам, или, что все-таки более вероятно,

заимствовал из каких-то других источников (не исключено, впрочем, что было и то, и другое). Ясно одно, что обращение Мяндина к Беседе носило творческий характер: книжник делал многочисленные выписки из апокрифа, на основе Беседы и, вероятно, других вопросно-ответных памятников создавал свои оригинальные компиляции.

В приложении мы помещаем проанализированный выше фрагмент сборника УЦ-91 (автограф Мяндина).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект 10-04-12118в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

// (л. 9) Глава 12.

1. ⁵ Вопрос. Стоит град на пути, а пути к нему нет, а идет посол нем, а несет грамоту неписаную? Толкование: Град на пути – то Ноев ковчег на потопной воде, а посол нем – голубь, грамота неписаная – то сучец масличен во устех голубя. Не ищи, человече, мудрости, ищи, человече, кротости, аще обрящеши // (л. 9 об.) кротость, одолеши и мудрость. Не тот мудр, кто много разумеет; тот мудр, кто много добра творит. Не тот милостив, кто много милостыни творит; тот милостив, кто никого не обидит.
2. Вопрос: Единаго искахом, а трех обретохом, обретохом же и не познахом, но показа нам мертвя девица? Толкование: // (л. 10) Единаго искахом – то есть егда благоверная царица Елена искала во Иерусалиме креста Господня, а найде три креста, и не ⁶возмогша познати креста Господня, и в то время несcosa мертвую девицу оживе.
3. Вопрос: Стоит море на пяти столпех: царь рече «потеха», а царица – «погибель моя»? Толкование: Море на пяти столпех – то в руце человечестей вино держимо, // (л. 10 об.) а царь – тело, а царица – душа. Царь речет, что «море потеха моя», сиреч вино, понеже тело упивается от вина, и веселится, и безчинствует, и от тех вельми печалится и сетует. Аще ли преставится в доме человек, подобает творити по нем поминовение, аще больший, то половинное количество расточи, аще ли меньший, то // (л. 11) хотя третию или четвертую часть из всего стяжания. Ибо сим не токмо умерщму пособие души, но и себе пользует. А имей и не разточает урочную часть, сей дияволу угодие творит и себя погублят скупостию.

ПРИТЧИ И ТОЛКОВАНИЯ ИЗ БОЖЕСТВЕННОГО ПИСАНИЯ

1. Вопрос: Что есть мамона? Толкование: // (л. 11 об.) То есть всякая неправда.
2. Вопрос: Что лоно есть Авраамле? Толкование: То есть наслаждение праведных душ, покой в Царстве небеснем.
3. Вопрос: Что есть змия коня держит, ждет суда? Толкование: Змия – кривда, а конь – правда, а ждет суда Божия, Страшного пришествия Христова.
4. Вопрос: Что есть щит, а на щите заяц, // (л. 12) прилетев сокол, взял зайца, а на то место сову оставил? Толкование: Щит есть земля, а заяц – правда, а сокол – последнее время, а сова – кривда, прилетело последнее время, правда поднялась на высоту, а кривда осталась на земли.
5. Вопрос: Что есть мечь обюодустр? Толкование: Язык злого человека – клеветника и ябедника, и неправеднаго. // (л. 12 об.)
6. Вопрос: Что прообразует ковчег Ноев, и голубь, и сучец масличный? Толкование: Ковчег – церковь апостольская, а Нои – Христос, а голубь – Дух Святый, а сучец масличный – человеколюбие Божии на нас излияся.
7. Вопрос: Почто Бог изведе люди жидовския из Египта в сапозех, а апостолы послы в языцы на проповедание босы и необувены? Толкование: Того ради жиды // (л. 13) в сапозех изведе, соблюдая их от гадов и от терния, апостолы же босы и необувени, яко Христос дал им власть наступати на змия, на скорпия и на всю силу вражию⁸.
8. Вопрос: Который пророк, пришед из земли чюждей, воцарися? Толкование: Израиль работаше во Египте много лет, придоша в землю обетованную и во Иеросалиме поселиша.
9. Вопрос: Который раб // (л. 13 об.) изведе из дому господина своего и уби его вне врат? Толкование: Жидов злонравни распяша Господа вне града Иерусалима на горе Голгофе.
10. Вопрос: Что есть бысть страна язвена и не крепка, и сотвориша домы, и доныне пребывают? Толкование: До Христова воплощения быша языцы язвени неверием и не крепцы крещением быша прежде. Егда же приемше веру и святое // (л. 14) крещение, тогда создаша церкви Божия, и живут доныне соблюдением Господних заповедей.
11. Вопрос: Что Божие в меру, и что Его же без меры? Толкование: Казнит Господь нас грешных в меру, а милость Его без меры.
12. Вопрос: Что есть творит десница, да не весть шуица ея? Толкование: Десница есть творяй милостыню без тщеславия и от правды, а шуица – праздное слово и славолюбие. // (л. 14 об.)

13. Вопрос: Который лучши есть: един благочестив, а другой творит волю Божию? Толкование: Той есть благочестив, иже волю Божию творит. А творяйся благочестив, а воли Божии не творит, сей ни-что же есть, но яко медь звенияци.
14. Вопрос: Что есть воля Божия? Толкование: Еже творити заповеди Божия и слушати учения святых апостол и святых отец, а своя воля отврещи // (л. 15) от себе, и тем сподобитися сыновия звания в будущем веце получити Царство небесное.
15. Вопрос: Кто ни беси виде, ни по земли ходив, а Богу поклонился? Толкование: Иоанн Креститель носим еще во чреве материем. Егда прииде ко Иелисавети Пречистая Дева Мария, тогда отроча взыграси и поклонися Господу во утробе Богоматерем. // (л. 15 об.)
16. Вопрос: Кто принес Богу глубокую воду и убрус неткан, и испроси себе у Него же и сам не имея? Толкование: Блудница принес Богу глубокую воду и рекше слезы. А убрус неткан – власы своими отерши нозе Христове и испроси грехов отпущения, егоже Христос греха не имея у себя отпусти. // (л. 16)
17. Вопрос: Кто не рожден состаревся и паки вниде в материю свою? Толкование: Адам не рожден, а от земли создан и паки вниде в землю.
18. Вопрос: Кто в Царстве небеснем не был и впреть не быват, а носил небо и землю? Толкование: Господь Иисус Христос всед на жребя ося, егда иде во Иерусалим на вольную страсть.
19. Вопрос: Кто есть внук рече: // (л. 16 об.) «Баба, баба, положи мя у себя»; а баба рече ему: «Како тя положу у себя, а ты мне отец»? Толкование: Баба есть земля, а внук – Христос.
20. Вопрос: Кто есть богатый прииде к нищему милостыню просить? Толкование: Иисус Христос прииде ко Иоанну Предотечи просити крещения.
21. Вопрос: Что есть небо бысть, а земли не бысть, // (л. 17) стоит град на пути, а пути к нему несть, идет посол нем, несет грамоту неписану? Толкование: Во время потопа небо бысть, а земля не бе. А град на пути сиречь Ноев ковчег⁹ на потопной воде, посол нем – голубь несет сучец масличный.
22. Вопрос: Что есть шесть стояще, два глаголаста, пять обличаше, а 12 дивляхуся? // (л. 17 об.) Толкование: Егда беседова Христос с самаряниною, тогда стояще шесть часов и пришедше апостоли дивляхуся, по-неже обличи ся пять¹⁰ мужъ имети.
23. Вопрос: Что есть рябь свистит, зовет, ихъже не родил? Толкование: То в пришествие Христово архангел вострубит и мертвии востанут.
24. Вопрос: Кто рече: «О, сыну! Пий воду от своих // (л. 18) студенец и источник, да не проливаются твоя воды в другия источник»? Толкование: Не сотвори блуда с чужею женою, да твоя с иным не соблудит.
25. Вопрос: Видех змия лежаща при пути, хваташе коня за пяту, и седе конь на заднюю ногу ждый избавления от Бога? Толкование: Конь есть правая вера христианская, а // (л. 18 об.) путь – мир сей, а змия – антихрист, а пята – последняя дни века сего, в няже идет антихрист царствовати и разорити веру Христову, дондеже приидет Господь избавити люди своя.
26. Вопрос: Виде жену седящу на мори, змия лежаща при ногу ея, и егда жена та хотя рожати отроча, и змия пожираше? Толкование: // (л. 19) Море есть весь мир, жену менит церкви Божия, змия – диявол. Егда бо церковь Божия святым крещением обновляше человеки, тогда диявол стрегий коегождо да сведет в муку вечную.
27. Вопрос: Что есть вода покры море? Толкование: Море мир нарицается, а вода – учение книжное изыде во всю Вселенную¹¹. ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание, № 91.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь же см. основную библиографию по теме.
- ² Нумерацию листов в сборнике УЦ-22 указываем по каталогу В. И. Малышева, хотя в сборнике имеется и другая пагинация.
- ³ См., например, список Беседы, опубликованный князем П. П. Вяземским: Памятники древней письменности, изд. ОЛДП. СПб., 1880. Вып. I. С. 90. «Вопрос: Что есть потремя земля колеблема, а четвертаго не может понести на себе? Ответ: Рожество Христово, Богоявление и распятие, а втораго пришествия Господня не может понести на себе».
- ⁴ Благодарю В. П. Бураагина за помошь в атрибуции почерка этой статьи.
- ⁵ Нумерация вопросов и ответов в публикуемом списке отсутствует, введена нами для удобства чтения.
- ⁶ Добавлено нами, в рукописи нет.
- ⁷ Добавлено нами, в рукописи нет.
- ⁸ Этот вопрос и ответ встречается в сборнике XV века из собрания Троице-Сергиевой лавры № 122 в статье «Григория Феолога словеса избранныя яже суть толковая» на л. 193, а также в списке Беседы из Вологодского областного музея, шифр: Кубеноозерское собрание № 14 на л. 68–68 об.
- ⁹ Слова «Ноев ковчег» дописаны позднее другим почерком.
- ¹⁰ Исправлено нами, в рукописи «тять».
- ¹¹ Исправлено нами, в рукописи «Вселенную».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский А. С. Творения отцов Церкви в древнерусской письменности: извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений. Казань, 1889. Т. I–II. С. 89–203.
- Бабалык М. Г. Кумулятивная форма в древнерусском апокрифе «Беседа трех святителей» (по северорусским спискам) // Рябининские чтения-2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 409–411.
- Белова О. В. Славянский бестиарий: словарь названий и символов. М.: Индрик, 2001. 320 с.
- Бучилина Е. А. Апокриф «Беседа трех святителей» как памятник средневековой русской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 19 с.

5. В ол к о в а Т . Ф . Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции средневековых повестей. Сыктывкар: СГУ, 2005. 308 с.
6. В ол к о в а Т . Ф . Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 839–890.
7. Л у р ь е Я . С . Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л.: Наука, 1988. С. 89–93.
8. М а л ы ш е в В . И . Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. 216 с.
9. М а л ы ш е в В . И . Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность (По материалам Пушкинского дома). Л.: Наука, 1985. С. 323–337.
10. М и л т е н о в а А . Еготарокрієїс. Съчиненията от кратки въпроси и отговори в старобългарската литература. София: Дамян Яков, 2004. 580 с.
11. М и л ь к о в В . В ., С м о л ь н и к о в а Л . Н . Апокрифическая «Беседа трех святителей» в Древней Руси и ее идеино-мировоззренческое содержание // Общественная мысль: исследования и публикации. М.: Наука, 1993. Вып. 3. С. 149–164.
12. М о ч у л ь с к и й В . Н . Следы народной Библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса: Тип. шт. войск Одесского воен. окр., 1893. 285 с.
13. П е р е т ц В . Н . Студії над загадками // Етнографічний вісник. Київ, 1932. Кн. 10. С. 114–144.
14. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. Петрозаводск: Карелия, 1991. Т. 3. 365 с.
15. П е т р у х и н В . Я . Конь, кобыла, лошадь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. Т. 2. С. 590–591.
16. Р ы б н и к о в а М . А . Загадки. М.; Л.: Academia, 1932. 488 с.
17. С а д о в н и к о в Д . Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 344 с.

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ВИНОГРАДОВ

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета, Мурманский государственный педагогический университет

andvinogradov00@mail.ru

Г. В. ПЛЕХАНОВ О СУБЬЕКТАХ ИСТОРИИ: «ИСКУШЕНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНЫМ»

В статье рассматриваются взгляды Г. В. Плеханова на проблему субъектов истории, описываются черты,ственные марксистскому варианту решения данной проблемы. Вместе с тем выявляются такие характеристики представлений мыслителя, которые имплицитно противоречили материалистической парадигме философии истории.

Ключевые слова: субъект истории, марксизм, трансцендентное

Не секрет, что исторический процесс развития философии иногда демонстрирует удивительные парадоксы. Далекие друг от друга, порой противоположные учения причудливым образом испытывают взаимное влияние, а философская система давнего прошлого может оставаться настолько актуальной, что сформулированные в ее рамках идеи на несколько веков могут определить тенденции движения философской мысли. Анализ таких влияний, выявление того, как к идеям прошлого относились мыслители последующих эпох, позволяет лучше понять их собственные взгляды, высвечивает те различия, которые существовали у философов внутри даже одного и того же направления.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать представления о субъектах истории, сложившиеся у одного из наиболее видных представителей русского марксизма – Г. В. Плеханова. Эта тема представляет интерес в силу того, что материалистический взгляд на субъекты истории (в виде марксизма-ленинизма) господствовал в нашей стране на протяжении большей части XX века. Поэтому изучение того, как эта теория проявилась на российской почве, исследование ее истоков, которыми, в частности, являются взгляды Плеханова, представляется важной историко-философской задачей. Кроме того, исследование разногласий, существовавших между различными направлениями русского марксизма, позволяет лучше понять содерхание того представления о субъектах истории, которое победило и стало определяющим в советский период существования российской философии.

Сущность позиции Плеханова по данному вопросу определяется тем, что он, так же как и В. И. Ленин, являлся ярким выразителем материалистического подхода к истории в русской мысли досоветского периода. Однако при всем единстве отправных посылок их рассуждений во взглядах на субъекты истории у них имеются некоторые расхождения, отражающие сложный

диалектический характер формирования представлений об этом предмете даже в рамках одного направления философской мысли.

Общей исходной установкой понимания субъектов истории для Плеханова и Ленина служило представление о том, что приоритет при исследовании исторического процесса необходимо отдавать не отдельному человеку, а обществу. Человек же представлялся им в несравненно большей степени результатом внешних условий, чем их творцом. Так, Плеханов отмечал, что главная научная заслуга К. Маркса заключается в том, что он «на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит *вне* человека» [6; 608]. Это означает, что и субъекты истории надо искать *вне* человека, в явлениях гораздо более высокого порядка, которым человек подчинен. И Плеханов, вполне в духе марксизма, находит такие субъекты, рассматривая общество с экономической точки зрения.

Указывая на экономику как на ведущий фактор жизни общества, определяющий историческое развитие, Плеханов стремился обнаружить в ней ту главную составляющую, которая своим воздействием в состоянии преобразовать общество. В качестве такой первичной причины исторического развития он указал на производительные силы общества. Плеханов безапелляционно выводил все изменения, происходящие в обществе, из изменения производительных сил: «...внутренней логике развития производительных сил и подчиняется в последнем счете все общественное развитие» [9; 228]. Экономика же, согласно Плеханову, представляет собой лишь производное явление: «...далекая от того, чтобы быть первичной причиной, она сама есть следствие, “функция” производительных сил» [6; 645]. Таким образом, согласно Плеханову, не люди определяют развитие общества, а объективная логика совершенствования производства определяет все его развитие, а также развитие самого человека.

Свое мнение на этот счет Плеханов совершенно определенно выразил в статье «К вопросу о роли личности в истории» (1898). Здесь он утверждает подчиненное положение личности по отношению к экономическим отношениям: все, что может личность в истории, согласно Плеханову, – быть более или менее годной для удовлетворения общественных нужд. Верный своему «монастырскому взгляду», он считал, что история совершается согласно естественному ходу, подчиняется объективным закономерностям, поэтому деятельность личности определяет лишь «индивидуальную физиономию исторических событий», направление же их определяется развитием производительных сил [7; 330].

Теоретической основой подобного представления о характере деятельности субъекта истории Плеханову служило учение о единстве субъекта и объекта, в соответствии с которым существование субъекта рассматривалось как не более чем стадия развития объекта. Это учение вытекало из плехановского понимания материализма как продолжения представления Б. Спинозы о единой субстанции, «для которой протяжение и мысль являются только атрибутами» [11; 339]. В соответствии с этой позицией Плеханов стремился не допускать никакого дуализма в решении фундаментальных вопросов, что в области философии истории проявилось как монистическое подчинение субъективных элементов исторического процесса его объективным факторам. Сам Плеханов выразил это свое стремление следующим образом: «...излагаемое нами учение вовсе не упускает из виду роли разума; оно только старается объяснить, почему разум в каждое данное время *действовал так, а не иначе*; оно не пренебрегает успехами разума, а только старается найти для них достаточную причину» [6; 617]. Но что в понимании материалиста значит «найти достаточную причину»? Это значит указать те объективные условия, которые привели разум к тем или иным решениям. Данное положение ярко отражает настрой Плеханова объяснять действия человека причинами, находящимися в материальной сфере его жизни.

Отразила философия истории Плеханова и марксистское учение о классовой борьбе. Верный главному философскому принципу марксизма о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, Плеханов исходил из представления, согласно которому производственные отношения определяются состоянием производительных сил [8; 658]. В соответствии с этим определенный этап развития производительных сил закономерно порождает антагонистические производственные отношения между общественными классами. Дальнейшее развитие производительных сил должно привести к победе класса, выражающего прогрессивную тенденцию этого развития, и установлению социалистического строя. Задача субъективного фактора в этом закономерно протекающем процессе

заключается в том, чтобы быть выразителем этих объективных тенденций. Плеханов, в соответствии с марксистским представлением, видит в этом функцию пролетариата.

Во всем этом, даже в увлечении спинозизмом, Плеханов принципиально не погрешил против марксизма. Его взгляды вполне согласовывались с представлением Маркса об истории как естественно-историческом процессе, движимом объективной логикой развития производительных сил. Эти силы были вполне имманентны человеческому обществу, они рождались в его недрах и выражали его глубинную сущность. Однако размышления Плеханова о субъекте истории не ограничились указанием только на производительные силы общества. Излагая свои взгляды на протекание исторического процесса, Плеханов четко выделял три его уровня. В качестве общей причины исторического движения он указывал на развитие производительных сил. «Рядом с этой *общей* причиной действуют особенные причины, то есть та *историческая обстановка*, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, то есть той же общей причиной. Наконец, влияние *особенных* причин дополняется действием причин *единичных*, то есть личных особенностей общественных деятелей и других случайностей, благодаря которым события получают, наконец, свою *индивидуальную физиономию*» [7; 332].

Здесь Плеханов, по сути, выделяет три возможных субъекта истории, применяя к историческому процессу философские категории общего, особенного и единичного. Производительные силы – это тот фактор, который, обладая универсальными характеристиками, действует в масштабе всего человечества. Благодаря такому своему свойству он позволяет все человеческое общество рассматривать как субъект истории, поскольку оно при этом приобретает единство исторической жизни. Категория особенного конкретизируется в виде отдельных народов, обладающих теми или иными отличиями в уровне развития и условиях существования производительных сил. Наконец, категорию единичного Плеханов связывает с проявлением личного начала в истории. Таким образом, субъектами истории принципиально могут выступать человечество, народы и личности.

Эта мысль Плеханова заслуживает особого внимания. Благодаря ей впервые в философско-исторической литературе наметился вариант такого решения проблемы субъектов истории, который не абсолютизировал роль ни одного из участников исторического процесса, но учитывал интересы каждого из них. Кроме того, величайшая заслуга Плеханова заключается в том, что он сумел найти методологический принцип, позволяющий непротиворечиво совместить субъекты истории в рамках одного представления. Диалек-

тика категорий общего, особенного и единичного в применении к историческому процессу дает возможность описывать его как одновременное взаимодействие трех его участников, сосуществующих в одном историческом пространстве и времени. Использование данного методологического принципа открывало перспективы для сбалансированного решения проблемы субъектов истории, адекватно отражающего основные стороны исторической реальности.

Но, к сожалению, на практике стремление к нахождению баланса между категориями остается у Плеханова реализованным лишь отчасти: в действительности марксистское понимание истории делает явный крен в сторону всеобщего: всеобщность, выступающая в качестве производительных сил материальной жизни общества, согласно его взглядам, определяет собой все остальные сферы жизни и, при всех оговорках о сложном характере их воздействия, подчиняет себе все особенное и единичное. Даже сам текст, в котором Плеханов формулирует данный принцип, свидетельствует о том, что роль и значение перечисленных субъектов истории представлялись ему неравнозначными. Говоря об особенном в истории, мыслитель связывает его со специфическими проявлениями производительных сил у конкретных народов, историческая обстановка существования которых определяется все той же общей причиной – уровнем развития у них этих сил. В результате наметившаяся было тема оригинальности исторических судеб разных народов у Плеханова не получила дальнейшего выражения. Поскольку основные процессы исторического развития протекают на общечеловеческом уровне в виде совершенствования производительных сил, специфика отдельных народов может проявиться только в отношении опережающего или отстающего их проявления. В статье «О Белинском» (1910) Плеханов критикует его за попытку представить историю России как принципиально отличную от истории стран Западной Европы. Плеханов считал, что крайне странно, как это делал Белинский, объяснять отсутствие в России классовой борьбы ссылкой на то, что русский народ родился «с другим непосредственным откровением истины» [10; 566]. Для Плеханова историческое развитие всех народов принципиально одинаково и основано на совершенствовании производительных сил.

Проявление единичного в истории для Плеханова значимо еще меньше, чем проявление особенного. Во-первых, он указывает на то, что действие единичных причин только дополняет действие причин особенных. А во-вторых, конкретизируя единичные причины, Плеханов практически отождествляет их с категорией случайного, тем самым умаляя значение стоящих за ними личностей как субъектов истории. В этом выразился общий настрой марксистской философии истории, сделавшей предметом своего

изучения явления общечеловеческого характера, свойственные для всех людей, независимо от их национальных или индивидуальных различий. Следствием этого была нереализованность Плехановым предложенного им принципа. Одна из категорий (общее) оказывалась определяющей по отношению к двум другим, попавшим в разряд подчиненных, второстепенных, что не могло не привести к односторонности в решении проблемы субъектов истории.

И тем не менее на констатации этого положения нельзя поставить точку в рассмотрении взглядов Плеханова на субъекты истории. Будучи мыслителем с довольно широким кругозором, он не мог ограничиться указанием на отдельного человека как на статиста в исторической пьесе, к чему неизбежно вел экономический, имманентистский по своей сути подход к истории. Но, не ограничиваясь им, выходя за его рамки, Плеханов неизбежно испытал воздействие принципиально иного подхода, пережил своего рода искушение трансцендентным. Произошло это не в собственно философско-исторической сфере, где он, несмотря на совсем незначительные колебания, демонстрировал приверженность ортодоксальному историческому материализму, а в сфере этики.

Это была единственная сфера, в которой Плеханов допустил некоторые отступления от принципа подчинения личности объективным условиям. Именно в ней личность оказывается у Плеханова наделенной не только имманентными, но и трансцендентными характеристиками. Еще В. В. Зеньковский подметил, что Плеханов, в целом защищая классовый характер морали, временами переходил в этом вопросе на точку зрения И. Канта, рассматривавшего личность как самоцель [1; 39]. Так, автор «Истории русской философии» ссылается на брошюру «О войне» (1914), где Плеханов, совершенно в духе Канта, критикует капитализм именно за то, что тот видит в личности рабочего лишь средство, пренебрегая ею как целью.

Но признание личности в качестве цели ведет к очень серьезным последствиям. Ведь для того, чтобы рассматривать личность как цель, а не как средство, необходимо признать ее самоценность, ее значение, вне зависимости от какого-либо отношения к обществу. Именно это как нельзя лучше уже показал И. Кант в своем учении об автономности нравственной воли человека. Мораль, по Канту, не может быть выведена из условий общественной жизни человека, она не возникает из опыта, но априорна. Моральный поступок человека выглядит как результат внутреннего императива, не только не возникающего из окружающей его действительности, но зачастую противоречащего ей. При таком подходе нравственные принципы неизбежно приобретают трансцендентный характер, ведут за пределы материальной действительности. Недаром сам Кант сделал вывод о том, что «мораль неизбежно ведет к религии» [2; 81].

Таким образом, стремление Плеханова рассматривать человека как цель, доведенное до своего логического завершения, вступает в противоречие с общим материалистическим настроем его философии, так как ведет в область трансцендентного. Но думается, что рассматриваемый мыслитель неспроста поддался этому искушению. Широта его философского кругозора рано или поздно должна была хотя бы интуитивно дать ему почувствовать противоречие между социоцентристской ориентацией марксизма, видящего в человеке «совокупность общественных отношений», и подлинной сущностью человека, выходящей за пределы социальной среды и гарантирующей его самоценность и несводимость к этой среде.

Подобные колебания «первого русского марксиста» замечал не только Зеньковский. Плеханову не раз приходилось публично отмежевываться от приверженности Канту или неокантанству. В этой области мнение Плеханова о характере своей собственной философии расходится с ее внешней оценкой. Но для подобной оценки действительно имеются основания.

Так, касаясь философии Канта, Плеханов критиковал ее за нравственный формализм, за то, что Кант «видел критерий нравственного закона не в содержании, а в форме воли» [4; 460]. Однако очень показательно, что в этой своей критике Плеханов был солидарен с Гегелем, не подвергвшим сомнению абсолютный характер нравственного закона, но лишь считавшим его кантовскую трактовку «отрицательно абсолютной», указывающей на то, чего нельзя делать, а не говорящей, что следует делать. Таким образом, плехановская критика, не касавшаяся абсолютного характера нравственности Канта, молчаливо признавала этот характер со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Надо отметить, что представление об абсолютном характере морали во взглядах Плеханова уживалось с учением о классовой борьбе. Классовый характер морали определялся Плехановым как результат конкретного исторического этапа развития человечества. Такое положение представлялось ему временным и ненормальным, вынужденным определенным уровнем экономического развития общества. В исторической перспективе, с ликвидацией классов, мораль должна приобрести свойственный ей абсолютный характер. В самом общем виде Плеханов выражает эту историческую задачу, вызревающую в капиталистическом обществе, как «общественное освобождение личности» [5; 542]. Отсюда можно сделать вывод, что классовый подход, по Плеханову, не противоречит пониманию сущности личности как носительницы абсолютной нравственности, трансцендентной по своей природе.

В произведениях, написанных в период и после первой русской революции, эта нота приоб-

ретала все большее звучание. Из них видно, что интересы рабочего класса для Плеханова не были самоцелью. В двух статьях серии «Борьба наемного труда с капиталом» (1917) Плеханов пишет о том, что «интересы наемных рабочих могут совпадать с интересами предпринимателей» [3; 131]; когда обе стороны понимают это, «происходит уже не борьба классов, а их *сотрудничество*» [3; 133–134]. Но борьба классов порождена объективной экономической обстановкой, и для их сотрудничества требуется принятие ими какой-то общей основы, лежащей вне их антагонизма, что также логически ведет к трансцендированию за пределы их экономических интересов, в область абсолютной нравственности.

Развитие подобного представления теоретически открывало возможность для дальнейшей плодотворной эволюции понимания субъектов истории в рамках материалистической парадигмы, суть которой могла заключаться в признании самостоятельной роли отдельной личности в силу ее причастности к миру трансцендентного. Но, к сожалению, своего завершения эта идея у Плеханова так и не получила. Его взгляд на субъекты истории сохранил преимущественно имманентистские характеристики. «Искушение трансцендентным» осталось выраженным в имплицитной форме и не повлекло за собой серьезных изменений в философско-исторических взглядах Плеханова. Оговорка о возможности самоутверждения личности в истории через сферу морали была сделана им на фоне признания решающей роли в истории производительных сил общества как ее имперсонального субъекта.

В период и особенно после революции 1917 года в России во взгляде на субъекты истории победила точка зрения Ленина. У него мы не найдем подобных колебаний. Всю его деятельность пронизывает стремление доказать объективную основу протекающих в обществе процессов и как следствие этого – независимость исторического процесса от воли и сознания отдельных людей. Процесс, протекающий преимущественно по естественным законам, не требует никакого субъекта, так как оперирует с объектами. Понятие субъекта при этом приобретает чисто номинальное содержание. Неудивительно, что в советской философской литературе вместо термина «субъект истории» использовался термин «субъективный фактор истории». Некоторые колебания представителей русского марксизма, наподобие рассмотренных в настоящей статье, не поменяли понимания субъектов истории. «Искушение трансцендентным» Плеханова вылилось в недосказанное до конца, полуосознанное стремление придать человеку статус субъекта истории. В таком виде оно не могло оказать сколько-нибудь существенного влияния на философию истории в России. А жаль...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зе́ньковский В. В. Георгий Валентинович Плеханов // История русской философии: В 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 36–41.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.
3. Плеханов Г. В. Борьба наемного труда с капиталом // Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг.: В 2 т. Париж, 1921. Т. 1. С. 127–134.
4. Плеханов Г. В. Генрик Ибсен // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 5. С. 457–508.
5. Плеханов Г. В. Идеология мещанина нашего времени // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 5. С. 528–608.
6. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 1. С. 507–730.
7. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2. С. 300–334.
8. Плеханов Г. В. Материалистическое понимание истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2. С. 634–668.
9. Плеханов Г. В. Нечто об истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2. С. 225–235.
10. Плеханов Г. В. О Белинском // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 4. С. 543–594.
11. Плеханов Г. В. О мнимом кризисе марксизма // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2. С. 335–345.

НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА РИМАШЕВСКАЯ

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

ISESP-RAS@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СБЕРЕЖЕНИЯ НАРОДА

Статья посвящена проблемам демографии и здоровья российского народа. На основе данных Росстата и специальных обследований населения дается характеристика состояния и динамики здоровья населения России, вскрываются причины высокой заболеваемости и смертности; особое внимание уделяется здоровью детей, подростков и молодежи. Предлагаются пути и методы радикального изменения негативного тренда здоровья и выхода из демографического кризиса.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, здоровье, заболеваемость, численность населения, факторы, демографический кризис

Последняя декада XX века отмечена в России, кроме всего прочего, разразившимся **демографическим кризисом**, начало которого условно можно отнести к 1992 году, когда динамика населения преодолела «точку невозврата», оказавшись в зоне естественной убыли, где оно пребывает и по сию пору. Вместе с тем 2008–2009 годы отмечены позитивными тенденциями, которые проходили под воздействием принятых в 2007 году правительственный решений в области демографической политики, но их эффективность будет существенным образом зависеть от продолжительности влияния на демографические процессы. Подобного рода атака, как показывает жизнь не только в России, действует в течение 2–3 лет, а затем, после адаптации к ней населения, все приходит на круги своя. Кроме того, существенную роль здесь сыграло замещение естественной убыли населения миграционным приростом, который существенно возрос за эти два года. Естественная убыль населения в январе–октябре 2009 года уменьшилась по сравнению с соответствующим периодом 2008 года на 116,4 тыс. человек, а увеличившийся миграционный прирост полностью компенсировал численные потери населения и превысил их на 6,1 %.

За период 1992–2008 годов естественная убыль населения, частично компенсированная положительным сальдо миграции, составила 12,5 млн человек (табл. 1). Если мы не сможем в ближайшие 5–7 лет радикально изменить тренд смертности и нездоровья, то в силу инерционности демографических процессов кризис не будет преодолен даже к середине века и численность населения России уменьшится до 100–110 млн, то есть еще на 30 млн человек.

Существует точка зрения, что естественная убыль может быть замещена мигрантами в масштабах убыли, то есть на 500–700 тыс. человек в год. Однако эта идея имеет значительно больше негативного, чем позитивного, если вообще мо-

жет быть реализована. Ее легко провозглашать, не думая о последствиях, но следует иметь в виду, что для мигрантов нужен масштабный жилой фонд, которым сегодня не обеспечены даже граждане России, а также соответствующие рабочие места, дефицит которых увеличивается вследствие финансово-экономического кризиса. По оценкам экспертов, еще в 2010 году продолжится рост безработицы.

Для полного замещения поколения родителей поколением детей суммарный коэффициент рождаемости (число детей, в среднем рожденных одной женщиной в репродуктивном возрасте) должен быть не меньше 2,15. Но в последнее 20-летие этот показатель был существенно ниже и менялся следующим образом: 1,547 в 1992 году, 1,157 – в 1999-м, 1,494 – в 2008-м.

Таблица 1
Естественное и миграционное движение населения (млн человек)

	1991– 1995	1996– 2001	2001– 2005	2006– 2008
Число родившихся в расчете на год	1,5	1,3	1,4	1,6
Число умерших в расчете на год	2,0	2,1	2,3	2,1
Естественная убыль в расчете на год	0,5	0,8	0,9	0,5
Уменьшение населения за период	2,5	4,0	4,5	1,5
Уменьшение населения за 1991–2008 годы				12,5 млн чел.
Миграционный прирост за 1991–2008 годы				5,7 млн чел.
Миграционный прирост за период	2,5	2,1	0,8	0,3
Возмещение естественной убыли, %	100	50	20	20

Масштабы рождаемости определяют два комплекса факторов: а) репродуктивный потенциал и б) репродуктивное поведение.

Репродуктивный потенциал нашего населения хорошо просматривается в перспективе и, к сожалению, не радует, так как:

- ближе к середине века в репродуктивный возраст войдут относительно малые когорты женщин;
- репродуктивный возраст уменьшается вместе с падением здоровья населения; достаточно отметить, что уже сегодня 15–20 % брачных пар бесплодны;
- негативно действует и традиционное распространение абортов как следствие низкой культуры регулирования деторождения.

Не лучшая ситуация складывается и с репродуктивным поведением, которое характеризуется:

- устойчивым снижением брачности и ростом разводов;
- торжеством модели однодетной семьи, о чем свидетельствуют материалы переписи 2002 года, когда 34 % семей имели одного ребенка, 15 % – двух и 3 % – трех и более;
- отказом от рождения детей («чайлдфри»);
- все более широкой конкуренцией детей с социальными благами в виде карьерного роста, увеличения доходов и потребления;
- низким уровнем жизни, и прежде всего оплаты труда: 40 % работников имеют заработок, не обеспечивающий его самого и одного ребенка.

В процессе демографического воспроизведения лидирует смертность, а не рождаемость (в 2008 году умерло 2 млн 80 тыс. человек, родилось – 1 млн 710 тыс.). При этом свыше 80 % смертей есть следствие нездоровья и различных форм недуга. Из сказанного следует, что главный путь преодоления демографического кризиса (особенно сегодня) – это укрепление здоровья и снижение вследствие этого смертности.

Вместе с тем значение здоровья определяется не только его демографической ролью. Здоровье – это характеристика человеческого потенциала и человеческого капитала, определяющего экономическую мощь страны, это главный компонент качества жизни, измеряемого ее продолжительностью в условиях свободного выбора. С другой стороны, качество жизни – главный параметр ее ценности для человека. Важно не только долголетие, но и способность человека сохранять с годами здоровье, тонус и жизненную энергию, само желание жить [9; 47], что является активным источником динамического развития общества и придет на смену новейшим технологиям как главный фактор экономического роста, решающий компонент VI технологического уклада, который непосредственно будет определяться здоровьем населения.

Во главе социальной политики Российского государства как главный приоритет должно стоять здоровье во всех его многогранных аспектах.

1. СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

ВОЗ определяет здоровье как состояние полного физического, психического и социального благополучия. Причем физическое здоровье – это способность выполнять каждодневную работу, включая заботу о себе; психическое здоровье – это состояние человека в гармонии с самим собой; социальное здоровье отражает позитивные отношения с другими людьми, готовность оказать помощь и способность принять ее.

Существуют два уровня рассмотрения и оценки здоровья:

1. Популяционный (общественное здоровье), относящийся к населению определенной территории, страны, региона, города;
2. Индивидуальный, характеризующий отдельного человека.

Состояние общественного здоровья целесообразно оценивать на основе сравнения с другими странами и территориями, а в качестве характеристик использовать по крайней мере три:

- продолжительность предстоящей жизни (ППЖ),
- уровень заболеваемости населения,
- уровень инвалидизации.

В России самая низкая ППЖ среди европейских стран: в 2008 году она была равна 67,9 года по населению в целом. Учитывая, что в нашей стране ППЖ существенно (на 12–13 лет) различается по полу, его следует всегда определять раздельно для женщин и мужчин. В сравнении с другими странами эти индикаторы представлены в табл. 2.

Таблица 2
Продолжительность предстоящей жизни (лет)

Страна	Для мужчин	Для женщин
Россия	61,4	73,9
Австрия	77,2	82,8
Финляндия	75,9	83,1
Швеция	78,8	78,6

ППЖ формируется в зависимости от состояния смертности. В России общий показатель смертности в 2008 году достигал 14,6 на 1000 жителей, в то время как в развитых странах он был лишь 8, а в развивающихся – 12. В результате из 180 стран по этому индикатору наша страна оказалась лишь на 100-м месте.

Причиной такого уровня смертности является высокая заболеваемость: в 2008 году зарегистрировано больных с впервые установленным диагнозом 772 на 1000 человек населения, то есть почти 80 % граждан. Неудивительно, что специальные исследования, базирующиеся на показателях индивидуального здоровья, позволили получить следующие оценки состояния здоровья населения страны:

- 3 % абсолютно здоровых;
- 24 % относительно здоровых;

- 3 % с очень плохим здоровьем (инвалиды);
- 70 % относительно плохое и плохое здоровье (свыше 2 хронических заболеваний).

Особую озабоченность вызывают болезни социальной этиологии, среди которых следует отметить туберкулез (395 тыс. человек в 2007 году) и сифилис (437 тыс. человек в 2007 году) [8; 228]. Существенное влияние на качество репродуктивного здоровья населения оказывает эпидемия ВИЧ/СПИД. 80 % больных с диагнозом ВИЧ являются людьми fertильного возраста, ведущими активную сексуальную жизнь, а 44 % – это молодые женщины с репродуктивными возможностями. В результате до 35 % возросла доля гетеросексуального пути передачи этой инфекции. Растет число детей от инфицированных матерей, в 2006 году их было 33 844.

Широкое распространение получили психические нозологии: за помощью в связи с психическими расстройствами в 2007 году обратились 4 млн 357 тыс. человек, а общее число нуждающихся в контактах с психиатрами – 52 млн человек, то есть 1/3 населения. При этом уровень психических расстройств среди детей на четверть выше, чем у взрослых. За 2001–2003 годы число несовершеннолетних, имеющих инвалидность по причине умственной отсталости, увеличилось в 2 раза. Алкоголизмом и алкогольными психозами страдают 2 млн 290,7 тыс. человек, а наркоманией – 368,3 тыс. человек, число потребляющих наркотики, согласно официальной статистике, – около 500 тыс., а фактически – 3,5–4 млн человек. В 2007 году число умерших от причин, связанных с употреблением алкоголя, составило 75 200 человек, из них 37 % – от случайных отравлений, 38 % – от алкогольной кардиомиопатии [2; 336].

Уровень инвалидизации в России определяется численностью инвалидов, которых сегодня более 12 млн, и их ежегодным приростом в размере около 1 млн человек. Относительное число инвалидов в России в 5 раз больше, чем в развитых странах.

Социальное здоровье (благополучие) изменяется через асоциальное поведение с помощью композитного индекса, интегрирующего первичные показатели асоциального поведения – самоубийства, убийства, психические расстройства, социальное сиротство, разводы и т. д. (табл. 3) [10; 112–117].

Таблица 3

Композитный индекс социального здоровья в странах Европы в 2006 году

Страна	Композитный индекс
Россия	4,97
Эстония	5,20
Литва	5,63
Украина	6,31
Чехия	6,65
Белоруссия	6,79
Финляндия	6,89
Венгрия	7,20
Дания	7,50

Таблица 4
Динамика индивидуального здоровья населения Таганрога (%)

Состояние здоровья	1981	1989	1993	1998
«Хорошее и отличное»	62,6	47,0	45,4	36,1
«Удовлетворительное»	24,8	37,8	35,7	44,7
«Плохое и очень плохое»	12,6	15,2	18,9	19,2
Средняя оценка (в баллах)	3,63	3,39	3,29	3,18
Доля лиц, имеющих хронические заболевания	29,4	43,3	48,0	60,7

Таблица 5
Динамика индивидуального здоровья населения Москвы (%)

Состояние здоровья	1996	2004
«Отличное»	8,5	5,0
«Хорошее»	51,6	30,0
«Удовлетворительное»	31,3	53,6
«Плохое»	8,7	11,4
Средняя оценка (в баллах)	3,6	3,13

Композитный индекс, характеризующий психологическое состояние российского общества за период 1990–2006 годов, в баллах составил в 1990 году – 6,68, в 1991-м – 6,47, в 1992-м – 5,78, в 1993-м – 4,89. Динамика данного индикатора демонстрирует существенную неустойчивость и имеет тенденцию к снижению позитивного психологического состояния населения в последние 15 лет.

20-летние обследования индивидуального здоровья населения позволили выявить ряд его специальных характеристик [6; 26].

Во-первых, показатель здоровья имеет устойчивый нисходящий тренд (табл. 4).

Во-вторых, средняя оценка здоровья населения в Москве – 3,13 балла (табл. 5), а для страны этот показатель составляет около 3,2 балла по 5-балльной шкале [3; 15].

В-третьих, особую озабоченность вызывает здоровье детей и молодежи, которое снижается интенсивнее, чем у взрослых. Каждый год новорожденные приходят в этот мир с меньшим потенциалом здоровья: в 1990 году родились большими или заболели сразу после рождения 14,7 % детей, а в 1995-м их было 28,5 %, в 2000-м – 38,0 %, в 2005-м – 40,7, в 2006-м – 38,9 %, в 2008-м – 37,3 % [4; 26]. На протяжении жизненного цикла интенсивность падения здоровья у детей выше, чем в среднем по всем группам населения, а проблемы заболеваемости в целом вопреки здравому смыслу перемещаются из групп престарелых в группу детей и молодежи. Здоровье каждого следующего поколения ниже, чем у предшествующего: у наших детей оно хуже, чем у нас, здоровье внуков еще ниже, чем у наших детей.

Дети, рожденные больными, не проходят реабилитации в течение жизненного цикла и, вступая в репродуктивный возраст, воспроизво-

дят больное поколение. С каждым годом репродуктивный потенциал снижается, а общество все глубже втягивается в некую «социальную воронку» нездоровья. Чтобы выбраться из нее, необходима жизнь не одного поколения. Если не остановить этот негативный процесс, он может оказаться необратимым.

В-четвертых, социальные условия препятствуют реализации биологических резервов человека, заложенных природой, разрушают этот ресурс. Развитие индивида с биологической точки зрения должно продолжаться до 35-летнего возраста, но в конце 1970-х годов «пик» здоровья отмечался в 25 лет, а затем падал и к концу 1980-х снизился до 16 лет. В преддверии нового века человек оставался с тем потенциалом, с которым он родился. Социальные факторы вызывают состояние «упущенного» здоровья, а сопоставление реального здоровья и биологического потенциала организма раскрывает возможности общества.

В-пятых, изменение здоровья в течение жизни происходит не плавно, а «ступенчато». Кризисные точки указывают на возрастные группы риска: у женщин резкий спад здоровья относится к 40 годам, а у мужчин – к 50.

В-шестых, был выявлен гендерный парадокс здоровья, состоящий в том, что продолжительность предстоящей жизни у мужчин на 12–13 лет меньше, чем у женщин (в 2007 году 59,6 года против 72,6 года соответственно), а индивидуальный потенциал текущего здоровья у них выше в среднем на 10 %. Это объясняется биологическими и социальными факторами, что в значительной мере диктует необходимость гендерного характера социально-демографической политики.

Биологические причины сводятся к следующему. Женщина как хранительница человеческого вида обеспечивает его биологическую устойчивость. Ее организм выносливее, она способна к меньшим нагрузкам, но может нести их постоянно и долго. Мужчина обладает экспериментальным и в силу этого менее стабильным организмом. Его организм более уязвим и характеризуется слабым иммунитетом. Мужчина работает интенсивнее, но быстрее выдыхается, он тревожнее и менее устойчив эмоционально, больше подвержен кризисам. У него более низкий резерв гормональной системы, что делает его менее защищенным перед стрессом. Для мужчин характерен относительно высокий уровень обмена веществ, в том числе большая интенсивность свободнорадикального окисления. С этим связана повышенная опасность возникновения клеточных мутаций. Неслучайно, что гораздо чаще мутации наблюдаются в мужской Y-хромосоме и по мужской линии передается в 10 раз больше наследственных заболеваний. На мужчинах природа экспериментирует, не рискуя более ценной для сохранения вида женской особью [2; 11].

Гендерное воздействие на здоровье имеет и социальные причины. На рынке труда мужчины занимают рабочие места с большим риском,

травматизмом, вредными условиями. 37 % из них работают в неделю более 40 часов. У мужчин в 2–3 раза выше заболеваемость туберкулезом и в 6–8 раз выше смертность от этой нозологии. У них чаще встречаются и вредные привычки. Более половины мужчин (53,6 %) курят табак, а курящих женщин лишь немногим более четверти (27,2 %). Низкое потребление алкоголя относится к 39,2 % мужчин и к 78 % женщин. Суицид у мужчин в 6–8 раз чаще, чем у женщин, а самосохранительное поведение развито существенно слабее. Стремясь материально обеспечить семью, российские мужчины конвертируют свое здоровье в доход, в отличие от процессов, наблюдаемых в европейских странах. Женщины чаще болеют и, как известно, несут две социальные нагрузки – воспитание детей и участие в экономической деятельности, чем, прежде всего, определяется их более низкое текущее здоровье.

Существенное значение имеет репродуктивное здоровье, от которого зависит воспроизводственный потенциал населения. Статистика отражает рост заболеваний, влияющих на репродуктивные функции. Речь идет, прежде всего, о болезнях эндокринной системы, число которых за период 1992–2006 годов увеличилось в 2 раза, а у подростков – в 3,5 раза. Наблюдается низкое здоровье беременных, около 40 % которых страдают анемией; растет заболеваемость ВИЧ у женщин, а также ранняя беременность у несовершеннолетних. Наконец, лишь менее чем у одной трети женщин роды проходят в соответствии со стандартами. Следует подчеркнуть, что анемия как заболевание, возникающее при недостаточном питании, выступает четким маркером низкого уровня материальной обеспеченности значительных слоев населения. Это означает, что дети сегодня часто рождаются в негативных условиях.

Продолжает интенсивно снижаться здоровье детей, о чем свидетельствуют специальные наблюдения, проводимые в режиме реального времени с момента рождения ребенка. Они позволили получить ряд новых выводов, объясняющих падение здоровья детей и молодежи, а именно:

- около 40 % детей рождаются больными или имеют риск заболеваний непосредственно после родов;
- ухудшение здоровья детей есть непосредственное следствие снижения здоровья женщин;
- происходит постоянное накопление груза патологий в последующих поколениях российского населения;
- формируется порочный круг бедности и болезней детей, прежде всего потому, что примерно половина из них рождается в бедных семьях или имеет риск бедности.

Неслучайно всероссийское наблюдение здоровья в 2002 году констатировало, что лишь 32 % детей здоровы, 16 % имеют хронические болезни, 52 % страдают функциональными рас-

стройствами [8]. Статистика год от года отмечает ухудшение индикаторов здоровья российских подростков и молодежи. На фоне хронических заболеваний, которые возникают к окончанию школы у 80 % подростков, фиксируются высокие показатели репродуктивной патологии: у 60 % девушек и у 46 % юношей до 18 лет [5].

Снижение здоровья с начала 1990-х годов главным образом из-за реформ, именуемых «шоковой терапией», явилось прямым следствием не только катастрофического падения уровня жизни, но и более общих и глубоких социально-демографических процессов. Об этом ярко и убедительно писал Питирим Сорокин, оценивая влияние революции (реформации) на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность. В результате реформ возникает радикальная деформация поведения, изменяющая биологический состав населения, уменьшая его количество и снижая качество. В конечном счете проявляется процесс отрицательной селекции населения, ухудшается «биологический наследственный фонд положительных свойств народа», способствуя его деградации и вырождению [7; 183, 198].

Повышение кривой смертности и понижение кривой рождаемости в итоге приводят к уменьшению естественного прироста. А следствием этого неизбежно становится уменьшение численности детей, сопровождаемое ухудшением их здоровья, что наблюдается в течение последнего 20-летия. Это явление неизбежно и прямым образом вызывает трудности инновационной модернизации экономики и реализации нового технологического уклада, появление которого зависит от доли молодежи в трудовых ресурсах, поскольку новые технологии устаревают каждые 10 лет, а их усвоение – это удел молодых.

2. ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ НЕЗДОРОВЬЯ

Состояние и динамика здоровья населения России, наблюдавшиеся в течение двух последних десятилетий, приводят к выводу о наличии драматической ситуации, свидетельствующей об устойчивом негативном тренде. Его опасность состоит в приближении к «точке невозврата» не только в части количественного воспроизведения, что наше население уже прошло, но и качественного, когда трудно развернуть большое общество, а демографические потери приумножаются. Для радикального предотвращения негативных тенденций необходимо по крайней мере знать факторы и причины нездоровья, тщательно их оценить, чтобы правильно сформулировать меры социальной политики.

По заключению ВОЗ, здоровье на 50–55 % определяется образом жизни человека (населения), на 8–10 % – системой существующего здравоохранения, на 20–25 % – состоянием окружающей среды, на 15–20 % – генетической составляющей. Понятно, что для формулирова-

ния социальной политики, направленной на улучшение здоровья граждан, в первую очередь важно знать, как структурируются факторы образа жизни (50–55 %).

Широкие междисциплинарные исследования, позволившие выявить детальные причины формирования нездоровья, относящиеся к социально-демографической сфере, показали, что популяционное и индивидуальное здоровье регулируются по-разному, несмотря на то что в конечном счете весь комплекс их воздействий оказывается взаимосвязанным.

На макроуровне здоровье определяется общим развитием страны, ее экономическим, социальным и политическим потенциалом. Наиболее общим индикатором, характеризующим возможности и мощность страны, является величина валового внутреннего продукта (ВВП) в расчете на душу населения. От объема и распределения ВВП зависят:

- экологические условия жизни в стране;
- развитость и технологический уровень здравоохранения как отрасли оказания медицинских услуг, включая профилактику;
- условия, уровень, образ и качество жизни населения.

Популяционное здоровье находится в органической взаимосвязи со множеством причин формирования индивидуального состояния человека, которые могут быть иерархизированы по масштабу, силе и объекту воздействия. Некоторые факторы имеют эффект непосредственного влияния, другие оказывают косвенное действие, а третьи играют роль спускового механизма, определяющего процесс во времени. В этих условиях проблема состоит в том, чтобы распознать среди них основополагающие, контролируя которые можно было бы легче устраниć или ослабить негативный эффект.

Отправной точкой факторного анализа оказывается диапазон различий в «исходном» потенциале здоровья, детерминированном генетически и проявляющемся в запасе защитных сил организма, степени его сопротивляемости патологическим воздействиям. Факторы обнаруживаются либо как единовременная реакция организма, либо через некоторый промежуток времени, в течение которого могут накапливаться патогенные последствия. Временной лаг зависит, с одной стороны, от природы, продолжительности и интенсивности их воздействия, с другой – от индивидуальных особенностей организма, запаса его защитных сил.

Множество причин, контролирующих здоровье/нездоровье на микроуровне, интегрируются в три факторных агрегата.

Первый агрегат определяет уязвимость новых поколений, значительная часть представителей которых рождается больными или заболевает непосредственно после рождения. В течение жизненного цикла состояние детей не улучшается, доля абсолютно здоровых постоянно

уменьшается, и к окончанию школы здоровыми подходят менее 10 % детей и подростков. Официальная статистика показывает, что в России около одной трети детей здоровы, чуть более половины имеют функциональные отклонения, а остальные хронически больны. Два главных обстоятельства социально-экономического характера определяют этот процесс падения здоровья детей и подростков. Одно из них связано с состоянием беременных и кормящих матерей, до 40 % которых страдают анемией. При этом менее половины детей находятся на грудном вскармливании [4; 25–26]. В 2008 году на 1000 детей, достигших одного года, было зарегистрировано 2,5 тыс. заболеваний. В возрасте от 0 до 14 лет зафиксировано 38,3 млн больных с впервые установленным диагнозом, в числе которых около 10 % страдали анемией; доля таких детей возрасла с течением времени и за период с 1995 по 2008 год увеличилась почти в 2 раза [4; 28]. Заболеваемость подростков и молодежи (в возрасте 15–17 лет) несколько снижается, оставаясь все-таки существенно высокой. В 2008 году на группу детей от 0 до 14 лет на 100 тыс. соответствующего возраста приходилось 182,7 тыс. болезней; в возрасте 15–17 лет количество заболеваний уменьшилось до 124,9 тыс.

Второе обстоятельство связано с тем, что семьи с детьми, особенно при наличии не одного, а двух-трех детей, имеют относительно низкий уровень жизни. Половина домохозяйств, где рождаются дети, располагают доходами ниже или около прожиточного минимума, то есть являются бедными или имеют существенный риск бедности. Об этом свидетельствуют данные официального обследования семей – НОБУС. Среди имеющих относительно благополучное материальное положение женщин с «отличным» здоровьем в 2,6 раза больше, чем в группе, которая ограничивает себя даже в покупке продуктов питания. А состояние женщины в детородном возрасте – это главный фактор, обуславливающий здоровье новорожденного. Из общей численности малоимущего населения в 2008 году более пятой части (22,3 %) составляли дети в возрасте до 16 лет [4; 80].

Второй агрегат факторов связан с потерей эффективной трудовой мотивации, позволяющей трудом обеспечить достойное существование себе и своей семье. Высокопроизводительный труд, необходимый для этого, с одной стороны, требует большого волевого усилия работника, а с другой – законодательно установленного минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума [2; 14]. В условиях господствующих в России гендерных стереотипов патриархального характера, когда мужчина выполняет роль добытчика, падение трудовой мотивации в первую очередь негативно воздействует на него. Отсюда и возникновение эффекта сверхсмертности мужчин в период реформ, направленных на формирование рыночной экономики.

Известно, что сегодня минимальная заработная плата в России в 5–7 раз ниже, чем в Европе, и в 10 раз ниже, чем в США. Это приводит к сверхзанятости работника, который готов конвертировать свое здоровье в заработок, а не трансформировать доход в улучшение своего личного состояния.

Разумеется, в равной мере негативное воздействие оказывают три обстоятельства: низкий уровень оплаты труда, безработица и снижение семейных доходов в целом. Складывающаяся таким образом бедность населения вызывает целый комплекс биологических явлений, начиная с затяжного эмоционального стресса, повышенной тревожности, уменьшающих сопротивляемость организма к патологическим воздействиям и в конечном счете приводящих к срыву динамического стереотипа высшей нервной деятельности. При ухудшении условий существования человека повышается интенсивность окислительного обмена, необходимого для энергетического обеспечения жизнедеятельности организма в изменившейся среде. А это, в свою очередь, увеличивает образование свободных радикалов и окислительных повреждений ими ДНК, что ведет к инфарктам, инсультам, злокачественным образованиям, диабету и гепатитам.

Бедность тройным образом усугубляет ситуацию со здоровьем отдельных групп и слоев общества, а именно:

- малообеспеченность имеет плохую «социальную наследственность», так как бедные воспроизводят бедных;
- условия жизни в бедности кумулятивно воздействуют на здоровье, ухудшая его потенциал в контексте наследственности;
- населению, находящемуся за границей бедности, сложно воспользоваться качественными медицинскими услугами, которые сегодня имеют преимущественно платный характер.

Не меньшее влияние на состояние здоровья населения оказывает сложившаяся в России чрезвычайно высокая социальная поляризация. Это явление оказывает негативное воздействие как на микро-, так и на макроуровне. Эксперты ООН сравнили развитие населения Бразилии, Венесуэлы и Таиланда. Первые две страны достигли относительно лучших экономических показателей и более высоких средних доходов на душу населения при более существенной дифференциации. В Таиланде, где экономические показатели оказались скромнее, но распределение доходов было более равномерным, увеличение ожидаемой продолжительности жизни и переход на современный тип воспроизводства населения происходили быстрее [1].

Социальное неравенство в России как результат существующей в обществе системы распределительных отношений действует на здоровье населения по следующим направлениям. Во-первых, интенсивное вхождение страны в со-

стояние поляризации вызывает массовую фрустрацию населения, продолжительный стресс и слом динамического стереотипа высшей нервной деятельности. Во-вторых, неравенство создает напряжение в обществе, проявления агрессии, отчаяния и безнадежности, вызывающие разные формы социального незддоровья, например алкоголизм и наркоманию, играющие вторичную роль в реакции на весь круг обстоятельств, в которых оказывается человек. В-третьих, расслоение в обществе ведет к маргинализации отдельных групп населения с выделением нищих, бомжей, беспризорных детей, проституток, в наибольшей степени подверженных болезням социальной этиологии (резистентная форма туберкулеза, все формы гепатита, сифилис, ВИЧ-инфекция).

Третий агрегат факторов здоровья базируется на низкой оценке человеческой жизни, возникающей отчасти под воздействием привлеченной в Россию теории «экономически эффективного населения». Главным становится не человек, а экономический рост, который определяет все аспекты социальной политики, включая интенсивность, масштабы и направления модернизации здравоохранения. На микроуровне этот комплекс связан с внешними условиями, в значительной мере определяющими образ жизни. Обобщающим фактором становится уровень самосохранительного поведения, который имеет две экстремальные точки: витальное (позитивное) и патогенное (разрушительное). Одна из них способствует укреплению здоровья, а другая, связанная прежде всего с вредными привычками, разрушает его.

Особое место в третьем комплексе факторов принадлежит жилищным условиям в широком смысле. Большое внимание уделяется качеству жилища, определяемого его типом, плотностью заселения, изолированностью и т. д., а также всем характеристикам инфраструктурного характера, в том числе транспортным условиям, развитости предприятий торговли и бытового обслуживания, обустроенностии территории.

Не меньшее значение имеет и состояние здравоохранения, маркетизация которого привела к разрушению его как системы и неспособности эффективно выполнять свои задачи, так как организаторы здравоохранения связывают их прежде всего с расширением и управлением финансовыми потоками.

3. ПУТИ И МЕТОДЫ РАДИКАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ТРЕНДА ЗДОРОВЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Традиционно понятие «здоровье населения» подменяется состоянием и развитием здравоохранения, что вводит в заблуждение при определении приоритетов социальной политики. Количество врачей и больничных коек, а также уровень медицинских технологий, разумеется, влияют на здоровье, но совсем на другом этапе

и лишь тогда, когда оно уже целиком или частично потеряно. Без учета этого приоритеты социальной политики будут носить ложный характер, а ресурсы, направляемые в сферу медицинских услуг, использоваться неэффективно.

Три комплекса рассмотренных выше социально-экономических факторов показывают, что в основе каждого из них лежит прежде всего материальная обеспеченность населения, реальные масштабы бедности и социальной поляризации. Устойчивый негативный тренд состояния и динамики здоровья, наблюдаемый сегодня в России, отнюдь не случаен, о чем свидетельствуют данные, касающиеся жизненного уровня населения:

- каждый десятый работник получает заработок ниже прожиточного минимума, который фактически сформирован на биологическом уровне;
- заработка 40 % работников настолько низок, что они не могут обеспечить воспроизводство себя и одного своего ребенка;
- вопреки утверждениям официальной статистики, доля семей, находящихся за границей бедности, то есть с доходами ниже прожиточного минимума, не имеющих возможности удовлетворять социальные потребности, составляет более 30 %;
- несмотря на кризисное состояние экономики, продолжает возрастать социальная поляризация, достигшая размеров 1:17 по соотношению доходов 10 % наименее обеспеченных и богатых;
- доля бедных слоев населения и неравенство доходов усугубляются громадными различиями в жилищных условиях, складывающихся как в мегаполисах, так и в селах и малых городах.

Решающее значение для преодоления в стране негативного тренда имеет не столько экономический рост с удвоением или утроением ВВП, сколько существенная реструктуризация распределительных процессов, что позволит решить ряд наиважнейших социально-экономических задач, в конечном счете определяющих здоровье населения. Среди них отметим два важнейших направления:

- существенное (по крайней мере, в два раза) повышение прожиточного минимума как главного социального стандарта, гарантированного государством не на словах, а на деле каждому (!) гражданину, что существенно приблизит границу бедности в стране к стандартам, принятым сегодня в Европе;
- соответствующий (в разы) рост минимальной оплаты труда, гарантированной каждому работнику.

Реализация этих условий усилит трудовую мотивацию и улучшит все определяющие доход семьи факторы, включающие удовлетворение комплекса базовых потребностей человека. А без этого не только трудно, но бессмысленно говорить об улучшении здоровья населения,

снижении смертности и повышении продолжительности жизни. Одновременно фактически снизится бедность в стране, а также чудовищное неравенство в доходах и оплате труда.

Без использования перераспределительных механизмов в пользу малообеспеченных невозможно разрушить негативный тренд здоровья в современной России, и чем дальше мы будем откладывать начало этого процесса, тем большим числом граждан страны заплатим за это, как уже было в 90-х годах прошлого века.

Радикальное изменение тренда здоровья в современной России возможно лишь на базе формирования Программы здорового человека, подобно, например, тому, как в Японии существует Программа умного человека. И не надо бо-

яться роста инфляции, а также разбалансированности макроэкономических показателей, потому что нет ничего страшнее гибели и существенного уменьшения численности населения страны. Речь должна идти не о средних показателях, не имеющих смысла при существующей дифференциации доходов, а о характере распределения. Не раз уже говорилось, что в России разработаны и экспериментально проверены механизмы перераспределения, касающиеся системы оплаты труда, налогов, а также расширения комплекса социального страхования, которые давно применяются в странах ЕС и США.

Нужна политическая воля и признание не на словах, а на деле приоритета жизни и здоровья человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. В., Янушанец О. И., Баранов Г. М. Роль демографических процессов в экологии человека // Народонаселение. М.: ИСЭПН, 2001.
2. Величковский Б. Т. Стратегия охраны здоровья населения России. Патогенетическое обоснование медицинских и социальных приоритетов. М., 2003. 27 с.
3. Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения. Основные результаты выборочного обследования. 2008 г. М.: Росстат, 2009.
4. Дети в России. 2009. ЮНИСЕФ. М.: ФСГС, 2009. 121 с.
5. Итоги всеобщей диспансеризации детей Российской Федерации. М.: Минздрав, 2002.
6. Сбережение народа / Под ред. Н. Римашевской. М.: Наука, 2007. 326 с.
7. Сорокин П. А. Социология революции. М.: Россспэн – «территория будущего», 2005. 703 с.
8. Социальное положение и уровень жизни населения России, 2008. М.: Росстат, 2008. 503 с.
9. Экология человека в изменяющемся мире / Под ред. В. А. Черешнева. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 570 с.
10. Юревич А. В. Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестник Российской академии наук. 2009. Т. 79. № 2.

ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА МИГРАНОВА

кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН)

lmigranova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам оплаты труда в России. Анализ динамики уровня и дифференциации заработной платы позволил оценить выполнение двух важнейших ее функций: воспроизводственной и стимулирующей. Рассматриваются проблемы минимальной заработной платы и реформы оплаты труда в бюджетной сфере. Предлагаются подходы к реформированию заработной платы, отвечающей требованиям рыночной экономики.

Ключевые слова: средняя и минимальная заработная плата, дифференциация, реформа, трудовой кодекс, социальные гарантии, бюджетная сфера

Трудовая мотивация как фактор повышения производительности и эффективности труда функционально связана с его оплатой. Нарушения в сфере распределительных отношений, в первую очередь в оплате труда, становятся основной причиной потери трудовой мотивации, препятствием к выполнению ее главных экономических и социальных функций.

Проблемы мотивации труда в условиях рыночной экономики своими корнями уходят в советскую эпоху, когда были широко распространены уравнительные тенденции в распределении фонда заработной платы на предприятиях и при этом существовала высокая, не всегда обоснованная межотраслевая дифференциация. На фоне всеобщего дефицита потребительских товаров и услуг они стали причинами низкой трудовой мотивации и низкой производительности труда в СССР. В условиях перехода к рыночной экономике, сопровождавшегося глубоким социально-экономическим кризисом на протяжении последнего десятилетия прошлого века, существовавшие ранее проблемы в области заработной платы крайне обострились и к ним добавились новые.

В условиях перехода к рынку в России была принята новая схема регулирования оплаты труда. В компетенции государства осталось: установление минимальной заработной платы и системы оплаты труда в бюджетной сфере, районное регулирование заработной платы (установление районных коэффициентов и надбавок к заработной плате в районах с неблагоприятными природно-климатическими условиями), участие в социальном партнерстве и контроль за выполнением коллективных договоров.

За первые 9 лет реформ реальная оплата труда снизилась в 3 раза и составила 33,7 % от уровня 1991 года; в 1999 году средняя зарплата составляла 1,5 прожиточного минимума (ПМ) трудоспособного, и 42,2 % работников имели заработок ниже этого уровня. Объем ВВП в со-

поставимых ценах (1991 год) за этот период снизился в 1,6 раза (до 64 %), а производительность труда в экономике (ВВП в расчете на одного работающего) – в 1,4 раза (74 %). За период стабилизации и экономического роста с 2000 по 2007 год объем ВВП в сопоставимых ценах (1991 год) увеличился в 1,73 раза (с 64 до 111 %), производительность труда выросла в 1,62 раза (с 74 до 121 %), а средняя заработная плата – в 3,08 раза (с 34 до 103 %). В соотношении с ПМ трудоспособного средняя заработная плата в целом по стране составляла в 2007 году 3,25 раза. Одновременно сократилась, оставаясь на относительно высоком уровне, численность работников с оплатой труда ниже ПМ трудоспособного – 16,5 % в общей численности работников.

Соотношение темпов роста заработной платы и производительности труда обычно выступает основным фактором при объяснении причин инфляции и низких темпов роста оплаты труда. Необходимо учитывать, что в условиях кризиса 1990-х годов темпы падения заработной платы были значительно больше, чем снижение производительности труда и объемов ВВП. ВВП достиг докризисного уровня в 2006 году, производительность труда перешла этот рубеж годом раньше, а реальная заработная плата достигла уровня 1991 года лишь в 2007-м.

В 2008 году разразился мировой финансовый кризис, который затронул и Россию. Реальные темпы роста ВВП по отношению к предыдущему году в 2008 году снизились до 105,6 %, а в 2009-м – до 92,1 %. Резко пошла вверх инфляция. Однако реальная заработная плата в 2008 году продолжала расти положительными темпами (111 %) и только в 2009-м снизилась ниже уровня предыдущего года (97 %). В соотношении с ПМ трудоспособного она в эти годы составляла соответственно 3,49 и 3,37 раза.

Прожиточный минимум – бюджет очень низкого достатка, обеспечивающий лишь простое

физическое воспроизведение человека. Минимальные социально необходимые потребности современного человека как минимум вдвое превышают набор товаров и услуг, входящих в прожиточный минимум, установленный в России. И если для оценки уровня оплаты труда использовать социально необходимый минимальный стандарт, то среднестатистический работник в России даже в годы, когда реальная заработная плата достигала своего максимального значения (2007–2009), не мог на таком уровне полностью обеспечить себя и одного ребенка, а каждый десятый работник в 2009 году имел заработок ниже уровня, необходимого для физического выживания.

О низкой заработной плате в России свидетельствует и низкая доля оплаты труда в ВВП, которая все последние годы не превышала 46 % (2008 год). В 1991 году она составляла 43 %. Однако в плановой экономике значительная часть потребительских социально значимых благ и услуг распределялась через так называемые общественные фонды потребления и предоставлялась населению бесплатно (услуги здравоохранения, образования, культуры и спорта) или за небольшую плату (жилье, ЖКУ, культура, спорт и т. д.). В развитых странах с рыночной экономикой доля оплаты труда наемных работников в ВВП составляет не менее 60 %.

С началом рыночных реформ произошел колossalный рост дифференциации заработной платы, максимальная величина которой была зафиксирована в 2001 году, когда коэффициент фондов достиг 39,6 раза. В 2007 году этот показатель снизился до 22,1 раза, за 2009 год – 14,7 раза, что в первую очередь явилось результатом многократного повышения минимальной оплаты труда. В 1991 году этот показатель составлял 7,8 раза.

Одной из главных причин роста неравенства заработной платы в 1990-е годы явился необоснованный рост межотраслевых различий. С одной стороны, происходило интенсивное увеличение оплаты труда в отраслях топливно-энергетического комплекса и в финансово-кредитной сфере, с другой – сдерживание заработной платы в социальной сфере, а также кризисное состояние некоторых отраслей экономики и промышленности. Максимальный разрыв в оплате труда между отраслями наблюдался в 2001 году и составлял 8 раз, тогда как в начале реформ был немногим более 2 раз. В 2007 году эти различия снизились до 6,3 раза. В последующие 2 года сокращение неравенства продолжалось в результате как существенного повышения минимума, так и сокращения темпов роста оплаты труда в сферах деятельности, связанных с мировым рынком (финансы, добывающие производства, металлургия).

Наряду с негативными различиями в межотраслевых пропорциях оплаты труда за годы реформ значительно возросла дифференциация заработной платы внутри отраслей экономики

(видов деятельности). Самый высокий уровень был зафиксирован в 2001 году в финансовой сфере (46,9 раза по коэффициенту фондов) и в сельском хозяйстве (48,6 раза). В 2009 году в финансово-кредитной сфере неравенство снизилось до 19,4 раза. Что касается сельского хозяйства, то с каждым повышением минимума дифференциация оплаты труда интенсивно снижалась, а с введением минимума в 4330 руб. коэффициент фондов сократился до 14,7 раза. Это самый низкий показатель в 2009 году.

Межотраслевая и внутриотраслевая дифференциация в условиях рыночной экономики возросли за счет разницы в оплате труда на предприятиях различных форм собственности. По нашим расчетам, сделанным по опубликованным Росстатом рядам распределения работников по заработной плате, превышение средней оплаты труда в негосударственном секторе над средней в госсекторе в 2001 году составляло 56 %, в 2007-м этот показатель снизился до 36 %, а в 2009-м – до 26 %. Средняя заработная плата в государственных и муниципальных организациях в соотношении со средней по экономике составляла в те же годы 70, 78 и 80 % соответственно, что свидетельствует об актуальности повышения оплаты труда в бюджетной сфере.

Негосударственный сектор отличается необоснованно высоким неравенством, в 2007 году коэффициент фондов был равен 22 раза, хотя по сравнению с 2001 годом он сократился более чем в 2 раза. В государственном секторе такого резкого снижения не происходило, и этот показатель в 2007 году составлял 18,4 раза против 24,6. В 2009 году процесс снижения неравенства в обоих секторах экономики продолжился благодаря повышению минимума оплаты труда.

Анализ динамики оплаты труда в субъектах Федерации показал, что максимальные различия в среднемесячной начисленной заработной плате – 10,2 раза, сложившиеся в 2000 году, снизились до 5,8 раза в 2008-м (Ямало-Ненецкий автономный округ и Дагестан). В 1990 году различия между самой высокой заработной платой (Чукотский автономный округ) и самой низкой (Дагестан) составляли всего 3,4 раза. Основным фактором межрегиональных различий в оплате труда является отраслевая структура экономики субъектов Федерации. Существенное влияние оказывают также разные природно-климатические условия территорий. С учетом разной стоимости жизни в регионах различия в заработках сокращаются как минимум в два раза: в 2008 году они составляли 2,8 раза.

Что касается внутрирегиональной дифференциации оплаты труда, то за годы экономического роста в подавляющем большинстве субъектов Федерации она сократилась. Причем, как правило, чем выше было неравенство в 2002 году, тем больше были темпы его снижения к 2007-му. Основным фактором внутрирегионального неравенства является также отраслевая

структуре экономики. Самый высокий коэффициент фондов заработной платы в 2007 году был зафиксирован в Оренбургской области (24,8 раза), где он превысил среднероссийский уровень (22,1 раза). Самый низкий показатель неравенства наблюдался в Ямalo-Ненецком автономном округе – 9,9 раза. В 2009 году произошло повсеместное сокращение неравенства оплаты труда. При этом максимальные различия сложились в Москве (16 раз), а минимальные – в Карачаево-Черкесской республике (7,3 раза).

В любой экономической формации заработная плата призвана выполнять две основные функции: воспроизводственную и стимулирующую. И если первая в основном связана с уровнем средней и минимальной заработной платы, то вторая целиком зависит от дифференциации. В советское время низкая дифференциация была основной причиной низкой мотивации труда, а необоснованно высокое неравенство в оплате труда работников в современной России не только не привело к повышению трудовой активности работников, но стало причиной дезинтеграции и социальной напряженности в обществе. Низкий уровень заработной платы у подавляющего большинства работников усугубил ситуацию.

Оценка уровня оптимальной дифференциации в заработной плате, способствующей повышению мотивации труда и интеграции общества, остается дискуссионной проблемой. Учитывая большие региональные различия в стоимости жизни в России, она должна, с нашей точки зрения, находиться на уровне 10–12 раз по коэффициенту фондов, а в регионах – не более 6–8 раз.

Серьезной проблемой для России является скрываемая от налогообложения заработная плата, которая была спровоцирована в 1990-е годы высокими налогами на фонд заработной платы. Доля скрытой заработной платы в ВВП, по оценке Росстата, даже в период экономического роста не опускалась ниже 11 % и в 2007 году составляла 11,9 %. Снижение ставок единого социального налога и введение плоской шкалы «подоходного» налога не дали положительных сдвигов в уменьшении ее объемов. До тех пор, пока сами работники не будут заинтересованы в полной легализации своих заработков, ликвидировать теневые заработки невозможно. Этой цели может служить эффективная система социального страхования наемных работников.

Падение реальной заработной платы в 1990-е годы и необоснованное снижение налогов в последние годы является результатом обеспечения интересов работодателя – максимального сокращения расходов на оплату труда. Если в 1990-е годы прикрытием такой политики выступала инфляция и сохранение рабочих мест, то в последнее десятилетие – конкурентоспособность российской продукции. Неадекватная оплата труда рассматривается как необходимое условие низкой себестоимости товаров и залог успеха на мировом рынке.

В 1990-е годы в России появился беспрецедентный в мировой практике феномен – задержки и невыплаты заработной платы, нарушающие главное право работника на своевременную оплату своего труда. В конце 1998 года объем невыплаченной в срок заработной платы достиг максимальной величины – 77 млрд руб. В последующие годы задолженность удалось снизить, и в конце 2007 года она составляла 2,7 млрд руб. Государство практически ликвидировало свои долги, но в целом решить эту проблему не смогло несмотря на то, что Федеральный закон № 162 (от 08.12.2003) предусматривает наказание за невыплату заработной платы свыше двух месяцев вплоть до лишения свободы на срок до двух лет. В России не отработан действенный институциональный механизм решения этой проблемы. С началом финансового кризиса задолженность по заработной плате вновь выросла: в середине 2009 года она достигла 7,2 млрд руб. К концу года ее удалось уменьшить вдвое (до 3,6 млрд руб.).

С переходом на рыночные отношения наемные работники лишились важнейшей социальной гарантии – минимальной заработной платы (МРОТ). Минимальная заработная плата как социально-экономический институт рыночной экономики призвана учитывать интересы наемных работников, работодателей и государства. В России она по большому счету не отвечает ничьим интересам, являясь предметом широких дискуссий среди экономистов и политиков.

В СССР действовала общегосударственная система тарифных ставок и окладов, которая охватывала все отрасли. Минимальная тарифная ставка рабочего 1-го разряда, работающего в нормальных условиях в отраслях, не имеющих особого народнохозяйственного значения, и являлась *минимальной заработной платой*. Фактически это была только часть оплаты труда работника 1-го разряда, которая составляла чуть больше половины заработка. Другая часть начислялась работнику с учетом условий и результатов труда. И в таком понимании МРОТ стала использоваться и в условиях рыночной экономики России. В бюджетном секторе это была ставка 1-го разряда ЕТС, во внебюджетном – минимальный заработка работника.

МРОТ, установленная на федеральном уровне, – это вид социальной гарантии наемным работникам в отношении нижней границы оплаты труда неквалифицированного работника, отработавшего полный рабочий месяц и выполнившего все свои трудовые обязательства. Это требование является обязательным и не подлежит никакой дифференциации: ни по видам деятельности, ни по территориям, ни по профессиям. И в этом первая и очень серьезная ее проблема, которая ставит работодателей в неравные условия по расходам на рабочую силу, дает конкурентные преимущества одним перед другими. Для работников, занятых на рабочих местах

с разными условиями труда и проживающих в разных природно-климатических зонах, ее величина, установленная для страны в целом, не отражает фактически необходимые затраты на воспроизводство простой рабочей силы.

На протяжении всех 18 лет рыночных отношений МРОТ устанавливается в первую очередь в соответствии с интересами государства. В результате в 1999 году МРОТ составлял 5,5 % от средней заработной платы (индекс Кейтца). С 2000 года МРОТ стал повышаться практически ежегодно, но к 2005-му составлял лишь 8,4 %. Значительное повышение минимума заработной платы началось с сентября 2007 года, когда индекс Кейтца достиг 17 %. В январе 2009 года с повышением МРОТ до 4330 руб. он вырос до 24,2 %.

Региональным органам власти не запрещалось устанавливать более высокий МРОТ для организаций, расположенных на их территории (за исключением организаций федерального подчинения). Так, в Москве региональный МРОТ в повышенном размере был впервые установлен в 2003 году. Мониторинг Минздравсоцразвития РФ за 2005 и 2006 годы показывал, что лишь некоторые из субъектов Федерации устанавливали для негосударственного сектора более высокий МРОТ, а в бюджетном секторе за счет собственных средств вводили надбавки к ставкам низших разрядов ЕТС.

В 2008 году ситуация резко меняется: в 11 субъектах Федерации региональный МРОТ в 2 раза и более превышал федеральный уровень – 2300 руб. (Санкт-Петербург, Москва, Тверская, Ярославская, Калининградская, Мурманская, Кемеровская, Новосибирская, Сахалинская области, Красноярский и Приморский края). В Московской, Сахалинской и Кемеровской областях МРОТ превысил региональный ПМ трудоспособного и в 16 регионах достиг уровня регионального ПМ трудоспособного населения. Кроме того, в 16 регионах более высокий МРОТ был установлен для негосударственных предприятий и организаций.

В 2009 году в связи с кризисом и повышением МРОТ до 4330 руб. картина несколько меняется: из 11 регионов осталась только Москва, где региональный минимум зарплаты оставался в 2 раза выше федерального уровня. В то же время увеличилось число регионов, где МРОТ превышал региональный ПМ трудоспособного (Московская, Калининградская, Волгоградская, Ростовская, Кемеровская, Новосибирская области, Санкт-Петербург). В 13 регионах МРОТ достигал уровня ПМ и еще в 13 не относился к бюджетной сфере.

Такая динамика последних двух лет объясняется прежде всего изменениями в законодательстве. В соответствии с Федеральным Законом №54-ФЗ от 20.04.2007 были внесены изменения в Трудовой кодекс РФ, в частности отменена часть 2 ст. 129, касающаяся компенсационных, стимулирующих и социальных выплат, которые

по ранее действующему законодательству в МРОТ не включались. Новая формулировка ставит в неравные условия работников с разными результатами труда, снижает трудовую мотивацию. Включение в МРОТ компенсационных выплат, которые призваны компенсировать работнику тяжелые и неблагоприятные природно-климатические условия труда и проживания, также неправомерно.

Таким образом, если посмотреть, что представляет собой минимум в 4330 руб., то есть вычесть из него все компенсационные, стимулирующие выплаты, то «чистый» минимальный оклад рабочего 1-го разряда, по расчетам НИИ труда и социального страхования, составит в среднем 2390 руб. [3]. По нашей оценке, эта величина несколько больше – 2500–2700 руб. Поэтому не случайно, что такое повышение минимума (в 1,9 раза) в 2009 году не привело к значительному росту численности работников с минимальной зарплатой и ниже. По данным Росстата, за апрель 2007 года и в 2009 году в целом по стране доля таких работников увеличилась лишь с 1 до 3,1 %. При этом в добывающей промышленности она практически не изменилась (0,4 %), несколько выросла в обрабатывающих производствах (до 1,7 %, в том числе в текстильной промышленности – 5,5 %). Напротив, в связи и в сельском хозяйстве наблюдался значительный ее рост (до 6,9 и 11,9 %). Соответственно, в зависимости от структуры экономики и наличия региональных коэффициентов и надбавок к заработной плате меняется численность работников с минимальным заработком по регионам. В кавказских республиках в 2009 году она составляла от 7 % в Северной Осетии до 11,3 % в Дагестане, тогда как в Мурманской области, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Чукотском автономном округах – 0,1 %. Таким образом, новые поправки в законодательство о составе минимальной гарантии наемным работникам сложно назвать социально и экономически обоснованными – это вторая серьезная проблема МРОТ.

Третья проблема МРОТ – это ее размер. В Трудовом кодексе РФ (ст. 133) записано, что минимальная зарплата не может быть меньше ПМ трудоспособного. Однако эта норма является отложенной, так как в соответствии со статьей 421 Трудового кодекса РФ порядок и сроки поэтапного повышения МРОТ до ПМ трудоспособного населения и механизм, гарантирующий МРОТ, устанавливаются специальным федеральным законом. Но такой закон до сих пор не принят. В январе 2009 года после всех повышений МРОТ составлял около 79 % от ПМ трудоспособного населения.

Низкий уровень минимальной оплаты труда негативно сказывается не только на качестве трудового потенциала, но и на экономике в целом: не снижаются объемы неквалифицированного труда, сокращаются поступления в бюджет

государства: низкий уровень МРОТ позволяет работодателям скрывать действительные расходы на оплату труда с целью сокращения налогов; он служит причиной высокой дифференциации заработков, приводит к падению трудовой мотивации, маргинализации значительной части работников. Свободные рабочие места с низкой заработной платой при наличии безработицы остаются невостребованными или заполняются лишь на короткое время.

В развитых странах МРОТ устанавливается на предприятиях путем договорных отношений. И только для тех мелких предприятий, где нет профсоюзных организаций, МРОТ устанавливается государство. В рекомендациях Совета Европы записано, что МРОТ должен составлять не менее 60 % от медианного уровня, а в рекомендациях МОТ – ПМ трудоспособного населения. Следует заметить, что в большинстве развитых стран устанавливается минимальная часовая ставка оплаты труда. Такие предложения можно встретить и у наших специалистов. Однако для России они преждевременны, следует сначала поднять минимум оплаты труда до социально необходимого уровня, а затем переходить на западные минимальные стандарты. Перевод МРОТ с месячной ставки на часовую в нынешних условиях снизит возможность контроля налоговых и правоохранительных органов за расходами на оплату труда на предприятиях. Кроме того, столь низкие минимальные часовые ставки делают малоквалифицированный труд еще менее привлекательным.

Таким образом, чтобы МРОТ мог отвечать требованиям, которые предъявляются к минимальной оплате труда как социальной гарантии наемным работникам, необходимо, во-первых, отменить поправки, внесенные в Трудовой кодекс РФ, касающиеся включения в МРОТ компенсационных и стимулирующих выплат. Во-вторых, требует изменения критерий величины МРОТ, который должен обеспечивать социально необходимый минимум для расширенного воспроизводства рабочей силы. В-третьих, при установлении федерального МРОТ следует отказаться от абсолютного его значения и перейти на относительный (%) – на соотношение МРОТ с ПМ трудоспособного.

В течение всего периода рыночных отношений серьезной проблемой остается низкая оплата труда в бюджетной сфере, в которой занято в настоящее время 14,4 млн чел. (в том числе 3,3 млн чел. федеральных служащих). В 1992 году на всей территории страны была введена Единая тарифная сетка (ЕТС) для оплаты труда работников бюджетных организаций, основанная на принципах сопоставления сложности труда и квалификационного уровня работников. Она обеспечивала равный подход к оценке сложности выполняемых работ, единые принципы оплаты труда занятых в разных отраслях и охватывала все категории работников. Тарифи-

кация рабочих производилась с 1-го по 7-й разряд. Служащие, специалисты и руководители тарифицировались со 2-го по 18-й разряд. ЕТС служила гарантией в размерах оплаты труда работникам бюджетной сферы по всем 18 разрядам. С целью повышения трудовой мотивации высококвалифицированных работников был установлен тарифный коэффициент диапазоном 1:10,07. Такой диапазон при повышении тарифной ставки 1-го разряда требовал существенного увеличения общих расходов на оплату труда в бюджетных организациях. В связи с этим в 1999 году было принято решение о сокращении его до соотношения 1:8,23 раза, а в 2001 году – до 1:4,5 раза. Это привело к «уравниловке» в заработках, снижению трудовой мотивации и требовало от администрации бюджетных организаций установления дополнительных надбавок квалифицированным специалистам. Однако при низком уровне ставки 1-го разряда ЕТС это не решало проблемы низких заработков в социальной сфере и являлось причиной высокой текучести кадров.

В 2002 году Правительством РФ был разработан проект Концепции реформирования системы оплаты труда работников бюджетных организаций. В качестве определяющей идеи выступал отказ от ЕТС и переход к дифференцированным условиям оплаты в отраслях бюджетной сферы, исходя из особенностей содержания условий труда в каждой отрасли, объемов бюджетных ассигнований и наличия внебюджетных средств. Данная Концепция вызвала негативную реакцию в Государственной думе, субъектах РФ и у целого ряда специалистов. Прежде всего это касалось предлагаемого уменьшения объема государственных гарантий в области оплаты труда до уровня МРОТ и передачи регионам полномочий по установлению систем оплаты труда в подведомственных организациях без соответствующего финансового обеспечения. Отказ от ЕТС мог существенно усилить не только региональную дифференциацию оплаты труда работников бюджетной сферы, но и оставить целые регионы без специалистов.

Концепция не была утверждена и оставалась в стадии проекта, однако ее основные положения начали реализовываться с 1 января 2005 года с вступления в силу Федерального закона № 122-ФЗ от 22.08.2004, согласно которому были внесены изменения в Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон № 22-ФЗ «Об упорядочении оплаты труда работников организаций бюджетной сферы» от 04.02.1999, Федеральный закон № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 и целый ряд других законов.

Ввиду отсутствия методических разработок по новым системам оплаты труда (НСОТ) и финансовых ресурсов для существенного повышения заработков в бюджетной сфере регионы не спешили воспользоваться полученными правами. В 2005 году свою систему оплаты труда для

бюджетных организаций разработала и внедрила Тюменская область, в 2006 году – Санкт-Петербург. В ряде регионов были установлены надбавки к первым разрядам ЕТС, что еще больше снизило межразрядный коэффициент и увеличило уравнительность в распределении заработной платы.

С 1 декабря 2008 года в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 583 от 05.08.2007 и Методическими рекомендациями по введению в федеральных бюджетных учреждениях новых систем оплаты труда, утвержденными Приказом Минздравсоцразвития России № 663 от 22 октября 2007 года, была введена НСОТ в бюджетных организациях, финансируемых из федерального бюджета. На эти цели было на 30 % увеличено финансирование оплаты труда. Согласно разработанным соответствующим федеральным министерством профессионально-квалификационным группам (ПКГ) должностей и квалификационному уровню, работнику устанавливается должностной оклад. Минздравсоцразвития РФ для общеотраслевых должностей установило 4 уровня ПКГ должностей и 15 квалификационных уровней (с повышающими коэффициентами), а должностной оклад руководителя учреждения рекомендовало определять трудовым договором в пятикратном размере от средней заработной платы работников основного персонала возглавляемого им учреждения. Должностные оклады заместителей руководителей и главных бухгалтеров учреждений рекомендовалось устанавливать на 10–30 % ниже должностных окладов руководителей этих учреждений. НСОТ разрабатывалась на основе ЕТС, поэтому неудивительно, что общее число квалификационных уровней равно 15 разрядам для служащих в ЕТС (со 2-го по 16-й разряд, администрация учреждений тарифицировалась по 17-му и 18-му разрядам).

В НСОТ особое внимание уделяется стимулирующим выплатам, на которые рекомендуется направлять не менее 30 % от общих поступлений в фонд оплаты труда. Выплаты стимулирующего характера руководителю учреждения рекомендуется устанавливать федеральным органом исполнительной власти (иным государственным органом или организацией), в ведении которых находится учреждение, а их размеры целесообразно определять с учетом результатов деятельности учреждения. Следует отметить еще два важных момента в рекомендациях Минздравсоцразвития РФ. Первый – «заработка плата работников (без учета стимулирующих выплат), устанавливаемая в соответствии с НСОТ, не может быть меньше заработной платы (без учета стимулирующих выплат), выплачиваемой до введения НСОТ, при условии сохранения объема должностных обязанностей работников и выполнения ими работ той же квалификации». Второй – «в связи с введением новых систем оплаты работников федеральных

бюджетных учреждений рекомендуется рассмотреть вопросы об оптимизации штатной численности».

Как любое нововведение, НСОТ для федеральных учреждений имеет ряд недостатков, разных по характеру и последствиям. Так, если чисто технические ошибки можно легко исправить (например, в ряде ПКГ в один квалификационный уровень попали должности, которые в ЕТС относились к разным разрядам¹), то методологические требуют доработки и обоснования. В первую очередь это относится к определению уровня квалификации работника, который не ограничивается образованием. Во-вторых, величина должностного оклада руководителя требует дифференциации по типам и размерам учреждений. В-третьих, базовые (минимальные) оклады одинаковых профессий и должностей не должны резко различаться по министерствам и ведомствам. Сохранили свой статус ЕТКС и ЕКС, однако они требуют серьезной актуализации, тогда как работы по нормированию труда сейчас практически отсутствуют.

Ввиду отсутствия других методических разработок региональные органы власти при установлении НСОТ в подведомственных учреждениях используют рекомендации Минздравсоцразвития РФ. На официальном сайте министерства представлены презентации ряда субъектов Федерации по введению на подведомственной территории НСОТ для бюджетных организаций, подготовленные руководителями региональных отраслевых структур. Большинство из этих регионов при установлении должностного оклада работника по ПКГ используют дополнительные повышающие коэффициенты (за работу в сельской местности, за стаж, наличие ученой степени и почетного звания, специалистам дефицитных профессий, за дополнительную работу и т. д.). В ряде регионов критерий размера должностного оклада руководителя учреждения снижен до 3–4 раз от средней заработной платы основного персонала, в некоторых учитывается и численность работников в учреждении². Практически все субъекты Федерации для изыскания финансовых ресурсов сокращают ставки и штаты, а некоторые – и сеть учреждений. Учитывая цель, сложно без дополнительной информации положительно оценить такое сокращение. Не представляется возможным оценить и реальное повышение заработка, так как, во-первых, часто новый должностной оклад (с учетом повышающих коэффициентов) сравнивается с «голой» тарифной ставкой ЕТС, во-вторых, с 1 января 2009 года был повсеместно повышен МРОТ. По данным Росстата за первое полугодие 2009 года, в государственном управлении и в социальных отраслях наблюдались более высокие темпы роста заработной платы, чем в других сферах деятельности и по экономике в целом. Соответственно, увеличилось и соотношение средней заработной платы в социальных отраслях со средней по РФ: в здравоохранении до

80 %, в образовании – 71 %. Однако это мало о чем говорит и связано в большей степени с повышением МРОТ, так как далеко не все регионы перешли на НСОТ в бюджетной сфере. В ряде регионов НСОТ носит экспериментальный характер и вводится в отдельных территориях и учреждениях. Обращает внимание и высокая доля работников с зарплатой ниже ПМ трудоспособного: в образовании – 20%, культуре – 22%.

С нашей точки зрения, для реформы выбрано далеко не самое удачное время. Недостаток финансирования при главной задаче повышения заработной платы и трудовой мотивации работников бюджетной сферы может загубить всю идею начатого реформирования.

В заключение следует отметить, что в России давно назрела не только реформа заработной платы в бюджетном секторе, но реформа всей системы оплаты труда, которая в настоящее время не отвечает условиям рыночной экономики и международным стандартам [1], [2]. Важнейшее требование к реформе – не допустить снижения реальной заработной платы и реальных доходов населения. В развитых странах с рыночной экономикой значительную часть социальных расходов несут сами граждане, и прежде всего работники. Речь идет о таком повышении заработной платы, которое позволит работнику активно участвовать в социальном страховании (пенсионном, медицинском и на случай потери работы),

отчислять средства на профессиональное обучение детей, полностью оплачивать ЖКУ и приобретать жилье. Причем это касается не только средней, но и минимальной заработной платы. Перенос части расходов по обязательному страхованию с работодателя на работника не приведет при прочих равных условиях к общему росту расходов на труд. Необходимо изменить и налог на заработную плату, снизив его у низкооплачиваемых и существенно повысив его у высокооплачиваемых работников, что отвечает принципам социальной справедливости и снизит необоснованно высокое неравенство, но и увеличит поступления в государственный бюджет. Для проведения таких мероприятий сегодня необходимо начисленную заработную плату поднять примерно на 60–65 %. Это не вызовет роста инфляции, так как большинство из вышеперечисленных расходов будут являться обязательными. Вместе с тем рост начисленной заработной платы будет стимулировать снижение трудоемкости труда и рост производительности труда; государственный бюджет освободится от несвойственных ему в условиях рынка социальных расходов; снизится неравенство в оплате труда и доходах населения. Изменение структуры заработной платы не отменяет необходимости реального повышения той ее части, которая идет на текущее потребление работника и его семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так, в ПКГ работников здравоохранения к 1-му квалификационному уровню «средний медицинский персонал» отнесены должности регистратора, ранее оплачиваемые по 4–5-му разряду ЕТС, и медицинского статистика (ранее – 5–9-й разряд ЕТС). Аналогичная ситуация сложилась и в культуре с должностями библиотекаря (6–7-й разряд ЕТС) и старшего библиотекаря (11–14-й разряд).

² Например, в здравоохранении Саратовской области должностной оклад руководителя устанавливается в размере 2,1–2,7 раза от средней зарплаты в зависимости от численности работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аганбегян А. Г. Экономика России на распутье... Выбор посткризисного пространства. М.: Астрель, 2010. 379 с.
2. Социальная защита населения / Под ред. Н. М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2002. 288 с.
3. Широкова Л. Н. Минимальный размер оплаты труда и ее региональный аспект // Вестник научно-исследовательского института труда и социального страхования. № 1. 2009.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНОВ

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права, декан юридического факультета, Петрозаводский государственный университет

schernov@karelia.ru

ВАДИМ ИГОРЕВИЧ БУРЦЕВ

аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет

schernov@karelia.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственная и региональная экологическая политика – самостоятельная сфера общественной жизни в области охраны окружающей среды и природных ресурсов, вершина экологической функции государства. Государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или под их контролем не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции.

Ключевые слова: природоохранная деятельность, природные ресурсы, окружающая среда, систематизация экологического законодательства, Экологический кодекс Российской Федерации

Экологическая безопасность является составляющей национальной безопасности, и основная задача государства по ее обеспечению – сохранение и бережное отношение к природным ресурсам, предотвращение экологических катастроф в результате технических аварий. Современное состояние экономики в условиях ограниченного использования ресурсосберегающих технологий, несовершенства законодательной основы природоохранной деятельности угрожают ухудшением экологической ситуации в стране с истощением ее природных ресурсов.

В соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и принципами международного права государства имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды. Государства несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или под их контролем не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции (Конвенция о биологическом разнообразии, ратифицирована ФЗ РФ № 16 от 17.02.95).

Юристы считают, что официальная экологическая политика должна рассматриваться не только с точки зрения идеологических или деятельностиных характеристик собственно государственной власти, но, несомненно, и как сфера существования права.

Для развития гражданского общества как условия реализации государственной политики в области экологии необходимо совершенствование

законодательства. Это необходимо для создания правовых условий, позволяющих гражданам участвовать в принятии и реализации экологически значимых решений, в том числе путем проведения опросов, общественных слушаний, общественных экспертиз и референдумов, в целях развития общественного экологического контроля, в том числе общественных инспекций [1; 212].

Курс на осуществление социально-экономических реформ в Российской Федерации, сопровождающийся расширением экономических свобод, созданием льготных режимов налогообложения, приводит к превалированию экономических интересов над экологическими, не сопровождается мерами по повышению ответственности хозяйствующих субъектов за негативные экологические последствия своей деятельности [2; 117].

Современная кодификация законодательства об охране окружающей среды и природоресурсных отраслей законодательства (земельного, водного, лесного, законодательства о недрах, о животном мире, об охране атмосферного воздуха), начало которой было положено в 1991 году, повлекла за собой создание разветвленной системы законодательных и иных нормативных правовых актов. В некоторых сферах правового регулирования кодификация проведена за данный период дважды (земельное, водное законодательство, законодательство об охране окружающей среды) и даже трижды (лесное законодательство). Таким образом, стадия формирования нового экологического законодательства в основном завершена, начался этап его совершенствования.

Вместе с тем эффективность регулирования отношений по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности по природопользованию продолжает оставаться низкой, о чем свидетельствует прежде всего состояние окружающей среды на значительной части территории Российской Федерации, ухудшение здоровья населения, истощение природных ресурсов. Практика показала, что рост числа актов в экологическом законодательстве слабо способен влиять на такую ситуацию. Более того, он приводит к усилению несогласованности между нормативными правовыми актами, а иногда и прямому противоречию, конкуренции норм действующих законов и иных нормативных правовых актов, появлению актов с неоправданно узким предметом правового регулирования («мелкотемье законов»). Тревогу вызывает тенденция к замене действующих законодательных актов новыми, в том числе при сохранении во многом прежней их структуры. Во-первых, тем самым нарушается один из принципов развития законодательства – принцип стабильности, позволяющий при необходимости обновлять закон путем внесения в него изменений и дополнений. Во-вторых, новые законодательные акты и их проекты, к сожалению, демонстрируют отход от завоеванных в правовом регулировании экологических отношений позиций, все чаще отвечают сиюминутным экономическим интересам общества и даже отдельных его групп в ущерб экологическим и иным перспективным общественным интересам. Наконец, нередко при этом снижается качество правового регулирования в целом, нарушаются правила юридической техники [5; 8–21].

Проблема низкой эффективности правового регулирования в рассматриваемой сфере осложняется отсутствием системности экологического законодательства как единого законодательного комплекса. До сих пор отрасли законодательства, регулирующие общественные отношения по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, по использованию и охране отдельных природных ресурсов, формировались как вполне самостоятельные и в значительной мере самодостаточные правовые образования. Вместе с тем органическая связь всех компонентов окружающей среды, объективно существующая взаимозависимость в регулировании отношений по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности с отношениями по природопользованию побуждают к поиску новых направлений в систематизации отрасли экологического законодательства. В ряду мер, которые реально можно противопоставить данным процессам в законодательстве, негативно отражающимся на состоянии окружающей среды и здоровья человека, важное место занимает систематизация экологического законодательства, которая позволяет упорядочить правовое регулирование соответствующих

общественных отношений и одновременно повысить его единственность. Однако для достижения позитивных результатов процессы систематизации должны быть скоординированы с научным осмыслением проблемы, нуждаясь в целенаправленном теоретическом обосновании.

Показательно, что практика правотворческой деятельности нередко свидетельствует об игнорировании более доступных и простых форм систематизации – официозной и официальной инкорпорации, консолидации, в то время как перспектива применения самой глубокой формы упорядочения и развития законодательства – кодификации в виде Экологического кодекса Российской Федерации – сейчас предлагается и в некоторых документах программного характера, и в публистики без серьезной проработки вопроса. Особую актуальность на этом фоне приобретают создание концепции систематизации экологического законодательства и ее практическое применение. Через отраслевую теорию должен осуществиться объективно обусловленный переход к систематизации экологического законодательства. Указанные обстоятельства предопределяют необходимость формирования единой, логически выверенной, всесторонне обоснованной теории систематизации экологического законодательства, учения о ее возможных и наиболее приемлемых формах, повлиявшему на выбор темы и обусловливающего ее актуальность [3; 3–4].

Как отмечает профессор И. А. Игнатьева [3; 5], систематизация экологического законодательства России должна осуществляться на основе единой научной концепции, основные положения которой заключаются в определении: целей и задач систематизации данной отрасли; комплекса исходных условий систематизации, а также факторов, влияющих на фиксирование условий и границ систематизации экологического законодательства; форм систематизации применительно к конкретному этапу развития экологического законодательства, их особенностей в связи со спецификой современного состояния, тенденций и проблем развития экологического законодательства; критерии отбора систематизируемых нормативных правовых актов применительно к избираемым формам систематизации; базовых правовых ориентиров систематизируемого законодательства (целей, задач, принципов, системы дефинируемых правовых понятий).

Важнейшей задачей государства является устранение в экологическом законодательстве коллизий и пробелов правового регулирования. Необходимо всестороннее повышение качества содержания законодательства: совершенствование понятийного аппарата, формулировок конкретных эколого-правовых норм, механизмов реализации экологического законодательства.

Надо преодолеть неоправданную узость предмета правового регулирования, повысить качество экологического законодательства с точ-

ки зрения учета в нем достижений юридической науки и экологии. Назрела необходимость инвентаризации экологических актов и актов, где необходимо выявление обоснованности наличия или отсутствия в них эколого-правовых норм.

Важно определить необходимую степень детализации правового регулирования экологических отношений на законодательном уровне. Необходимо строгое соответствие систематизируемого экологического законодательства Конституции Российской Федерации. В деятельности исполнительных органов власти, ответственных за соблюдение экологического законодательства, слабо используются акты судебной практики. Проблематично сохранение достигнутых в правовом регулировании экологических отношений позиций.

В настоящее время много говорится об устранении административных барьеров в экономике. Так, целями устранения административных барьеров в строительстве объянялась отмена экологической экспертизы предпроектной и проектной документации. Вместе с тем подобная экспертиза, несмотря на имеющиеся недостатки в проведении и организации, выполняла роль центрального звена в механизме предупреждения нанесения вреда окружающей природной среде и населению.

По данным Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору, при строительстве капитальных объектов на природную среду может оказывать негативное воздействие, в том числе: осуществление выбросов и сбросов загрязненных веществ; неосторожное обращение с отходами производства и потребления; нарушение поверхностного почвенного слоя и гидрологического режима земель; уничтожение объектов растительного мира; загрязнение окружающей территории; вредные физические воздействия на атмосферный воздух.

Обеспечить соблюдение экологических требований при строительстве в настоящее время призваны такие средства, как государственная экспертиза проектной документации объектов капитального строительства и результатов инженерных изысканий, а также государственный строительный надзор. При этом и государственная экспертиза проектной документации, и государственный строительный надзор ориентированы на проверку соблюдения в первую очередь требований технических регламентов. Однако технические регламенты, устанавливающие экологические требования, до сих пор не приняты. В связи с этим при осуществлении государственной экологической экспертизы Главгосэкспертиза руководствуется строительными нормами и правилами (СНИПы). Вместе с тем из более чем 300 СНИПов разделы об экологических требованиях и охране окружающей среды содержат только 45 [4].

Вопросы предоставления финансовых гарантий на случай нанесения вреда окружающей при-

родной среде, и в первую очередь страхование экологических рисков, приобретают все большее значение в связи с необходимостью обеспечения экологической безопасности, предупреждения и ликвидации последствий негативного воздействия на окружающую среду и привлечения негосударственных ресурсов в сферу природопользования и охраны окружающей среды.

Федеральными законами № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 года, № 33-ФЗ «Об использовании атомной энергии» от 28 марта 2002 года, № 147-ФЗ «О космической деятельности» от 29 ноября 1996, № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» от 21 июля 1997 года, № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» от 30 ноября 1995 года, № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 года предусмотрено страхование ответственности на случай нанесения ущерба природной среде при осуществлении определенных видов хозяйственной деятельности. Однако в них лишь декларируется обязательность страховой защиты, в результате подобное страхование либо не осуществляется вовсе, либо осуществляется без разработанной адекватно ущербам тарифной политики. Условия и порядок его проведения, о которых договариваются страховщик со страхователем самостоятельно, зачастую не отвечают целям реального страхования и сути экономических методов охраны окружающей среды в соответствии с Федеральным законом № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 года.

Опыт реализации положений этих законов показывает, что в настоящее время на российском страховом рынке отсутствует специальная система страховой защиты объектов окружающей природной среды. Возмещение ущерба происходит в рамках одного полиса. В соответствии с правилами страхования возмещение причиненного вреда окружающей природной среде происходит в последнюю очередь. Поэтому в случае страхового события возникает конкуренция исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, с исками о возмещении вреда, причиненного имуществу, жизни и здоровью третьих лиц. В связи с незначительными размерами страховых сумм по договорам обязательного страхования страховые выплаты, как правило, идут на возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу третьих лиц. Природные же объекты фактически выпадают из сферы действия страховой защиты [2; 119].

Цели, направления и задачи государственной экологической политики в Российской Федерации определены экологической доктриной Российской Федерации, рядом документов экологического планирования.

Такими документами являются Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, Национальный план действий по ох-

ране окружающей среды, План действий Правительства РФ в области охраны окружающей среды и природопользования, Государственная стратегия РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития, а также ряд законодательных актов РФ. В соответствии с названными документами стратегической целью государственной политики Мурманской области в области экологии является сохранение природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций. Правительство области направляет усилия на повышение качества жизни, улучшение здоровья населения, обеспечение экологической безопасности региона. Мурманская область определила несколько основных направлений государственной природоохранной политики. Это дальнейшее техническое перевооружение предприятий, внедрение в производство новых технологий и технологических процессов с целью сокращения выбросов, сбросов загрязняющих веществ природопользователями области. Очень остро, несмотря на большое количество источников воды, стоит решение проблемы обеспечения населения области питьевой водой нормативного качества за счет использования подземных вод.

Территория Крайнего Севера имеет очень уязвимую структуру земель, и восстановление нарушенных земель на территориях районов, подверженных аэрогенному загрязнению промышленными предприятиями, является очень серьезной проблемой. Законодательство Российской Федерации позволяет контролировать сохранение и развитие сети особо охраняемых природных территорий для обеспечения биологического и ландшафтного разнообразия, сохранения редких и исчезающих видов животных и растений; совершенствование и формирование нормативно-правовых экономических механизмов государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды.

Программно-целевой подход в контексте рассматриваемых проблем имеет ряд стратегических преимуществ: системность решения комплементарных задач, наличие четких критериев и оценочных параметров для принятия обоснованных решений, а также определение средне-долгосрочных ориентиров и перспектив. Все это в наибольшей степени обеспечивает достижение целей общегосударственной и региональной политики в сфере охраны окружающей среды Мурманской области.

Организационной основой государственной политики Мурманской области в сфере охраны окружающей среды является Программа «Охрана и гигиена окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в Мурманской области на 2009–2010 годы». В этой программе нашли отражение приоритеты экологической политики нашего государства, заложенные в указах Президента Российской Федерации, Экологической доктрине РФ, Основных на-

правлениях экологической политики РФ, Стратегии социально-экономического развития Мурманской области. Программа является единым по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплексом социально-экономических, научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных мероприятий, обеспечивающих решение системных проблем в области экологического и социально-экономического развития Мурманской области [6]. Ведомственная целевая программа комитета по природным ресурсам и охране окружающей среды Мурманской области направлена на обеспечение экологической безопасности населения и улучшение состояния окружающей среды. Основной целью Программы является обеспечение конституционных прав граждан – жителей Мурманской области на благоприятную окружающую среду. В соответствии с поставленной целью Программа призвана решать ряд важнейших задач. Это дальнейшее техническое перевооружение предприятий в соответствии с экологическими нормами, внедрение в производство новых технологий и технологических процессов с целью сокращения выбросов, сбросов загрязняющих веществ природопользователями области, а также восстановление нарушенных земель на территориях районов, подверженных аэрогенному загрязнению промышленными предприятиями.

Для наиболее крупных предприятий поставленные задачи решаются преимущественно за счет собственных средств. Предприятия – природопользователи области – главный источник инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды. Их доля составляет порядка 87 % в общем объеме инвестиций. Кроме того, осуществление средств на данные цели ведется в рамках адресной инвестиционной программы Мурманской области и за счет средств федерального бюджета. В 2009–2010 годах затраты на природоохранные мероприятия прогнозируются в объеме 1081,2 млн рублей и 1208,8 млн рублей соответственно [6].

Кроме того, в соответствии с постановлением Правительства Мурманской области № 217-ПП «О порядке корректировки размеров платы за негативное воздействие на окружающую среду природопользователей с учетом освоения ими средств на выполнение природоохранных мероприятий» от 29.06.2004 предусмотрен механизм зачета предприятиям затрат на выполненные природоохранные мероприятия.

Качество окружающей среды в последнее время становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности каждого российского региона. Одна из главных задач в данной сфере – создание единственной системы экологической безопасности. В соответствии с законодательством Российской Федерации в Мурманской области осуществляется регулярный сбор информации (ведение территориального мониторинга)

о состоянии окружающей среды с целью обеспечения экологической безопасности населения и реализации его права владением информацией о загрязнении окружающей среды. Государственный мониторинг за состоянием окружающей природной среды осуществляется в целях обеспечения потребностей государства и населения в достоверной информации, необходимой для предотвращения и уменьшения неблагоприятных последствий изменения состояния окружающей среды.

В настоящее время и на ближайшую перспективу система территориального экологического мониторинга будет осуществляться в направлении экологического мониторинга Мурманской области. Цель проекта: сбор, систематизация и анализ сведений по экологическому мониторингу в районах интенсивного техногенного воздействия (пообъектный мониторинг предприятий). Следующая задача – обеспечение функционирования Мурманской территориальной автоматизированной сети контроля радиационной обстановки в городах Мурманской области. Получение своевременной и оперативной информации о радиационной обстановке на территории Мурманской области и принятие оперативных решений в случаях угрозы экологии региона. Проблема качества питьевой воды – насущная проблема во всем мире. Задача органов исполнительной власти Мурманской области – осуществление государственного мониторинга родников Мурманской области. Целевым назначением работ является оценка качества подземных вод в родниках Мурманской области, используемых населением для питьевых целей. Еще одна проблема – развитие территориальной автоматизированной сети контроля за состоянием атмосферного воздуха в городах Мурманской области. Цель мероприятия: получение достоверной и оперативной информации о состоянии загрязнения атмосферного воздуха в городах и населенных пунктах Мурманской области, необходимой для предотвращения и уменьшения неблагоприятных последствий изменения состояния окружающей среды, принятия эффективных управленческих решений.

Природа Севера наиболее уязвима, она требует больше времени для восстановления. Сохранение и развитие сети особо охраняемых природных территорий для обеспечения биологического и ландшафтного разнообразия, сохранения редких и исчезающих видов животных и растений становятся важнейшими экологоправовыми задачами. Все большую ценность для современного общества приобретают рекреационные ресурсы, способствующие восстановлению и развитию физических и духовных сил человека, охватывающие в комплексе качественную окружающую среду, ее видовое и ландшафтное разнообразие, наличие уникальных природных и историко-художественных памятников и ком-

плексов. Мурманская область обладает уникальным потенциалом рекреационных ресурсов различного характера и содержания. Это разнообразные и редкие, подчас эндемические, ландшафтные комплексы (Хибины, Ловозерские тундры, Кейвы, озера и реки, побережье Белого и Баренцева морей и так далее). К таким объектам относятся фауна и флора Севера Европы, многие виды которых – эндемики; памятники природы; культурные и исторические памятники; своеобразие географического положения и климатических особенностей Евро-Арктического региона (продолжительная зима с формированием устойчивого снежного покрова, частые полярные сияния, полярная ночь и полярный день и так далее), привлекательное для туристов. Все это в совокупности предоставляет неоценимые возможности для развития лечебно-оздоровительного отдыха, туризма, множества редких или сезонных видов спорта, включая альпинизм, традиционные и горные лыжи, парусный спорт, спортивную охоту и рыбалку и многие другие.

Рассматривая проблемы, связанные с экологической безопасностью в России и отдельных регионах, можно отметить, что проблемы эти общие и требуют оперативного вмешательства государства.

Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 года был принят двенадцать лет назад. Изменения, которые вносились, касались в основном лома черных и цветных металлов. Вместе с тем указанный Закон не гармонизирован с международными нормами, не приведен в соответствие с принятыми в эти годы в Российской Федерации законодательными актами. Отсутствуют нормативные акты федерального уровня, позволяющие эффективно решать проблемы, связанные с обращением с отходами на местах. Проблема ядерных отходов в настоящее время решается преимущественно посредством их хранения. Это способствует еще большему их накоплению. В соответствии со статьей 47 ФЗ «Об использовании атомной энергии» хранение радиоактивных отходов должно рассматриваться в качестве этапа их подготовки к переработке или хранению, то есть оно носит временный характер. Проблема же переработки фактически не решена. Пока только небольшая часть отработанного ядерного топлива перерабатывается на заводе РТ-1 в производственном объединении «Маяк» в г. Озерске Челябинской области.

В России назрела необходимость разработки и реализации срочных мер по оздоровлению экологической обстановки в стране. И в этом комплексе мер решающую роль должно сыграть совершенствование нормативно-правовой базы, определяющей механизмы экономического стимулирования бережного природопользования и охраны окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве. М.: Изд-во МГУ, 2003. 302 с.
2. Доклад Совета Федерации Российской Федерации 2007 года. О состоянии законодательства в Российской Федерации. Законодательное обеспечение основных направлений внутренней и внешней политики. М.: Изд-во Совета Федерации, 2008. 680 с.
3. Игнатьева И. А. Экологическое законодательство России: теория и практика систематизации: Автореф. дис. д-ра юрид. наук. М.: МГУ, 2007. 45 с.
4. Отчет Министерства юстиции РФ по результатам мониторинга административного законодательства 2009 года. www.minjust.ru/ru.institution/ncpi
5. Правовые проблемы формирования идеологического механизма реализации экологического законодательства // Экологическое право России на рубеже XXI века: Сборник научных статей преподавателей и аспирантов кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, посвященный памяти профессора В. В. Петрова / Сост. А. К. Голиченков, Т. В. Петрова; Под ред. А. К. Голиченкова. М.: Зерцало, 2000. 360 с.
6. Региональная целевая программа «Охрана и гигиена окружающей среды и обеспечение экологической безопасности в Мурманской области» на 2009–2010 годы. www.ustoichivo.ru

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ОЛЕНИНА

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и конституционного права, руководитель Эколого-правового центра юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
tyolenina@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ УЧРЕЖДЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье впервые формулируется определение административно-правового режима учреждения начального профессионального образования. Рассматриваются классификации видов административно-правовых режимов учреждений начального профессионального образования.

Ключевые слова: учреждение начального профессионального образования, административно-правовой режим

Административно-правовой режим является неотъемлемым и существенным элементом административного права. В юридической литературе существуют различные подходы к его определению.

Под режимом принято понимать распорядок дел, действий (например, режим экономики, режим отдыха). Правовой режим – это система норм права, которая регулирует деятельность, отношения между людьми по поводу определенных объектов. При этом можно различать юридическую сторону режима (систему правил) и фактическую сторону (реальное осуществление режимных норм).

Правовой режим – очень широкое юридическое понятие. Оно означает, что действия и отношения урегулированы правом, для их существования, развития и охраны используется система юридических средств воздействия (стимулирование, лицензирование, контроль, принуждение и др.). Приведем мнения исследователей об определении административно-правового режима.

Н. И. Матузов и А. В. Малько рассматривают правовой режим как особый порядок правового регулирования, выражющийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности или неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. Это система условий и методов осуществления правового регулирования, как бы «распорядок» действия права, функциональная характеристика права. Такая чрезмерно широкая характеристика стирает грань между известными категориями права и затрудняет выделение специфических признаков правового режима. Авторы относят к ним установление режимов в законодательстве и обеспечение их государством, целевую ориентацию на регулирование конкретных областей общественных отношений во временных и пространственных границах, особое сочетание юридических средств, создание конкретной степени благоприятности или

неблагоприятности для субъектов права. Отсюда – множество оснований для классификации правовых режимов [7; 17–18].

Д. Н. Бахрах понимает под административно-правовым режимом сочетание административно-правовых средств регулирования, опосредованное централизованным порядком, императивным методом юридического воздействия, которое выражается в том, что субъекты правоотношений по своему статусу занимают юридически неравные позиции [2; 202].

По мнению Ю. А. Тихомирова, административно-правовой режим есть специфический порядок деятельности субъектов права в разных сферах государственной жизни. Он устанавливается в законах и подзаконных актах и направлен на их строго целевую и функциональную деятельность на тех участках, где нужны дополнительные средства для поддержания требуемого государственного состояния [10; 377]. Кроме того, отмечается, что необходимость применения административно-правовых режимов – мера вынужденная, относящаяся к особым ситуациям в функционировании органов исполнительной власти и иных субъектов административного права [4; 263].

По-разному исследователи подходят к определению содержания административно-правового режима. Одни рассматривают его как совокупность нормативно урегулированных правил, сформулированных в форме дозволений, запретов и детальных регламентов, которым должны следовать субъекты управленческих отношений [6; 13]. Другие авторы в содержание административно-правового режима включают: его целевое назначение; правовые принципы (принципы особого режима административных актов, законности, ответственности администрации за причиненный вред и др.); объект административно-правового регулирования; юридическое положение субъектов; административно-правовой инструментарий, к элементам которого относят, например, следующие приемы: а) непосредственное (прямое)

приказание в отношениях организационной подчиненности, б) функциональное обязывание, характерное для отношений юридической подконтрольности, в) координационное обязывание и др. [9; 27–36]. Некоторые авторы также включают в содержание административно-правового режима соответствующую нормативно-правовую базу, обеспечивающую его функционирование [8; 450].

Исходя из данной широкой трактовки содержания административно-правового режима, в состав его элементов включается и правовой статус субъектов. Такой подход представляется целесообразным лишь в том случае, если в качестве элементов самого правового статуса рассматривать только права, обязанности и ответственность. В то же время включение правового статуса в содержание административно-правового режима вряд ли корректно, если следовать его широким трактовкам, имеющимся в литературе. В частности, это касается концепций, включающих в содержание правового статуса такие блоки элементов, как: а) целевой; б) структурно-организационный; в) компетенционный [1; 25]. При такой широкой трактовке правового статуса его отдельные «блочные» элементы вытесняют ряд содержательных частей административно-правового режима.

О. А. Ястребов, рассматривая административно-правовой режим унитарного предприятия, отмечает, что этот режим является более широкой категорией, нежели понятие его административно-правового статуса. По его мнению, под административно-правовым режимом унитарного предприятия понимается совокупность правовых требований и мероприятий упорядочивающего воздействия, реализуемых в соответствии с юридическими нормами, определяющими целевое назначение данных предприятий и их отдельных видов, а также порядок их взаимодействия с уполномоченными органами как носителями исполнительной власти [11; 17].

Таким образом, под административно-правовым режимом учреждения начального профессионального образования (далее – УНПО) можно понимать совокупность правовых требований и мер упорядочивающего воздействия, реализуемых в соответствии с нормами административного права, определяющими деятельность учреждений начального профессионального образования, а также порядок управления ими, направленный на упорядочение общественных отношений в образовательной сфере государственного управления.

В теории административного права существуют многообразные классификации административно-правовых режимов. Д. Н. Бахрах различает общий режим деятельности государственной администрации и специальные административно-правовые режимы. Они как бы дополнительно вводятся для обеспечения правового порядка специальными или тематическими нормами, преимущественно запрещающими и обязывающими нормами, установлением зонирова-

ния, режимных правил жизнедеятельности, закреплением особого статуса объекта (носителя режима). Режимы федеральные, региональные и местные иногда совмещаются [3; 410–418].

Ю. А. Тихомиров выделяет следующие режимы: регулирующие определенные государственные состояния (чрезвычайного, военного положения, охраны государственных границ и др.); обеспечивающие функции управления и сферы деятельности (налоговой, санитарной, экологической и т. д.); легализующие, касающиеся как официальной регистрации юридических и физических лиц, так и регламентации нормативных требований к видам деятельности; режимы в экстремальных условиях – технические и природные катастрофы, антикризисные режимы борьбы с терроризмом [10; 379].

В рамках конкретных видов режимов, например общих, отдельные авторы выделяют еще целый их спектр, в частности: режим государственного прогнозирования и планирования, режим бюджетного регулирования, разрешительная система, режим защиты прав физических и юридических лиц при проведении государственного контроля и надзора и др. [5; 375–426].

В основе разграничения основных видов административно-правового режима государственных учреждений начального профессионального образования лежит критерий их ограниченного вещного права на публичное имущество – право оперативного управления, которое имеет не только гражданско-правовое, но и административно-правовое значение в плане определения степени административной самостоятельности государственных учреждений начального профессионального образования от уполномоченных государственных органов.

Для учреждений начального профессионального образования свойственен учетно-легализующий режим. В частности, это предъявляемые со стороны государства требования государственной регистрации в качестве юридического лица, получения лицензии на осуществление образовательной деятельности, прохождения государственной аккредитации исследуемым образовательным учреждением.

Также для них специфичны и административно-функциональные режимы, то есть ориентированные на обеспечение выполнения определенных функций и действий. Среди них можно выделить следующие разновидности: режимы, устанавливаемые правилами деятельности учреждения начального профессионального образования (правила оказания образовательных и иных предусмотренных уставом услуг), экологическими требованиями (нормы экологического законодательства), налоговым законодательством и др.

Таким образом, административно-правовой режим УНПО характеризует его функционирование как юридического лица, которое при осуществлении своей деятельности находится под косвенным управленческим воздействием уполномоченных государственных органов.

номоченного органа государственной власти. Управленческого взаимодействия носят административно-правовой характер. Отношения между этими субъектами в процессе

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрах Д. Н. Административное право. М.: Бек, 1993. 301 с.
2. Бахрах Д. Н. Административное право. М.: Бек, 1996. 355 с.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России. М.: Норма-Инфра-М, 2000. 275 с.
4. Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Административное право. М.: ООО «ТК Велби», 2003. 480 с.
5. Дмитриев Ю. А., Евтеева А. А., Петров С. М. Административное право: Учебник. М.: Эксмо, 2005. 1008 с.
6. Жданкин Д. С. Административно-правовые режимы и их роль в государственном управлении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 17–18.
8. Общее административное право / Под ред. Ю. Н. Старицова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. 728 с.
9. Рушайло Б. В. Административно-правовые режимы. М.: Щит-М, 2000. 264 с.
10. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. Второе издание, дополненное и переработанное. М.: Изд-во Тихомирова М. Ю., 2006. 696 с.
11. Ястrebов О. А. Государственное унитарное предприятие как субъект административного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА САВЕЛЬЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия

savtar@karelia.ru

Рец. на кн.: И. А. Кюршунова. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 672 с.

Вышел в свет антропонимический словарь историко-регионального характера объемом 3 тысячи словарных единиц, выполненный на современном научно-исследовательском уровне и обобщивший историко-ономастические, лексико-диалектологические, лексикографические и историко-культурологические исследования, которые связаны с разными аспектами формирования русского собственного имени. Этот фундаментальный труд – один из первых ономастических словарей такого типа, подготовленный доцентом, заведующим кафедрой русского языка Карельской государственной педагогической академии Ириной Алексеевной Кюршуновой.

Оригинальное творческое лицо словаря определяется целым рядом моментов. Во-первых, впервые в науку введены в качестве обширной фактологической базы лингвистически не исследованные письменные источники Северо-Западной Руси (5 писцовых книг Обонежской и Водской пятины XV–XVII веков, дозорные книги Лопских погостов XVI века, множество юридических актов, в том числе грамот, челобитных, описей и прочих деловых документов, поступивших в Олонецкую приказную избу, Соловецкий монастырь, Строкину пустынь от жителей Карелии XV–XVII веков).

Во-вторых, концепция этого историко-регионального антропонимического словаря (кстати, победившая в конкурсе-2000, объявленном Институтом русского языка РАН) имеет четкий и продуманный характер, с гармоничным соотношением этимологических, историко-лексикологических, историко-словообразовательных, диалектных и культурологических сведений. Она позволила оптимально структурировать словарные статьи, выстраивая уникальность каждой по логично обоснованному стандарту.

В-третьих, словарь отличается прочным научным фундаментом, включающим в себя данные не только предшествующих словарей русского языка (около 40 этимологических общих и ономастических, исторических, диалектных, словообразовательных, фразеологических), многих рукописных словарных картотек, финских лексикографических трудов, но и материалы русских и карельских специальных исследований лексикологов, этнографов, фольклористов. Научная основа словаря обеспечивается языко-

выми параллелями, систематическими сведениями о других мнениях исследователей, библиографическими справками. Широкая эрудиция автора в фоновых историко-фонетических, историко-грамматических, лексико-семантических процессах позволила практически в каждой отдельной статье привести развернутую цепочку семантических и словообразовательных новообразований, причем чаще всего с реконструкцией незафиксированных звеньев.

Наконец, в-четвертых, словарь И. А. Кюршуновой отличается спецификой словарника – тех объектов словарной систематизации, которые существенно отразили межкультурное взаимодействие внутри полиглоссического региона Северо-Западной Руси, причем прежде всего прибалто-финно-русскую, а особенно русско-карельскую, языковую интерференцию, ее специфическую семантико-экспрессивную нагруженность. В целом более 40 % словарных единиц зафиксированы впервые.

Систематизация и обобщения антропонимических данных новых письменных источников региона позволили автору скорректировать и уточнить прежние этимологии русских фамилий, существенным образом расширить их диалектную базу и ареальные характеристики; заметно пополнить, а иногда и уточнить возможные мотивации прозвищных наименований; во многом пересмотреть некоторые словообразовательные и семантические пути развития антропонимов; представить важные социально-исторические и историко-культурные сведения о предках жителей Карелии и сопредельных областей, локализованных в пространстве и времени.

Некалендарные личные имена, прозвища, фамильные прозвания доносят до нас историю заселения края в многочисленных новгородских и псковских апеллятивных основах, не говоря уже о широко бытовавших карельских антропонимах прибалто-финского происхождения, которым уделяется пристальное внимание: Виглоха, Виктуев, Вяньга, Гижа, Гюев, Кеттуев, Куйва, Лембит, Тойвут и многие другие. Как и при анализе исконно-славянских имен, здесь устанавливается по специальным словарям этимон, рассматриваются возможные мотивации, с привлечением, где это возможно, данных исследований топонимики, фольклора, этнографии финно-угорских народов.

Для читателя чрезвычайно важно, что рецензируемый антропонимикон представляет замечательную возможность познакомиться с широкой панорамой народной жизни русского Средневековья и вчувствоваться в духовное бытие и речевое творчество безымянных творцов-номинаторов, то есть словарь развертывает, как пишет автор в своем предисловии, своеобразную «энциклопедию русской души».

Здесь нашли свое отражение традиции русских семейных связей и отношений (ср. прозвания типа Внучко, Дед, Вдовкин, Новожен, Пасынок, Бобыль, Векша – «одинокая незамужняя женщина»), этническая пестрота региона (Кайка – «вепс», Ижора – «представитель карел, проживающих в районе этой реки», Казарин – «хазар», Кореленик, Корелянин, Корела – «карел, а также русский житель определенного района Карелии»), передвижения выходцев из ближайших и дальних мест (Белозер, Шуеречанин, Ухтин, Варзужанин, Каргопол, Ухтомлянин, Кемлянин), разветвленная социальная структура общества: Князев – «крепостной князя», Богатырь – «начальник войска, воевода», см. также Воин, Головарь («главарь»), Игумен, Дьякон, Поп, Чернец и пр. При этом многие антропонимы имеют своим этимологическим источником указания на конкретный вид профессиональной деятельности: Бирич – «должностное лицо, объявляющее различные указы и распоряжения», Трубач – «работник на рассолодобывающей трубе Поморского соляного промысла», Щанник (Дщанник) – «бочар, изготавливающий чаны», Виранец – «работник, шивающий рыболовные сети», Рыбник – «рыбак», Копаль – «землекоп», Шапольник – «шапочник», Шубарь – «изготовитель шуб», Худокуй – «плохой кузнец», Коневал (Коновал) – «знахарь, ветеринарный лекарь», Коробейник – «мелкий торговец» и пр.

Главное же – словарь некалендарных личных имен и прозваний ярко свидетельствует об этнической психологии, верованиях, нравственных и эстетических ценностях народа-языкотворца. Так, обращает на себя внимание широкое распространение в архаичной культуре мотивации оберега, магически охранной функции: Бес, Черт, Чертодавлев, Безобраз(ный), Белой, Босой, Бедной, Огонь, Волк, Волос, Гусь, Голубь, Жук, Змей (Змеев), Желтухин, Трясца Гость, Зуб, Игла, Негодяй, Неел, Нелюба, Некрас, Немир, Несвойка и многие другие. Как правило, охранный характер имени устанавливается в том случае, если слово-этимон имело в народной культуре мифологический характер. К примеру, в Карелии, как и по всей Руси, широко было распространено некалендарное личное имя Медведь (Медведко), называвшее звериного двойника человека и сохранившее с глубокой древности в мифоэтическом сознании память о тотеме – «прапорителе» рода. Крестьянин Мураш Федко из поселка Толвуйский мог получить свое прозвание как на русской фольклорной основе

(с муравьями связывается спасительная функция при мифологическом превращении в них героев русской сказки и былины, отсюда вера в счастливые предзнаменования, связанные с муравьями), так и на финно-угорской (поскольку этнографам известен обряд жертвоприношения лесным духам на муравейниках). Поэтому так важны автору словаря этнографические и фольклорные исследования региона, на которые он регулярно ссылается.

Интересная авторская находка содержится в словарной статье о крестьянском антропониме Ожгибесов (из Ожгибес). В отличие от комментария известного ономаста В. А. Никонова, который предположил связь этой фамилии с недощедшей легендой о хитреце, ожегшем беса, И. А. Кюршунова правомерно акцентирует внимание на охранной функции фамильного прозвания, соединившего языческие (очистительная сила огня) и христианские верования в нечистого духа, при этом неслучайность номинации в семейной традиции данного крестьянина подчеркивается его личным именем Шишуля – персонажем северной языческой демонологии.

Из архаичных мотиваций нередко устанавливается также «пожелательное» имя. К примеру, Бык. Оно аргументируется поверью Олонецкого края о жертвенному быку на Ильин день, который якобы утраивает охотничью добычу и кости которого приносят счастье.

В диалектном лексиконе Северо-Западной Руси особо высокий «антропонимический коэффициент» обнаружила лексика со значением «болтливый, болтун» (Байко, Бобоша, Балакшин, Байбач, Бача, Бачура, Верещага, Шалга), «лживый, обманщик, плут» (Базло, Мутар, Ошук, Бухара, Варлыжник), «ленивый, повеса» (Баклан, Охлябина, Огур, Висленя), «драчливый, скандалист» (Бузуй, Бушуй, Бучень, Задорка, Зажога, Зубарь, Кокша), «толстый, обжора, неповоротливый» (Кережа, Микиш, Кабан), «жадный» (Оглода, Габук).

Информативность рассматриваемого словаря достаточно высока. Им может успешно пользоваться и специалист-ономаст, и диалектолог, и филолог широкого профиля, и историк, и учитель-словесник, и студент, и просто любознательный читатель, который хочет извлечь сведения о собственной фамилии и своей родословной. Тем более, что в качестве приложения приводится словник фамилий, именные источники которых зафиксированы в местных письменных памятниках.

Разумеется, как в любом историко-этимологическом словаре, возможны варианты исторического комментирования, неточности и спорные утверждения из-за объективных причин слабой изученности исторической ономастики. Однако научная добросовестность автора проявляется в тщательном учете всех имеющихся мнений и регистрации неясных этимологий, что позволяет во всех толкованиях максимально полно и объективно представить поле вариативности.

АНДРЕЙ ОЛЕГОВИЧ МУРАВЬЕВ

аспирант кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета, Петрозаводский государственный университет

myravlev.andrey@gmail.com

ЛЕВ ВАЛЬТЕРОВИЧ СУНИ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета, Петрозаводский государственный университет

suni@karelia.ru

Rez. na kn.: Saarela Tauno. Suomalainen kommunismi ja vallankumous 1923–1930. Historialisia tutkimuksia 239. – Helsinki, 2008. – 840 s.

Монументальный труд финского историка Тауно Саарела «Финский коммунизм и революция 1923–1930 гг.» посвящен всестороннему исследованию стратегии и тактики коммунистических организаций в условиях резкого обострения политической борьбы в Финляндии после закончившейся гражданской войны 1918 года и последовавшего за ней белого террора.

Автор известен своими работами о финском левом движении 1920-х годов, среди которых монография «Рождение финского коммунизма 1918–1923 гг.» [2], являющаяся своеобразным введением к рецензируемому исследованию.

Нельзя сказать, что история левого радикализма в Финляндии до сих пор оставалась вне поля зрения историков. Во второй половине прошлого столетия увидели свет книги англоязычных авторов – Джона Ходжсона и Энтона Аптона [1], [3], представляющие собой общее изложение истории коммунистического движения в Финляндии в основном послевоенного периода.

Финская историография рассматриваемой проблемы на протяжении многих десятилетий формировалась под влиянием результатов гражданской войны в Финляндии, в которой «красные» потерпели поражение. Исходным посылом для большинства увидевших свет исследований была неразрывная и опасная для судеб Финляндии связь финского коммунизма с Коминтерном и Советским Союзом, что смешало акценты с обстоятельного изучения самого коммунистического движения 1920-х годов в сферу межгосударственных отношений двух стран.

В работах коммунистических авторов, вышедших после Второй мировой войны, в свою очередь, акцентировалась мысль об организующей и направляющей роли Коммунистической партии Финляндии (КПФ) в левом движении 1920-х годов, но без должного конкретного анализа его истории. В послевоенные десятилетия увидело свет немало работ о различных общественных организациях (молодежных, женских, спортивных, профсоюзных), находившихся под

влиянием коммунистов. Но всестороннего и столь подробного исследования истории «финского коммунизма» 1920-х годов до сих пор не появлялось.

Работа Т. Саарела написана с привлечением богатого материала, почерпнутого из различных архивохранилищ Финляндии (Национальный, Народный, Рабочий и иные архивы), Российского государственного архива социально-политической истории (фонды Коминтерна, Коммунистической партии Финляндии, ее руководителей), а также многочисленных документальных публикаций и прессы соответствующих лет. Обширная исследовательская литература позволила автору представить собственную тему в контексте политических процессов в Финляндии 1920-х годов.

Это было десятилетие резкого противостояния левого и правого радикализма, в ходе которого лидеры основанной в Москве (1918 год) Коммунистической партии Финляндии стремились продолжить свою деятельность в Суоми под прикрытием различных подконтрольных им легальных организаций.

Созданная в 1920 году Социалистическая рабочая партия Финляндии (программа и устав были написаны О. В. Куусиненом) имела заметные успехи на поприще парламентской борьбы (27 депутатов в парламенте в 1922 году), но сразу же подверглась репрессиям. Эта же судьба ожидала и Финскую рабочую партию, основанную в 1923 году. Ее руководство, обвиненное в подготовке государственного переворота, и депутаты парламента были арестованы, конфискованы газеты и типографии. Сама партия была запрещена, что вынудило коммунистов изменить тактику и перейти к созданию временных избирательных блоков «рабочих и мелких земледельцев», не требовавших юридической регистрации. Под контролем леворадикальных политических сил находились Рабочий спортивный союз, Профсоюзная организация Финляндии, левые молодежные союзы. Однако последние возможности для ведения легальной политической деятельности леворадикальным движением Финляндии были ис-

черпаны в 1930 году, когда финский парламент принял так называемые «коммунистические законы», отражавшие настроения и требования праворадикальных сил страны.

Автор посчитал необходимым пояснить термин «финский коммунизм», понимая под ним как все организованное движение, которое стояло левее Социал-демократической партии, так и московское руководство КПФ и ее активистов, находившихся на подпольном положении в Финляндии. При этом Т. Саарела, в отличие от утвердившейся в финской историографии концепции, пишет о недопустимости ставить знак равенства между финскими коммунистами с одной стороны, большевиками и Коминтерном – с другой. Традиции финского рабочего движения и практическая деятельность коммунистов в самой Финляндии, по его утверждению, наложили своеобразный отпечаток на идеологию и практику финского коммунизма. Его деятели не исключали использование мирных и легальных средств борьбы за интересы трудящихся. И тем не менее этим термином, по мнению автора, наилучшим образом можно объединить рассматриваемые процессы, имевшие место в двух странах – Финляндии и Советском Союзе.

Задачи своего исследования Т. Саарела сформулировал следующим образом: выяснить, что именно в 1923–1930 годах предпринимал финский коммунизм для подготовки очередной революции; каким образом он собирал необходимые для этого силы; какими методами стремился ослабить и подорвать устои существующей власти.

На огромном материале Т. Саарела прослеживает практическую работу левых организаций, подчеркивая при этом специфику, имевшую место в партийных структурах и в разных регионах страны. Это позволило автору сделать вывод о том, что «финский коммунизм» все же не представлял собой цельного и сцепленного движения, которое беспрекословно выполняло указания руководства КПФ, поступавшие из Москвы. Наиболее ярким примером является отказ финских коммунистов выдвинуть кандидатуру О. В. Куусинена на президентских

выборах 1925 года. Трения имели место и в рамках профсоюзного движения, некоторые деятели были не прочь наладить контакты с социал-демократами, против ревизионизма которых, согласно резолюции 6-го конгресса КИ (1928 год), коммунисты должны были вести непримиримую борьбу.

Обилие в рецензируемой работе фактического материала заставило Т. Саарела избрать комбинированную схему изложения. Первый и последний разделы (1923 и 1930 годы соответственно) представляют хронологическое описание происходивших событий в указанные годы. Остальные главы построены по тематическому принципу, позволившему в концентрированном виде проследить политическую линию коммунистов в отношении официальной власти и ее институтов, социал-демократии, профсоюзов, крестьянства, религии, школы и т. д. Автор подводит читателя к выводу о том, что левое движение в стране было очень активным и использовало любые возможности для того, чтобы заявить о себе.

Обстоятельное исследование Т. Саарела, привнесшее в историческую науку много новых, неизвестных доселе фактов, все же не меняет нашего общего представления о той сложной обстановке, в которой финскому коммунизму приходилось вести свою политическую борьбу после окончания гражданской войны в Финляндии.

Бесспорным достоинством монографии являются обширные приложения о персональном составе руководящих органов КПФ разного уровня, депутатов парламента 1923–1930 годов от левых организаций и предвыборных блоков, участников пленумов, партконференций и V партийного съезда КПФ (1925 год). Представляет интерес обширный список расшифрованных партийных кличек и псевдонимов, которыми пользовались коммунисты в своей переписке и в легальной печати.

Обстоятельный труд Т. Саарела, отмеченный специальной премией за заслуги в изучении рабочего движения, представляет интерес не только для специалистов по истории Финляндии, но и для исследователей, занимающихся историей левого движения в Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hodgson John H. Communism in Finland. A History and Interpretation. Princeton, 1967.
2. Saarela T. Suomalaisen kommunismisen synty 1918–1923. Tampere, 1996.
3. Upton Anthony F. Kommunismi Suomessa. Rauma, 1970.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ПАДИСОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента экономического факультета, Кольский филиал Петрозаводского государственного университета

padisov@mail.ru

Рец. на кн.: Акулов В. Б. Теория экономической организации: Учебное пособие / В. Б. Акулов. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 296 с.

В настоящее время мы являемся невольными свидетелями ускоряющихся и усложняющихся трансформаций, происходящих в окружающей среде. В первую очередь эти изменения затрагивают процессы, протекающие в экономической сфере. Скоро пойдет уже третий десяток лет, как Россия пытается стать страной с развитой рыночной экономикой. До сих пор у нас слышны отголоски советской модели управления народным хозяйством, и так же долго в некоторых отраслях и отдельных организациях сохраняются методы управления и принятия управленческих решений, подкрепленные прежде всего консервативно-авторитарным подходом, часто лишенным всякой гибкости и стратегического видения. Очевидно, что в определенной степени это является одним из целого ряда факторов, тормозящих развитие экономики в нашей стране в переходный период. Все это актуально не только в рамках какого-либо хозяйствующего субъекта, но и страны в целом. Неудивительно, что ученые, аналитики и эксперты в области экономики и связанных с ней областей знания стараются описать и смоделировать современные экономические процессы, происходящие не только на макро-, но и на микроуровне. В этих условиях теория экономической организации приобретает особую актуальность и значимость.

Учебное пособие, написанное профессором Петрозаводского государственного университета Владимиром Борисовичем Акуловым, на мой взгляд, выделяется на фоне трудов других авторов по некоторым причинам.

Во-первых, стоит сказать об отличиях структурного плана. В своем труде автор четко разграничил основные рассматриваемые вопросы по теории экономической организации. В начале каждой главы дается краткий обзор рассматриваемых положений и вопросов; далее теоретические положения и умозаключения автора сопровождаются актуальными примерами; в заключение разделов отводится место для основных экономических понятий и положений, что облегчает процесс восприятия информации студентами.

Во-вторых, отметим отличия содержательного характера. На мой взгляд, автором был предложен оригинальный качественный подход к рассмотрению и вскрытию сущности современ-

ной организации капитала. В первую очередь автор определил «фундамент» и границы теории экономической организации. В. Б. Акулов убедительно показывает, как через ответы на 4 ключевых вопроса теории организации происходит осознание действия основных скрытых от взгляда обывателя внутрифирменных процессов. Как наука теория экономической организации должна искать ответы на следующие вопросы: 1) определение размеров и границ фирмы; 2) определение способа упорядочивания элементов организации; 3) определение элементарной единицы («атома») организации; 4) определение способа адаптации организации к изменениям.

Определение размеров и границ фирмы является отправной точкой в работе автора. Данные категории связаны с максимизацией превышения результата над затратами. Собственники капитала сегодня стоят перед выбором между двумя подходами – неоклассическим и подходом на основе трансакционных издержек. Учет последних позволяет (например, капиталисту) определиться с тем, какие виды деятельности следует оставить в структуре (портфеле) компании, а от каких стоит избавиться. Выбор между бесплатностью и небесплатностью рыночных трансакций является определяющим в деятельности любой организации. Современные, порой непредсказуемые изменения экономической системы толкают менеджеров фирм к поиску оптимальной модели поведения в конкретный момент времени. Кто-то предпочтет получить гарантии поставки сырья за счет включения во внутрифирменную структуру фирмы-поставщика и тем самым снизить риски, кто-то – встать на путь дальнейшего наращивания капитала путем его концентрации и т. п.

Следующей задачей теории экономической организации стала возможность определения способа упорядочивания элементов организации. Здесь автор обозначил три разных подхода к решению данной проблемы. 1) Выделение бюрократических и адаптивных структур. 2) Через организацию информационных потоков внутри компании и изменение соотношения элементов в треугольнике собственность – контроль – управление. Данный путь позволил автору выделить три типа организационных структур: У-структуры (унитарные), Х-структуры (холдинговые) и М-структуры (малтидивизиональные). 3) Через

отказ от вертикальных структур и переход к плоским. Этот относительно современный подход к трансформации организационной структуры в первую очередь объясняется акцентированием все большего внимания на проблемах снижения издержек, снижении степени централизации управления и заменой административных отношений контрактными. Все это стало возможным благодаря сетизации. Стоит заметить, что в последнее время количество такого рода структур возрастает, особенно если речь идет о крупных компаниях. Например, такие компании, как «Nike» и «Adidas», уже давно сделали выбор в пользу сетевой структуры. Создание сетевых структур возможно двумя известными способами: 1) крупная компания собирает вокруг себя фирмы меньшего размера через использование системы субподряда, франчайзинга и другого рода отношений несимметричной взаимозависимости; 2) организация сети юридически самостоятельных и близких по размерам фирм.

Появление на мировой арене таких новых крупных игроков, как Китай, Индия, Индонезия и других, способствовало быстрому развитию второго типа сетизации. Например, благодаря экономическому курсу коммунистической партии Китая, выбранному ею в середине 80-х годов XX века, ориентированному на подъем экономики страны и на приток иностранных инвестиций, многие иностранные компании стали размещать в Китае свои производства либо заключать сети контрактных отношений на выполнение тех или иных заданий, соответствующих определенным стадиям технологических цепочек компаний, или на производство готовой продукции.

Третьей задачей теории экономической организации автор книги считает определение элементарной единицы («атома») организации. Рассматриваются два подхода к определению этой элементарной единицы. Первый вид структурной единицы организации – технологическая единица на основе разделения труда на некоторые элементарные составляющие, с закреплением трудовых заданий за определенными работниками. Второй вид основан на выделении в организации экономических единиц в виде бизнес-процессов.

В качестве последней задачи организации В. Б. Акулов выделяет определение способа адаптации организации к изменениям. На мой взгляд, автор отчасти предугадал новый виток развития экономической конъюнктуры, точнее, ее падения. В период развития мирового кризиса для многих компаний решение данной задачи на практике является актуальным как никогда. Большинство фирм, не успевших или не сумевших предугадать кризисные явления и подготовиться к ним, встали перед нелегким выбором: либо уйти с авансцены, либо срочно искать способы адаптации организации к изменениям. Неудивительно, что на HR-рынке резко вырос спрос на антикризисных менеджеров. В сложившейся ситуации практическое воплощение получили такие перечисленные автором пособия способы адаптации к изменениям внешней среды, как реинжиниринг и оптимизация издержек компаний за счет перестройки ее внутрифирменной структуры. Увы, в российской практике наиболее популярным стал способ оптимизации издержек, в первую очередь за счет сокращения численности персонала организации.

В дополнение к проведенному анализу многообразия экономических отношений на рынке в пособии рассматривается роль независимых факторов при функционировании экономической системы на макроуровне.

В заключении книги уделяется внимание рассмотрению вопроса о поведении людей и эффективности экономической организации. Упор был сделан на актуальной в современной переходной экономике ситуации ограниченного рационального поведения экономического субъекта, его оппортунизме. Автор показывает наличие оппортунистического поведения, с одной стороны, как реального составного элемента экономики переходного периода, с другой – как элемента, тормозящего процесс развития экономических отношений и экономической системы в целом.

Резюмируя все вышесказанное, отмечу, что книга Владимира Борисовича Акулова является весьма полезным и познавательным учебным пособием для студентов-экономистов по дисциплине «Теория организаций» для специальностей «Менеджмент», «Менеджмент организаций» и «Государственное и муниципальное управление».

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ПОНЫРКО

доктор филологических наук, заведующий Отделом древнерусской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург

odrl@mail.ru

Рец. на кн.: Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелии / Сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Пигин. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. – 608 с.

Еще в середине прошлого столетия началась работа отечественных археографов по описанию и изучению книжно-рукописного наследия Русского Севера. Опираясь на опыт дореволюционных исследователей, археографы нового времени продолжили полевое обследование районов Русского Севера и камеральное изучение севернорусского книжно-рукописного наследия. Одним из первых и до сих пор образцовых каталогов региональной книжной традиции стал каталог Усть-Цилемских рукописей, подготовленный В. И. Малышевым [2]. В конце 70-х годов XX века под руководством одного из самых значительных археографических центров того времени – Отдела рукописей Библиотеки Академии наук – была начата работа по воссозданию и описанию комплекса региональных рукописных источников, основанная в том числе и на описании материалов современных областных архивохранилищ. В это время вышли в свет сводные каталоги памятников книжной культуры Вологды и Коми края [3], [4]. В программной статье А. А. Амосова [1], намечающей дальнейшее воплощение задачи описания памятников севернорусской книжной культуры, приведен наиболее полный обзор основных сводов источников по изучению книжных традиций различных районов Русского Севера (Нижняя Двина, Средняя Двина и Вага, Верхняя Двина, Пинега, Мезень, Каргополье, Беломорский комплекс, включая и Соловецкий архипелаг). Описание этих источников – одна из важнейших задач современной камеральной археографии. Таким образом, сводный каталог рукописных памятников, хранящихся в государственных хранилищах Карелии, представляет собой достойный вклад в решение этой задачи.

Предисловие к изданию раскрывает историю формирования книжной культуры Карелии от первых монастырских собраний до традиции Выго-Лексинского общежительства, сыгравшего огромную роль в становлении книжной культуры не только Олонецкой губернии, но и Русского Севера в целом, – памятники выговской книжности в той или иной степени представлены во всех регионах Русского Севера. Это еще раз подчеркивает значимость книжного наследия Карелии в общерусском культурном процессе.

С другой стороны, раскрыта в предисловии история археографического обследования Олонецкой губернии позволяет воссоздать полный свод памятников по изучению книжно-рукописной традиции этого региона, разбросанных ныне по многим государственным архивохранилищам. Если многие рукописи из сокровищниц Москвы и Петербурга известны исследователям, то большинство рукописных памятников, находящихся в карельских хранилищах, впервые вводятся в научный оборот именно в этом издании, что еще раз подчеркивает его научную ценность.

Большим достоинством каталога служит изначальная установка его ответственного редактора не на упрощенное, но на полное научное описание рукописей. Именно поэтому привлечение к работе специалистов из разных областей современной медиевистики позволило каталогу стать настоящим научным исследованием. В то же время важно отметить, что над каталогом работали прежде всего ученые карельских научных центров – Петрозаводского государственного университета (в том числе и ученики А. В. Пигина), Национальной библиотеки Республики Карелии, музея-заповедника «Кижи». Это свидетельствует о существовании хорошей археографической школы в Карелии и вселяет надежды на продолжение работы по описанию архивных материалов, оставшихся по вполне понятным причинам за рамками каталога, изучению и изданию описанных в каталоге памятников.

Описания рукописей в каталоге выполнены в соответствии с обозначенной установкой. Приведены все палеографические характеристики рукописных кодексов, воспроизведены все записи – владельческие, вкладные, фенологические пометы и т. д. В процессе работы установлены имена многих создателей рукописей, в их числе, например, Федотец Иванов Прыткий, книжник второй половины XVI века, рукописания которого были выявлены петрозаводскими исследователями также в собрании М. П. Погодина в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Особенно ценно стремление составителей каталога к подробному научному описанию содержания рукописных сборников. Источниковедческий подход к описанию и анализу памятников

литературы позволяет на примере истории текстов, представленных в рукописях местного происхождения и бытования, на примере анализа отдельных сборников и их источников ввести наследие местной традиции в общерусский книжный и литературный контекст и, с одной стороны, выявить, в какой степени общерусские культурные процессы отразились на развитии местной книжной культуры, с другой – представить необходимость обращения к книжно-рукописному наследию местных традиций при изучении общего пути развития русской литературы и книжной культуры. Раскрывая статьи рукописных сборников, составители каталога обращались и к материалам классических описаний рукописей (Описания Синодального собрания А. В. Горского и К. И. Невоструева, описания В. И. Срезневского и др.), и, что очень важно, непосредственно к рукописям центральных хранилищ, текстологически сопоставляя тексты памятников для наиболее адекватной оценки особенностей карельских списков в истории текста тех или иных произведений. Именно такая исследовательская работа позволила подчеркнуть ценность хранящихся в Карелии уникальных рукописей и памятников (Сборник сочинений Ипполита папы Римского конца XV – начала XVI века из Выговской библиотеки (НА РК, ф. 889, оп. 1, д. 48), «Зерцало духовное» западнорусского писателя середины XVII века (КГКМ, № 1423/3), «Жалобница» поморских старцев 1691 года (музей-заповедник «Кижи», КП-219/2), лицевой сборник северодвинской традиции (НА РК, ф. 889, оп. 1, д. 13), травник конца XVIII века (музей-заповедник «Кижи», КП-4281/1) и др.).

Очень важно, что в издании нашли отражение не только описания традиционных памятни-

ков древнерусской литературы (богослужебных книг, житий святых и святоотеческих поучений, певческих книг и т. д.), но и материалы крестьянских семейных архивов (особенно интересны материалы книг и документов крестьян Корниловых), поздние писарские списки и конспекты (Сборник философских сочинений – НА РК, ф. 889, оп. 1, д. 78), помянники и целый пласт памятников литературы, которые вызывали интерес и старообрядцев, и «мирских» книжников. К ним относятся прежде всего апокрифические произведения и тексты, связанные с повседневной обрядовой и бытовой культурой крестьянского общества, – различные заговоры и «отреченные» молитвы. Весь этот комплекс памятников позволяет адекватно представить историко-культурный контекст, в котором сосуществовали в региональной традиции тексты самых различных жанров, историко-культурных направлений и практических назначений.

Издание снабжено библиографией и указателями, необходимыми для работы с каталогом. Отсутствие ставшего традиционным для такого рода изданий указателя инципитов рукописных статей вполне компенсируется тщательно выполненным указателем названий памятников. К несомненным достоинствам справочного аппарата следует отнести наличие указателя роспевов и нотаций, раскрывающего особенности памятников древнерусского певческого искусства, составляющих значительную долю в книжном наследии Карелии.

Научные публикации текстов, помещенные в Приложении, представляют исследователям неизвестные ранее памятники северорусской традиции и местные редакции общерусских литературных произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А м о с о в А . А . Книжная культура Архангельского Севера (Проблемы. Источники. Неотложные задачи) // Культура Русского Севера. Л.: Наука, 1988. С. 108–113.
2. М а лы ш е в В . И . Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. 216 с.
3. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель / Под общ. ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1982–1984. Ч. 1–5.
4. Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / Сост. Т. Ф. Волкова, А. А. Амосов, А. Н. Власов, Л. А. Петрова. Сыктывкар, 1989.

Мария Ивановна Муллонен родилась в большой крестьянской семье в финской деревне Орава под Ленинградом. Отец и дед были земледельцами. Оба были репрессированы в 1930-е годы и погибли в сталинских лагерях. Первую военную зиму 1941–1942 годов Мария Ивановна провела в блокадном Ленинграде; весной 1942 года вместе со всем финским населением города и области, оказавшимся в блокадном кольце, была эвакуирована в Сибирь, где прожила четыре года в глухом таежном поселке на землях еще одного финно-угорского народа – хантов. После войны семья вернулась в Ленинград, однако в 1947 году была выселена, так как финнам проживание в Ленинграде и области было запрещено. Начались скитания в поисках места жительства – Эстония, Псков, Карелия. Пришлось расстаться с мечтой о поступлении в Ленинградский университет.

С 1949 года ее второй родиной стала Карелия. Мария Ивановна поступила на филологический факультет Петрозаводского университета, где наряду с русской филологией изучала финно-угорское языкознание и финскую литературу. По окончании университета с красным дипломом в 1954 году она была рекомендована в аспирантуру по финно-угорскому языкознанию. Тема ее кандидатской диссертации была посвящена проблемам синтаксиса финского литературного языка; работу она написала под руководством известного московского финно-угроведа К. Е. Майтинской, работавшей в Институте языкознания АН СССР, а защитила ее в старейшем университете Эстонии – в г. Тарту. С этого времени ее преданность синтаксису была бесконечной. Она говорила: «Можно знать сколько угодно слов, но если не знаешь, как их соединить друг с другом, то вряд ли тебя кто-то поймет», и на это было трудно возразить.

С 1958 года Мария Ивановна занималась научной работой в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, где в это время проходил интенсивный сбор материала по языку и культуре быстро исчезающих коренных народов Карелии – карелов и вепсов.

ПЕДАГОГУ И УЧЕНОМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ (Памяти М. И. Муллонен)

М. И. Муллонен (1930–2008) – профессор кафедры финского языка факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета.

Языки этих народов не имели своей письменности. Первую диалектологическую экспедицию Мария Ивановна совершила к тверским карелам. Но судьба свела ее через год с вепсами и их языком. В течение 10 лет (1959–1969) вместе с М. И. Зайцевой она исколесила все вепсские регионы, которые расположены на территории Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. Результатом работы стали книги: «Образцы вепсской речи» (Л.: Наука, 1969) и «Словарь вепсского языка» (Л.: Наука, 1972), включившие в себя не только лингвистический, но и этнографический и фольклорный материал. Словарь вепсского языка, вобравший в себя все вепсские диалекты и изданный впервые в истории функционирования финно-угорской науки, давно стал раритетным изданием. Он является, на наш взгляд, одним из лучших отечественных трудов по вепсскому языку. Мария Ивановна блестяще освоила родственный финскому вепсский язык и уже не расставалась с ним в течение всей своей научной и педагогической деятельности.

В 1970 году М. И. Муллонен была приглашена на педагогическую работу в Петрозаводский государственный университет, где проработала без малого 40 лет. В течение 15 лет она заведовала кафедрой финского языка и литературы, читая все основные лекционные курсы на финском языке по современной и исторической грамматике финского языка, финно-угроведению, лексикологии и фразеологии, спецкурс по языку народного эпоса «Калевала» и др. Вместе с преподавателями кафедры она готовила и издавала учебные пособия и учебники финского языка для вузов и школ Карелии. Поскольку учебная литература по финскому языку нигде в стране больше не издавалась, Мария Ивановна, ее коллеги и ученики были в этой области своеобразными первоходцами. За время ее работы было подготовлено и издано более десяти учебных пособий. Мария Ивановна подготовила три учебника по теории грамматики финского языка: морфология (1981) и синтаксис (1982, 1986). Она же работала и над подготовкой двухтомного учебника финского языка, написанного

в соавторстве с преподавателями Хельсинкского университета и предназначенного как для вузов России, так и для самостоятельного изучения языка. Этот учебник, опубликованный в Петрозаводске, выдержал несколько изданий (первое издание вышло в свет в 1992 году) и по сей день является одним из лучших в этой области.

Мария Ивановна была строгим педагогом, проявлявшим исключительную заботу о качестве языковых знаний студентов, прежде всего это языковые курсы в Финляндии и переводческая практика в туристских фирмах и строительных организациях в разных уголках страны. За время ее руководства кафедрой было выпущено более трехсот специалистов со знанием финского языка, которые работали и работают в разных регионах нашей страны и за ее пределами. Многие ее выпускники стали квалифицированными педагогами, переводчиками, журналистами, деятелями науки и культуры.

Новый этап в творческой биографии М. И. Муллонен наступил в конце 1980-х годов, когда у карелов и вепсов появилась возможность возрождения родного языка и культуры, создания письменности и начала преподавания названных языков в школе и вузе. Здесь Мария Ивановна вновь и с большим успехом обратилась к ставшему ей родным и близким языку вепсов. Вместе с другими активистами она приняла участие в возрождении алфавита вепсского языка (1989), в создании первых книг на языке вепсов – букваря (1991), учебников для начальной школы и словарей (1991, 1992, 1994, 1995, 2005). В учебниках не только излагался грамматический материал или материал для чтения, но и разрабатывалась вепсская орфография, закладывались основы вепсской письменной речи, расширялся лексический тезаурус языка, пополняясь новейшей лексикой и терминологией. Глубокие теоретические и практические знания Марии Ивановны позволяли ей оказывать существенную помощь в работе республиканской Термино-орфографической комиссии, которая была создана при главе правительства РК в конце 1990-х годов и продолжает осуществлять свою деятельность на общественных началах и в настоящее время.

При непосредственном участии М. И. Муллонен было издано три бюллетеня новейшей вепсской лексики и терминологии (Школьная лексика, Лингвистическая терминология (2001), Новая лексика вепсского языка (2004)). С первых дней создания газеты на вепсском языке *Kodima* («Родная земля») (1993) Мария Ивановна была главным ее читателем, ценителем и критиком, помогая формированию публицистического и художественного стилей на младописьменном языке вепсов.

С начала 1990-х годов ПетрГУ начал готовить специалистов по карельскому и вепсскому языкам и был открыт факультет прибалтийско-финской филологии и культуры. И здесь наряду с финским языком Мария Ивановна обучала студентов вепсскому языку. Это потребовало создания новых учебных курсов и учебных пособий, творческих и физических сил.

Научные и педагогические заслуги М. И. Муллонен были высоко оценены многими почетными грамотами и благодарственными письмами, а также правительственные наградами: в 1986 году она была награждена орденом Знак почета, в 1990-м ей было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия», в 2005-м – «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», с 1978 года она является иностранным членом Общества финской литературы, с 1980-го – Финно-угорского общества Финляндии.

Мария Ивановна Муллонен как-то однажды призналась: «Я родилась в финской семье, но душа моя оказалась вепсской». И так с финским сердцем и вепсской душой она стала блестящим педагогом, воспитавшим большую плеяду учеников, которые преданы ей и бесконечно благодарны за помощь и совет в возможности найти место в жизни и быть полезными родному народу.

Н. Г. ЗАЙЦЕВА
доктор филологических наук, заведующий сектором
языкознания Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, благодарная ученица
и соавтор многих трудов на вепсском языке

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

21–22 октября 2010 года
Петрозаводский государственный университет

Факультет прибалтийско-финской филологии и культуры
ПетрГУ проводит традиционную международную научную конференцию «Бубриховские чтения».

Оргкомитет конференции:
Петрозаводский государственный университет
Факультет прибалтийско-финской филологии и культуры

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Тел.: (8142) 57-13-41, 57-24-08
E-mail: finsdep@psu.karelia.ru

ХРОНИКА

■ 16–17 февраля 2010 года в ПетрГУ прошла V научно-методическая конференция, посвященная 70-летию Петрозаводского государственного университета, «Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации».

На ставшей традиционной конференции все-сторонне обсуждалась роль вузов как системообразующих элементов региональной образовательной среды в условиях развивающейся реформы образования в Российской Федерации. Особое место в работе конференции заняли вопросы методики и качества преподавания в высшей школе, внедрения инновационных методов, средств и форм в образовательный процесс

вуза, а также вопросы психологии и педагогики высшего образования. На открытии конференции ректорам Университетов г. Оулу Лаури Лайюнену, Восточной Финляндии Пертти Вартиайнену, а также профессору Университета Восточной Финляндии Матти Ууситупе, до января 2010 года являвшемуся ректором Университета г. Куопио, были вручены дипломы Почетного доктора ПетрГУ.

■ 19–23 апреля 2010 года в ПетрГУ проходила 62-я научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых.

На 99 секциях 14 факультетов было представлено 979 докладов. В работе конференции приняли участие 3849 студентов, 581 преподаватель, 198 гостей. В этом году на секциях конференции выступали с докладами клинические ординаторы, аспиранты, студенты Карельской педагогической академии, Петрозаводского базового медицинского колледжа, других вузов России, Финляндии.

Исторический факультет посвятил одну из секций 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Были представлены доклады о партизанском движении в Карелии, о финских концентрационных лагерях 1941–1944 годов для советских военнопленных в Карелии.

В рамках конференции состоялся II этап по отбору участников Программы «УМНИК».

■ 28–30 апреля 2010 года экономический факультет ПетрГУ при поддержке Оксфордского Российского фонда (ОРФ) провел II научную конференцию «Институциональное развитие регионов в условиях модернизации российской экономики» для студентов-стипендиатов ОРФ, аспирантов и молодых ученых-экономистов.

Стипендиальная программа ОРФ, которая действует в ПетрГУ уже три года, существенно повлияла на активизацию научной работы студентов гуманитарных факультетов университета, более того, все студенты – участники конференции смогли приехать благодаря поддержке фонда. Это представители 12 российских университетов: Южный федеральный университет, Кубанский ГУ, Иркутский ГУ, Казанский ГУ, Нижегородский ГУ, Новгородский ГУ, Сибирский федеральный университет, Самарский ГУ, Тверской ГУ, Ульяновский ГУ, Уральский ГУ, Пермский ГУ. Также были представители СПбГУ, Кольского филиала ПетрГУ, Института экономических проблем КНЦ РАН, Института экономики КарНЦ РАН, Воронежского института менеджмента, маркетинга и финансов, Чешского земледельческого университета, Северо-Западного филиала Академии государственной службы, юридического факультета ПетрГУ. В конференции и работе секций приняли активное участие член-корреспондент РАН, д.э.н., заведующая лабораторией гендерных исследований Института

социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН Римашевская Н. М.; д.э.н., профессор, заведующий лабораторией институционального анализа экономического факультета МГУ Тамбовцев В. Л.; к.э.н., доцент ИСЭПН РАН Мигранова Л. А.

Пленарное заседание открыл доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета В. Б. Акулов с докладом «Уровень развития институтов и макроэкономическая эффективность».

Тема выступления Н. М. Римашевской звучала так: «Проблемы здоровья населения и демографический кризис в России». Доклад вызвал огромный интерес у слушателей своей актуальностью и живостью изложения материала.

Доклад В. Л. Тамбовцева был посвящен теме «Модернизация российской экономики и институциональные реформы». Как оказалось, Виталий Леонидович стоял у истоков создания концепции Оксфордского фонда, и поэтому ему было особенно интересно посмотреть на результаты работы

фонда, который стимулирует научную деятельность студентов. Мастер-класс В. Л. Тамбовцева «Модернизация российской экономики и институциональные реформы» позволил сформировать благоприятное поле для общения и дискуссии участников конференции. Одна из главных проблем, по словам Виталия Леонидовича, которая тормозит модернизацию и реформирование российской экономики, состоит в неадекватном распределении общественных благ. Лаборатория при экономическом факультете МГУ, которую возглавляет В. Л. Тамбовцев, разработала модель решения этой тормозящей инновационное развитие социально-экономической проблемы (этота модель представлена в книге «Коалиция для будущего. Стратегия развития России», см. <http://www.siga-econ.ru>).

Работа конференции проходила по следующим секциям:

1. Экономические институты и региональное развитие.
2. Социально-экономические проблемы регионального развития.
3. Финансовые институты регионального развития.
4. Инновационное развитие и моделирование.
5. Проблемы регионального управления.
6. Стратегии экономического развития сырьевых регионов.

Как и в прошлом году, руководителями секций были ведущие экономисты страны и региона: московские, карельские научные сотрудники и преподаватели ПетрГУ. Это своего рода «изюминка» нашей конференции.

В заключительный день конференции состоялась открытая лекция Л. А. Миграновой, заведующей лабораторией Института социально-

экономических проблем народонаселения РАН. Тема, которой она занимается почти 40 лет («Проблемы заработной платы и мотивация труда»), вызвала огромный интерес аудитории.

По итогам работы каждой из секций были определены лучшие доклады. Надо сказать, руководителям секций было нелегко сделать выбор, настолько высок был научный уровень докладов. Но оценка была объективной, поскольку проходила на основе разработанного оргкомитетом оценочного листа.

По результатам II Молодежной научной конференции первые места заняли: Гребенникова В., Южный федеральный университет, секция «Проблемы регионального управления»; Пьянкова А., Уральский ГУ, секция «Социально-экономические проблемы регионального управления»; Антонова Е., Новгородский ГУ, секция «Финансовые институты регионального развития»; Мордвинцев М., ПетрГУ, экономический факультет, секция «Экономические институты и региональное развитие»; Моторина Н., Южный федеральный университет, секция «Инновационное развитие и моделирование»; Бикеева Э., Бородина Е., Уральский ГУ, секция «Стратегии экономического развития сырьевых регионов». Призовые места получили: Аксенова Н., Южный федеральный университет; Драгунова Е., ПетрГУ; Иванова Е., Уральский ГУ; Василенко С., ПетрГУ; Васьков А., ПетрГУ; Ватутина Л., Нижегородский ГУ; Иевков И., ПетрГУ; Гаврилова О., Нижегородский ГУ; Харьковская Е., Южный федеральный университет; Ефимов Н., Новгородский ГУ.

Л. А. Левкина,
координатор проектной деятельности
экономического факультета

■ 13–19 июня 2010 года в Неаполе прошел XIV симпозиум Международного Общества Достоевского (МОД) (International Dostoevsky Society (IDS).

В симпозиуме приняли участие около 120 ученых из 25 стран мира: России, США, Австралии, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Германии, Греции, Испании, Италии, Канады, Латвии, Македонии, Нидерландов, Новой Зеландии, Польши, Румынии, Украины, Франции, Чехии, Швейцарии, Эстонии, Японии. В российской делегации – известные литературоведы ПетрГУ: вице-президент МОД, профессор В. Н. Захаров; декан филологического факультета, профессор А. Е. Кунильский; доцент Н. А. Тарасова.

На симпозиуме прошла презентация книг, выпущенных в ПетрГУ. Это восьмой том Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (главный редактор В. Н. Захаров) и первый выпуск сборника «Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского», в создании которого активное участие принимали сотрудники Веб-лаборатории и текстологической группы.

Участники симпозиума дали высокую оценку работе петрозаводских исследователей творчества Ф. М. Достоевского.

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи как правило не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – до 5 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – до 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом 6–8 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на двух языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания

и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до)). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

HISTORY

Pashkov A. M.

FOLKLORE AND ETHNOGRAPHIC ACTIVITY OF PETRASHEVITS ALEXANDER BALASOGLO DURING HIS EXILE IN PETROZAVODSK

Summary: The article speaks about the contribution of Petrashevits A. P. Balasoglo to the research of folklore and ethnography of peoples residing in Karelia during the years of his exile in Petrozavodsk. The author tries to reconstruct the content of the lost archive collected by A. P. Balasoglo during his exile.

Key words: A. P. Balasoglo, political exile, Olonets province, Petrozavodsk, folklore, ethnography 8

Takala I. R.

FINNISH FACTOR IN THE ESTABLISHMENT OF AUTONOMOUS KARELIA

Summary: The paper analyses the influence of various Finnish political forces on national mobilization of eastern Karelians and evaluates the so-called Finnish factor (politics of white Finland and Red Finns) in the establishment and development of Karelian autonomy.

Key words: Karelia, Finland, autonomy, Karelian Labor Commune, KASSR, Soviet Karelia, Red Finns 17

Shakhnovich M. M.

STONE CROSSES IN KARELIA

Summary: The present article is concerned with monumental stone crosses found on the territory of Karelia. These expressive monuments of the XIV–XVI centuries are illustrative testimonies of the spread of Orthodoxy in the northern outskirts of Novgorod region. The stone monuments are considered in the archeological context.

Key words: Monumental stone crosses, “a cross in the circle”, late Middle Ages 27

PEDAGOGY

Yakimanskaya I. S.

CONCEPT OF PERSON-CENTERED EDUCATION

Summary: The article is written about one of the most promising pedagogical techniques of the modern educational practices – person-centered education. The history and the main concept of the person-centered education, experimental models tested in schools and colleges, requirements for the didactic materials of the person-centered education concept are presented.

Key words: Person-centered education, actualization of the person’s subjective experience, individual educational trajectory, technology of the person-centered education, methods of teaching, specifics of the person-centered didactic materials 36

PHILOLOGY

Patroeva N. V.

PREPOSITIONAL CLAUSES AND CASE STRUCTURES IN POETRY: STRUCTURE, SEMANTICS AND EXPRESSIVE POTENTIAL

Summary: The article analyses the structure, meanings and expressive functions of the prepositional clauses and case structures in Lermontov, Karamzin and Pushkin’s poetry.

Key words: Prepositional phrases, case structures, poetic syntax 41

Abramova I. E.

LANGUAGE SOCIALIZATION IN NON-NATIVE CLASSROOMS

Summary: The purpose of this paper is to consider the process of language socialization without natural language environment. First it gives a brief overview of the scientific literature on the topic. Then the results of the phonetic experiment testing the production accuracy of English consonants by bilinguals are analyzed. We investigate the influence of non-native English teachers’ pronunciation proficiency on the pronunciation of their students and the peculiarities of social group language code. Finally, some conclusions are made.

Key words: Language socialization, artificial bilingualism, non-native English-speaking teachers, small social group 50

Nejelov E. M., Kolesova L. N.

TRADITIONS OF PROF. I. P. LUPANOVA'S SCHOOL

Summary: The article analyses the school of thought of the Russian Literature and Journalism Department in reference to the study of history and theory of the Russian literature for children.

Key words: academic school, literature for children, I. P. Lupanova 55

Sharapenkova N. G.

“THE EYE” AS THE MAIN MOTIVE OF ANDREY BELYJ’S NOVEL MOSCOW

Summary: The present article identifies one of the leading motives of the novel *Moscow* and shows its connection with the novel’s conceptual ideas and Andrey Belyj’s perception of the world. The functions of the “eye” motif are identified on the figurative, religious and anthroposophical levels. The “eye burning” is the hero’s Calvary. It signifies the end of the ancient Adam and the beginning of a new man through crucifixion (exit into the Universe occurs through Chaos).

Key words: Andrey Belyj, motif, the novel ‘Moscow’, eye, look, eyen, the Universe, Chaos 58

Babalik M. G.

APOCRYPHA “DISCOURSE OF THE THREE SANCTIFIERS” IN RECORDS OF OLD BELIEVER AND SCRIBE I.S. MYANDIN

Summary: The article studies records of the ancient Russian apocrypha “Discourse of the Three Sanctifiers” from Ust’-Tsilma collection (IRLI, Pushkin’s house) attributed to the famous old believer and scribe I. S. Myjandin.

Key words: Record-copy, Ust’-Tselimsk collection ,scribe, old believer, manuscript 63

PHOLOSOPHY

Vinogradov A. I.

G. V. PLEKHANOV ON SUBJECTS OF HISTORY: “TEMPTATION BY TRANSCENDENT”

Summary: G. V. Plekhanov’s idea of the subjects of history, characteristic features of the Marxist approach toward this problem are studied in this article. Some characteristics of the philosopher’s ideas that contradict materialistic paradigm of philosophy are also revealed.

Key words: Subject of history, marxism, transcendent 70

ECONOMICS

Rimashhevskaya N. M.

SOCIAL POLITICS OF PEOPLE MAINTENANCE

Summary: The article deals with the problems of demography and state of health of the Russian population. Based on the data from FSSS (Federal State Statistics Service) and special studies of the population a characteristic of the state of health and dynamics of its development is given. Reasons of high morbidity and high death rate are revealed. Special attention is paid to the state of health among children, teenagers and youth. Ways and methods which may radically change negative health trend and demographic crisis are offered.

Key words: Birth rate, death rate, state of health, morbidity, population size, factors, demographic crisis 75

Migranova L. A.

PROBLEMS OF COMPENSATION AND LABOR MOTIVATION

Summary: The article deals with pressing issues of labor compensation in Russia. The analyses of the level and dynamics of wage differentiation helped to evaluate the effectiveness of its two important functions: reproductive and incentive. The article reviews problems of the minimal wage and reforms of labor compensation in public sector. Ways to reform labor compensation that meets requirements of the market economy in public sector are offered.

Key words: Minimal wage, differentiation, reform, labor code, social guarantee, public sector 83

LAW

Chernov S. N., Burtsev V. I.

CONTEMPORARY CONDITION OF ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL CONCEPTS OF ENVIRONMENT SAFETY IN RUSSIAN FEDERATION

Summary: The state and regional environmental policy is an independent area of the state’s social life in the field of environmental safety and conservation of natural resources, a pinnacle of the state’s ecological responsibility. The states have sovereign rights to tap their own resources in line with their environmental policy. They bear responsibility for provision of measures that secure any damage to the environment of other states and regions beyond their jurisdiction.

Key words: Environmental protection, natural resources, environment, systematization of environmental law, environmental code of the Russian Federation 90

Olenina T. Yu.

LEGAL ADMINISTRATIVE STATUS OF BASIC VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS

Summary: The author of the article defines the legal administrative status of basic vocational education institutions and reviews classifications of basic vocational education institutions of different types.

Key words: Basic vocational education institution, legal administrative status 96

REVIEWS*Savelieva L. V.*The book review: *Korshunov I. A. Dictionary of Noncalendar Personal Names, Nicknames and Family Surnames in North Westen Russia of XV–XVII Centuries* 99*Muraviev A. O., Suni L. V.*The book review: *Saarela Tauno. Suomalainen Kommunismi ja Vallankumous 1923–1930* 101*Padisov S. G.*The book review: *Akulov V. B. Theory of Economic Entity: Study guide* 103*Ponirko N. V.*The book review: *Monuments of Book Antiquity of the Russian North: Collection of Manuscripts of the XV–XX Centuries in the State Archives of Karelia* 105**MEMORY***Zaitseva N. G.*

Dedicated to the memory of an educator and researcher M. I. Mullonen 107

SCIENTIFIC INFORMATION 109

INFO FOR THE AUTHORS 112

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ: инструмент для оценки научной деятельности и механизм продвижения научных журналов

Во всем мире одним из ключевых показателей для оценки работы отдельных исследователей и научных коллективов, влияния на развитие науки, определения качества исследований служит индекс цитирования авторов и импакт-фактор журнала (как средний показатель цитируемости его авторов). Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок на публикацию автора в других источниках. Для корректного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок, но и качество самих ссылок. На статью может ссылаться авторитетное издание или популярный иллюстрированный еженедельник. Значимость таких ссылок разная. Для решения проблемы определения значимости периодического издания разработан свой индекс цитирования – импакт-фактор. В индексе цитирования заинтересованы все те, кто имеет отношение к науке и образованию: 1) Ученые с помощью индекса цитирования отслеживают текущую актуальную библиографию работ по своей тематике. 2) Чиновники, учитывая индексы цитирования, принимают решение о выделении финансовой поддержки для исследовательской деятельности отдельного ученого или научного коллектива. 3) Администраторы университетов и институтов на основании показателей цитирования и объема опубликованных работ определяют размеры финансового вознаграждения своих сотрудников. 4) Издатели научной литературы, используя импакт-факторы журналов, оценивают качество изданий, их авторитет и востребованность как научного продукта.

Федеральное агентство по науке и инновациям Министерства образования и науки РФ и Научная электронная библиотека занимаются реализацией проекта «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)». РИНЦ – это специализированная база данных по российским научным периодическим изданиям, создаваемая на основе индексирования библиографических описаний статей, аннотаций или рефератов, а также пристатейных ссылок цитируемой литературы. База оснащена мощной поисковой системой, способной реализовать поисковые запросы различной сложности. Благодаря этому продукту можно получать точные данные по индексу цитирования авторов и импакт-факторам журналов.

**ЖУРНАЛ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ВКЛЮЧЕН
В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
(РИНЦ) В ИЮЛЕ 2008 ГОДА.**

ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕРИЮ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ» МОЖНО ПО КАТАЛОГУ ИЗДАНИЙ ОРГАНОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ» (ИНДЕКС 66094)